

ОГОНЁК
№ 18 АПРЕЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 18 (1767)

30 АПРЕЛЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

От всего сердца поздравляю читателей «Огонька» с Первомаем!

Праздник для всех нас сегодня особенно радостен: мы получили такой великолепный подарок — первый в истории полет в космос.

Запуск космического корабля «Восток» — самое выдающееся достижение в истории человечества. Еще раз доказано всему миру, что социализм—такой могучий источник сил, при котором прогресс не знает предела.

Эпохальный подвиг советского народа и его славного сына майора Гагарина означает, что демократия и социализм сделали еще один мощный шаг вперед. Сторонникам «холодной войны» не угнаться за ними. Это и понятно: ведь сторонники мира и социализма отправляются изучать новые планеты и не собираются разрушать нашу старую.

Херлуф Бидструп

Хорсемосегорд, Лиллерод, Дания.

Май — в наших сердцах

Май!

При одном этом слове на лицах людей расцветают улыбки. Может быть, потому, что месяц май стал для нас синонимом весны, хотя во многие края великой нашей страны она приходит гораздо раньше. Не потому ли, однако, светлеют наши лица, что при слове «май» мы разумеем «Первомай» — праздник, который празднуем мы, который празднуют миллионы наших друзей на всех континентах?

Первомай не просто весна. Это весна Человечества. И каким бы ни был сам по себе день 1 мая — пасмурным, холодным или дождливым,— для нас он всегда солнечный, нарядный, звонкий и синий, как майское небо в безоблачную пору.

Мы знаем, конечно, что и в наши дни далеко не всем трудящимся мира можно будет пройти по улицам городов и селений открыто, с красными флагами и транспарантами: многим придется собираться небольшими группами где-нибудь в лесу, на глухих полянах, как собирались русские рабочие около полувека тому назад. Но таких стран, где Первомай все еще под запретом, становится все меньше и меньше. Наступит день — а в это теперь верим не только мы, но и те, которым бы очень не хотелось в это верить и которые изо всех сил стараются делать вид, что не верят,— наступит день, и

праздничные первомайские демонстрации разольются половодьем по всей земле. Ведь уже сейчас около одного миллиарда человек идет под знаменем социализма, крепко взявшись за руки, и никто не сможет остановить этого победоносного шествия. От Карпатских гор до Шанхая единым боевым лагерем встала ныне великая армия строителей самого прекрасного здания на земле; имя зданию — Коммунизм.

Мы бесконечно счастливы тем, что именно наша Родина завоевала гордое и трудное право положить первый камень в фундамент невиданного сооружения, доказав возможность лучшей доли для простого человека на земле его отцов.

На пути своем советский человек встречал немало лишений и невзгод. И немудрено. Он шел неизведанными тропами, враги с сатанинской энергией и последовательностью пытались помешать ему, спутать все его карты, столкнуть в пропасть; против него была обращена самая злобная сила, зародившаяся в гнилом чреве империализма, — германский фашизм. Советский человек, подобно сказочному богатырю, сокрушил, растоптал современных Идолищ Поганых и, гордый, пошел своей дорогой, увлекая за собой миллионы.

Удивленный мир, затаив дыхание, смотрит теперь на его стремительную поступь. Смотрят все. Одни — с надеждой и упованием. Другие — с бессильным бешенством.

Советский корабль идет себе своим прямым курсом, ведомый мудрым и надежным рулевым — Коммунистической партией, самой отважной партией на земле.

Май!

Обратили ли вы внимание на тот в высшей степени многозначительный факт, что на первые числа этого месяца приходится сразу несколько праздников? И один из них мы называем Днем Победы. 9 мая — это не только День Победы, это еще и день, после которого стало возможным рождение Чехословацкой Социалистической Республики и Германской Демократической Республики. Наверное, Эрнст Тельман, выходя со своими товарищами-рабочими на тайные маевки где-нибудь в окрестностях Гамбурга или Берлина, не раз говорил о грядущих победах. Не довелось ему дожить до светлых дней и пройти ныне во главе праздничных первомайских колонн по улицам столицы Германской Демократической Республики.

Да, на красных стягах есть капля и его горячей крови. А сколько ее пролилось прежде, чем смогли свободно струиться, течь по светлым нашим улицам эти нарядные, расцвеченные радостными улыбками колонны демонстрантов; прежде чем смог сесть за парту рабочий или крестьянский парень, тот самый, который ныне стал ученым, разумом которого ты, Юрий Гагарин, поднят к самым звездам и благополучно посажен на родную нашу Землю! Вслед за Гагариным полетят космонавты Ганы, Гвинеи, Конго — это непременно будет! — но для этого должна была пролиться кровь Патриса Лумумбы. Жмурясь от яркого солнечного света, оглядывает землю кубинский крестьянин: теперь эта земля принадлежит ему, он сеет и жнет на ней для себя. Но для этого маленькая Куба должна была пролить очень много крови, для этого она должна была родить бесстрашного Фиделя.

Мрак не исчезает сам по себе, он оказывает яростное сопротивление Свету, который приходит неизбежно ему на смену. Очень хорошо сказал обо всем этом поэт:

В полоске алого рассвета
Всегда мне видится одно:
Идет сраженье тьмы и света,
И не бескровное оно.

Милая наша Родина!

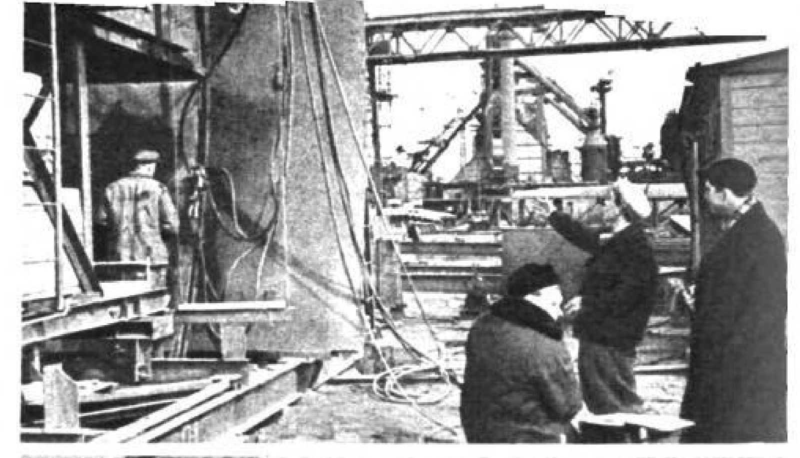
Теперь тебя называют берегом Вселенной — и не без основания. А ведь было время, когда даже люди, обладавшие неудержимой фантазией, не могли в дымке времени различить твоего предначертания, не могли поверить в твое великое Возрождение, а человека, который безгранично верил и бесконечно далеко и глубоко видел, называли «кремлевским мечтателем».

Мы идем своим, определенным историей путем. И ежели нас не смогли сбить с этого пути прежде, когда мы шли по нему одни, когда до цели было далеко, то кто же собьет нас сейчас, когда с нами миллионы и миллионы, когда цель явственно видна, когда по нашим делам выверяются и проверяются величайшие достижения человеческого гения!

Мы идем от рубежа к рубежу. Очередным таким историческим рубежом будет XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. С его трибуны, как с высокого перевала, мы оглянемся на пройденный путь, оценим его должным образом; с того же перевала посмотрим далеко вперед, наметим ориентиры и — снова в дорогу!

Май плещет на улицах!
Май — в наших сердцах!

ТРУДОВЫЕ ПОБЕДЫ — XXII СЪЕЗДУ

УДАРНАЯ СТРОЙКА СЕМИЛЕТКИ. На Череповецком металлургическом заводе началось строительство мощной доменной печи.

Ударная комсомольско-молодежная стройка сдаст домну в эксплуатацию в конце третьего года семилетки.

На снимке: сварка первых металлических стальных листов кожуха домны.

Фото А. Жидкова. ТАСС.

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ЧАБАНСКИХ БРИГАД в совхозе «Айгурский», Ставропольского края. На их попечении около 59 тысяч овец. За каждой бригадой закреплен участок земли, трактор, комплект необходимых сельскохозяйственных машин и орудий. Животноводы не только ухаживают за овцами, но и заготавливают корма. В бригадах установлена сдельная оплата.

Широкое применение механизации облегчает труд животноводов, снижает себестоимость мяса и шерсти.

На снимке: старший чабан механизированной чабанской бригады в совхозе «Айгурский» А. С. Токарев.

Фото А. Батанова.

ВЫПОЛНЯЯ РЕШЕНИЯ ЯНВАРСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС, труженики сельского хозяйства Крыма развернули борьбу за высокий урожай кукурузы. Около тысячи гектаров займет эта культура в сельхозартели имени Кирова. Возделывание кукурузы поручено механизированным звеньям.

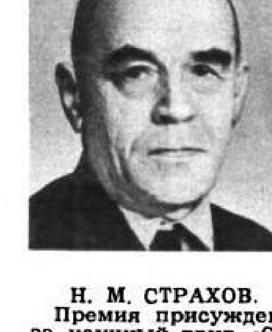
На снимке: сев кукурузы в колхозе имени Кирова.

Фото Г. Бородина.

ЛАУРЕАТЫ

А. Ф. ИОФФЕ.
Премия присуждена за теоретические и экспериментальные исследования свойств полупроводников и разработку теории термоэлектрических генераторов.

Н. М. СТРАХОВ.
Премия присуждена за научный труд «Основы теории литогенеза».

В. П. ВОЛГИН.
Премия присуждена за разработку истории домарксовых социалистических учений.

Г. И. НЕКЛЮДОВ.

М. А. СТЕЛЬМАХ.
Премия присуждена за трилогию: «Хлеб и соль» — роман, «Кровь людская — не водица» — роман, «Большая родня» — роман.

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ.
Премия присуждена за поэму «За далью — даль».

И. Ю. СМУУЛ.
Премия присуждена за антарктический путевой дневник «Ледовая книга».

Е. А. МРАВИНСКИЙ
Премия присужден[а] за концертно-исполни[]тельскую деятел[ь]ность.

«ПОКОРИТЕЛЮ КОСМОСА» — так будет называться монументальное произведение грузинского скульптора Гиви Рухадзе.

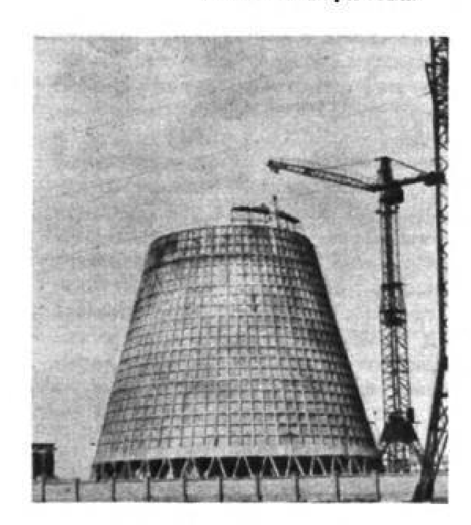
Фото И. Чохонелидзе.

ГРАДИРНЯ ИЗ СБОРНОГО ЖЕЛЕЗОБЕТОНА воздвигается на Дарницкой ТЭЦ в Киеве. До сих пор эти водоохладительные установки сооружались и у нас и за рубежом из монолитного железобетона. Такое строительство было очень трудоемким, требовало множества рабочих.

Новая градирня, сконструированная главным инженером проекта «Южэнергострой» Н. Доценко, собирается из сборных железобетонных плит. Выгода нового метода велика: он позволяет строить градирни вдвое быстрее, расход металла сокращается в девять раз.

Фото А. Горячева.

«РАЗВЕ НЕ ФАКТ, что этот тип радиопередатчика изготовлен специально для Центрального разведывательного управления США?» — с таким вопросом министр иностранных дел Кубы Рауль Роа (крайний справа) обратился к представителю США в ООН Эдлаю Стивенсону.

Кубинский делегат представил Политическому комитету Генеральной Ассамблеи ООН неопровержимые документы, разоблачающие агрессивные действия США против Кубы. Это Америка подготовила банды мятежников и снабдила их оружием и другим военным снаряжением!

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

В ЗАПОЛЯРНОМ ГОРОДЕ НОРИЛЬСКЕ создана народная филармония, объединившая два больших коллектива — академический хор и оркестр народных инструментов. Руководят новой концертной организацией: энтузиасты - общественники дирижер В. Мазин, хормейстер Э. Бухарцев, музыканты-любители А. Стрелков, А. Смирнов.

На снимке: коллектив филармонии на концерте.

Фото В. Забоева.

В МУРМАНСКЕ СОЗДАН ПОЛЯРНЫЙ ГЕОФИЗИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ. На Кольском полуострове, вблизи зоны полярных сияний, электромагнитные процессы протекают особенно бурно. В институте всесторонне исследуют проблемы земного магнетизма, полярных сияний, космических лучей, ионосферы и распространения радиоволн в высоких широтах.

На снимке: сотрудница Полярного геофизического института Т. Е. Ненахова.

Фото В. Мастюкова и В. Вярнна. ТАСС.

ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. С. АНДРЕЕВ.

Е. Ф. ЧУЧИН.

Н. Н. ВОЛКОВ.

В. И. ЩАДИЛОВ.

В. М. КУДРЯВЦЕВ.

Премия присуждена за создание и внедрение автоматизированного оборудования для производства часов.

А. А. ПРОКОФЬЕВ.
Премия присуждена за книгу стихов «Приглашение к путешествию».

В. Н. ПАШЕННАЯ.
Премия присуждена за исполнение ролей Вассы Железновой и старой хозяйки Нискавуори в спектаклях «Васса Железнова» и «Каменное гнездо» в Государственном академическом Малом театре.

Б. И. ПРОРОКОВ.
Премия присуждена за серию рисунков «Это не должно повториться».

С. Т. РИХТЕР.
Премия присуждена за концертно-исполнительскую деятельность.

М. С. САРЬЯН.
Премия присуждена за цикл картин «Моя Родина»: «Армения», «Колхоз села Кариндж в горах Туманяна», «Сбор хлопка в Араратской долине», «Лалвар», «Араратская долина из Двина», «Арарат из Двина», «Бюракан».

Г. Н. ЧУХРАЙ.

В. И. ЕЖОВ.

Премия присуждена за художественный фильм «Баллада о солдате».

Победители урагана. Справа — Василий Васильчишин.
Фото Н. Кацмана.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Победители урагана

О. КУПРИН

Через несколько минут вертолет уйдет на очередное задание. Е. Цин, В. Подгурский, Н. Беликов и Ф. Попов заняты обычным, будничным делом.

Мысленно пробегаю от начала до конца эту историю и задумываюсь: где предел человеческой силы? Нет, то, что произошло, просто не укладывается в сознании. Не могли люди сделать этого. Физически не могли... И все-таки сделали.

Это случилось на западе нашей страны — в городе Черновцы.

* * *

У проходной тревожно выли сирены пожарных машин. Вахтеры никак не могли справиться с воротами. Ветер играл ими, как ставнями, которые нерасторопный хозяин не успел закрепить перед бурей. А по опустевшим улицам города к электростанции уже мчались другие машины. Из обкома, из горкома, из милиции...

Два здания, что стоят рядом, метрах в тридцати друг от друга, образовали небольшой переулочек. По нему со свистом летят камни, щепки. Двое, придерживая обеими руками фуражки, пригибаясь к земле, пытаются сладить с вихрем. На фуражках крылья и пропеллеры. Эти двое — летчики.

— Как в аэродинамической трубе, — говорит один, и ветер уносит его слова назад.

Кажется, будто все ветры, что гуляли по свету, сегодня собрались вместе и обрушились на Черновцы. Небо голубое, весеннее, ласковое, а на земле злющий ураган. И откуда он только взялся?

Около большой шестидесятиметровой трубы уже не первый час стоит кучка людей. Все смотрят вверх. Не устояв перед взбесившимся ветром, металлическая громадина дала трещину. И теперь после каждого нового порыва почти половина трубы клонилась к земле. Труба раскрывала свою черную пасть-трещину, а потом с грохотом сводила стальные челюсти.

Только по этому зеву и обнаружили на городской электростанции опасность. Кто-то увидел, что время от времени дым идет откуда-то из середины трубы.

Страшная пасть с каждым часом становилась все больше. Вскоре ее стало видно с земли. Труба зевала чуть ли не метровым зевком, все больше кренясь в сторону. И это «в сторону» было самым страшным. Тридцатиметровый кусок трубы весом в двадцать — двадцать пять тонн навис над зданием котельной. И каждый, кто был в тот час здесь или кто в панике убежал от гибельного места, понимал, что это означает. Двадцатитонная махина рухнет на здание котельной. Там котлы высокого давления. Если они взорвутся, то... Страшно подумать, что будет тогда. Но если даже не взорвутся, от здания останется груда кирпичей. Электростанция выйдет из строя. Остановятся заводы и фабрики, застынут на улицах трамваи, не вспыхнут вечером яркие огни в домах. И так будет не день и не два...

Первый аварийный приказ директора звучал так: «Погасить котлы. Вывести людей из котельной». Состоялось экстренное совещание. На повестке дня один вопрос: «Что делать?» Вариантов решения неожиданной задачи было много, и все они упирались в одно: как подобраться к трещине?

И вот в каскаде мыслей, предложений, советов мелькнуло одно слово: вертолет. Тут же связались с летчиками. «Все понимаем,— ответили они. — Но сейчас никто не разрешит вертолетчикам подняться в воздух. Звоните чуть позже: может быть, ветер хоть немного утихнет».

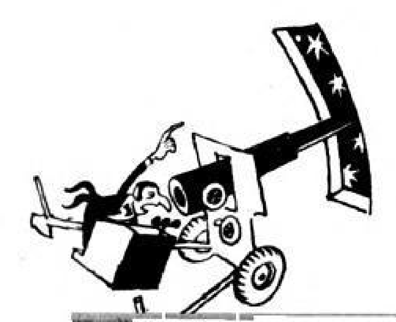
Ждать? Нет. Так уж устроен человек: даже в минуту смертельной опасности, пожалуй, самое страшное не смерть, которая бродит где-то рядом, а само ожидание, когда сидишь сложа руки и ждешь, смилостивится над тобой случай или нет, и только и думаешь об этом. Вот эти мысли и есть самое страшное и самое бесчеловечное. Мне рассказывали бывшие артиллеристы-зенитчики: «Страшно, очень страшно лежать под бомбежкой где-нибудь в воронке от снаряда, слышать завывание фугасок, гадать, какая из тех, что воют в небе, «твоя». В такие минуты какой-то животный страх приковывает к земле и пальцы инстинктивно роют, как бы забраться поглубже в землю. А когда во время налета действуешь бок о бок с товарищами у орудия, стреляешь и стреляешь без конца и, если стрельба удачная, гадаешь, какой из подбитых стервятников «твой»,— не верьте, что тогда артиллерист не испытывает страха. Испытывает. Но тогда и страх совсем иной, не животный...»

Человек остается человеком, пока борется.

Наверное, такое чувство было у многих в тот бурный день у трубы, которая в любую минуту грозила рухнуть и похоронить труды человеческих рук. Поэтому, когда в ремонтно-механический цех вбежал озабоченный главный инженер Василий Саввич Мирончук, то все поняли: начальство до чего-то додумалось. Моментально стихли разговоры.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

МАРСИАНЕ И РАЗОРУЖЕНИЕ

«Не забывайте про марсиан!» — напомнил в одной из своих речей в ООН представитель Португалии Васко Гэрин.

Нет, салазаровский дипломат не пускался в тонкости астронавтики. Его речь была направлена против разоружения. Именно в вооружении он видит акт величайшего гуманизма, ибо, по его мнению, люди поступили бы крайне безответственно, если бы уничтожили оружие. Чем тогда они стали бы защищаться в случае нападения марсиан или жителей Венеры?!

Сеньор Гэрин считает, очевидно, что если нет аргументов, то любая глупость сойдет за аргумент...

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

В одном из городов американского штата Индиана средь бела дня в местный банк вошел молодой человек. В одной руке он держал мешок, в другой — пистолет.

— Доллары в мешок — и быстро! — приказал посетитель.

Кассиру ничего не оставалось делать, как повиноваться. Под дулом пистолета он лихорадочно набивал мешок хрустящими бумажками. Когда эта процедура была закончена, неожиданный визитер, забрав мешок, покинул здание банка.

Грабитель был задержан. Им оказался некий Геральд Хатчинсон. Ему пятнадцать лет!

— Где вы научились так ловко орудовать? — спросили юного преступника в полицейском участке.

— У телевизора и в кинотеатрах,— ответил тот.— Очень поучительны и комиксы.

Да, поистине, что посеешь...

«ДЖИ-АЙ» УПРАЖНЯЮТСЯ

Эти американские парни с оружием в руках (снимок 1) сфотографированы репортером журнала «Лук» не в Техасе и не во Флориде. Они находятся далеко от родины — в Западном Берлине.

Ночью солдат часто поды-

Из воспоминаний ветерана трех революций

МОЯ ПЕРВАЯ МАЕВКА

[redacted] нынешнем году рабочие всего мира отмечают 1 Мая уже семьдесят второй раз. Мне выпало счастье праздновать день международной солидарности шестьдесят раз.

Ярче всего, пожалуй, запомнилась самая первая моя маевка — в 1901 году в Екатеринославе (ныне Днепропетровск).

Трудным было это время для екатеринославских марксистов. Ровно за год до этого, в апреле 1900 года, екатеринославские жандармы почти полностью разгромили нелегальные кружки; разгромили и Екатеринославский комитет РСДРП.

В комитет входили такие опытные революционные марксисты, как И. Х. Лалаянц, его жена П. И. Кулябко, Миха Цхакая, П. А. Морозов, и многие другие товарищи. Нашему главному руководителю Ивану Васильевичу Бабушкину своевременно удалось скрыться из Екатеринослава.

Казалось, что через год после такого разгрома организации и при усилившейся жандармской слежке нечего было и думать о проведении первомайского праздника. Однако уцелевшие после арестов товарищи сумели не только восстановить связи с рабочими, но и создать ряд новых нелегальных кружков на заводах.

В воскресенье 22 апреля в лесу за Франко-русским вагоностроительным заводом собрались рабочие. Здесь были люди и с Франко-русского вагоностроительного, и с эстампажного, и с Русско-бельгийского печного, и с гвоздильного — Гантке в Нижнеднепровске, и со многих других заводов Екатеринослава и его предместий.

От Екатеринославского комитета РСДРП на массовку пришли Евгения Николаевна Адамович, Виктор Копп (в будущем советский посол в Норвегии) и Абрам Сонкин.

Для конспирации рабочие захватили корзинки и кошелки со снедью, с пивом, водой.

Прибывшие из города товарищи рассказали о значении Первого мая, о том, как проводят этот праздник зарубежные рабочие. Потом мы обсудили все, что нужно сделать для подготовки общегородской первомайской демонстрации, которая должна была состояться на главной улице — Екатерининском проспекте (ныне проспект Карла Маркса).

Наше собрание прошло очень удачно, все были оживлены и веселы, пели революционные песни. Мы разошлись по домам, полные уверенности в успехе будущей демонстрации.

Но жандармы в это время всяческими путями доискивались, что происходит на заводах и в мастерских...

Через несколько дней после нашей лесной сходки по ночам стали исчезать то один, то другой из наших единомышленников.

В одну из весенних ночей жандармы арестовали и меня, тогда совсем еще мальчишку, и препроводили в город. Там меня посадили в мрачную, зловонную камеру при главном полицейском управлении. Через несколько дней привели на допрос к самому генералу Делло, начальнику губернского жандармского управления.

Ничего грозного, ничего страшного не приметил я вначале в добродушном седобородом старике, одетом в домашнюю серую куртку с генеральскими эполетами.

Но это добродушие было показным. С первых же вопросов генерала я понял, что среди участников нашей лесной сходки были предатели или малодушные болтуны, которые подробно рассказали жандармам обо всем, что происходило на собрании.

Достаточно подготовленный чтением нелегальной брошюры «Как держать себя на допросах», я на все вопросы генерала повторял только одно: «Нет, не знаю», «Нет, я там не был», «Я не знаю никого из названных мне людей, кроме рабочих литейного цеха, где я сам работаю».

Провозившись со мною буквально «до седьмого пота» и не получив ни одного утвердительного ответа, рассвирепевший (куда только девалось стариковское добродушие!) генерал заорал: «Вахмистр, взять этого сопляка и отправить в тюрьму!»

Вскоре меня, как и многих других рабочих, освободили, но только затем, чтобы выслать из Екатеринослава. Я попал в Саратов. Прибыв туда, я сразу же вошел в нелегальный марксистский кружок и уже на следующий год снова участвовал в подготовке первомайской демонстрации. Тут я снова был арестован. На суде я произнес обвинительную речь против самодержавия. Об этой речи упомянула затем ленинская «Искра».

Как же счастлив и горд я был, когда увидел в «Искре» такую оценку моего поведения на суде в Саратове: «... было бы большим уроном для дела, если бы Воеводин, Заломов, Самылин и другие осужденные сошли со сцены, не сказав своих последних агитационных речей».

Петр ВОЕВОДИН,
член КПСС с 1899 года.

Мирончук оглядел всех.

— Ну что, тезка, пойдем? — обратился он к сварщику Василию Спиридоновичу Васильчишину. Сказал это он нарочито спокойным тоном, словно приглашал обедать в столовую.

Сварщик молчал.

— Не пойдет он, — послышался сзади робкий, глухой голос. — Рабочий день у него через час кончается. Семья. Сынишка совсем еще небольшой. Воспитывать кто будет, если?..

— Пошли! — Васильчишин решительно надвинул на лоб кепку и шагнул к Мирончуку.

За ним последовал еще один рабочий — высокий, худощавый человек.

План был такой. Забраться внутрь трубы и, приваривая к стенке скобы, подняться до трещины. Затем к обеим челюстям пасти приварить проушины и большим болтом стянуть трещину, а потом уже наложить по всей дуге заплатки. Внизу трубы открыли люк. Первым на разведку отправился Мирончук. Надел защитные очки (кто знает, что там внутри!) и исчез в темном окне. Минут через десять из люка вынырнуло что-то черное, бесформенное, отряхнулось и оказалось — это голова Мирончука. Главный инженер жадно вдыхал воздух. На кепке громоздилась горка сажи. Сажей были залеплены очки, лицо, одежда.

— Сейчас пока нельзя, — сказал он, тяжело переводя дыхание.— Угорел я. Откройте пошире люк. Пусть проветрится. Газы там скопились.

Ветер не унимался. Труба ходила ходуном. То и дело грозно скрежетали челюсти трещины. По телефону приняли очередной прогноз погоды на ближайший час — ничего утешительного. Опять ветер. Такой же сильный.

Кто-то принес Васильчишину новую спецовку.

— Возьми. Переодень.

— Ладно... Спасибо...

В голове мелькнуло: матросы перед решительным боем надевали новые тельняшки.

Васильчишин на войне не был. В 1941 году ему было тринадцать лет. А в 1948-м стал он сварщиком, работал на стройках, немало колесил по Украине. Строил заводы, электростанции, фабрики. Говорят, что ценность жизни определяется тем, что человек оставил после себя людям. Васильчишин сделал уже немало. В Киеве, в Луганске, в Сталино, в Днепродзержинске... И здесь, в Черновцах. Те самые котлы электростанции, которые в любую минуту могли взлететь на воздух, монтировал он, Васильчишин Василий Спиридонович. Здесь закончилась его кочевая жизнь: из сварщика-строителя стал он сварщиком-эксплуатационником. Здесь он первый на электростанции начал соревнование за звание ударника коммунистического труда.

Васильчишин стоял у трубы и ждал команды. День сегодня выдался не из легких, в цеху было много работы. А тут еще труба... Сын Вовка, наверное, давно уже пришел из школы и теперь готовит уроки. Кто-нибудь уже позвонил или позвонит соседям, чтобы передали жене, что муж задерживается на работе...

— Ну, пора! — Мирончук посмотрел на часы. — На вас вся надежда. Будет возможность — помогут вертолетчики. А пока вы одни.

Первым в люк полез Васильчишин. Вслед за ним напарник. Внутри основание трубы напоминало железную миску, до краев наполненную сажей. Отсюда труба конусом уходила вверх. И только на высоте метров двадцати конус переходил в цилиндр.

В трубе бушевал смерч. Сажа бесновалась, она крутилась черными водоворотами вокруг лю-

---

мает с постели боевая тревога. Да и не очень-то спится, когда тут же, возле койки, пулемет, когда нервы измотаны всей атмосферой «фронтового города», в который превратили Западный Берлин политики из Бонна и генералы НАТО!

За последнее время в Западном Берлине трижды проводились маневры американских войск. В них принимали участие пехотные и бронетанковые подразделения. Маневры проходили на территории, на которой был специально сооружен макетный городок, воспроизводящий два типичных берлинских квартала. «Джи-ай», как именуют солдат США, усиленно готовились к ведению уличных боев (снимок 2).

Сейчас, когда весь мир живет надеждой на разрядку напряженности, американская военщина раздувает в Западном Берлине милитаристский психоз. Обычный «вклад» Пентагона в решение международных проблем...

ЛОРД ПОНЕВОЛЕ

Чтобы стать в Англии пэром, нужно родиться пэром. Можно, правда, выбиться в лорды и другими путями, но они уже несколько сложнее.

Антони Ведгвуду Бенну не потребовалось испытывать судьбу: он пэр наследственный. В прошлом году после смерти своего отца он получил этот титул вместе с правом заседать в палате лордов. Однако Бенн к тому времени уже был депутатом палаты общин от лейбористской партии, и перебираться в верхнюю палату ему не захотелось.

Свежеиспеченный лорд объявил, что он отказывается от титула и предпочитает остаться в палате общин. Такого еще не бывало никогда! Специальная комиссия палаты общин принялась за изучение возникшей проблемы. После нескольких месяцев напряженной работы она пришла к выводу: пэр не может отказаться от своего пэрства.

Попытка Бенна стать разночинцем провалилась...

УБЕДИТЕЛЬНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

В городе Цинциннати (США) городское кладбище украшает могильная плита со следующим обращением: «Ну, теперь, дорогая, ты поверишь, что я действительно был болен?»

дей, засыпала защитные очки, лезла за шиворот, валила с ног.

— Люк! Люк закройте! — закричал Васильчишин.

Сажевый хоровод немного утих. Переносная лампочка тускло освещала черные стены, уходящие вверх, и черные фигуры людей. Вдруг откуда-то сверху ударил пучок света. Оглушительный удар сотряс стенки, и с них посыпалась сажа. Это труба опять зевнула. Снизу пасть трещины была видна очень хорошо.

Напарник вплотную придвинулся к Васильчишину.

— Ни дать ни взять — железный гроб, да и только! Слушай, Вася, а может, бросим эту затею? Ведь дети у нас. Неохота помирать здесь...

— Стой! — Васильчишин крепко схватил приятеля за рукав, и тот остался рядом: видно, то, что он сказал, не было еще для него окончательным решением, он, видимо, мучился сомнениями.— Стой! Если не мы, так кто-то другой должен быть здесь. Давай начинать. Слышишь?

Тот не двигался.

— Ну, ты сам подумай, садовая твоя голова.— Голос Васильчишина звучал уже мягче.— Не так уж здесь опасно. Если она свалится на котельную, нижняя-то часть, где мы с тобой, останется целехонька.

Васильчишин положил руку на плечо товарищу, дружески потряс его, а сам подумал: «А что, если не на котельную? Тогда верхний конец аккурат сыграет по нижнему, котельная будет стоять, как стояла, а нам крышка. Хоть это и маловероятно, но кто знает... Сейчас от нас зависит судьба целого города».

В этот момент вновь взвился сажевый смерч и в трубу протискались еще трое.

— Принимайте подкрепление!

Это был Мирончук, а за ним еще двое. Напарник заторопился:

— Будет разговоры разговаривать. Начинай, Спиридоныч!

И они начали. Один дежурил у люка, чтобы тот не открывался и сажевые вихри не бесчинствовали с таким нахальством. Двое готовили и подавали сварщику большие, почти метровые скобы. Васильчишин приваривал их к стенкам и карабкался по ним вверх. Впрочем, если бы так!..

Стенки были покрыты толстым слоем сажи. Ее нужно было соскоблить. Под ней слой твердой, как камень, изоляции, которую приходилось отбивать. Какие тут инструменты применить? Кроме молотка и зубила, ничего не придумаешь.

Первую скобу Васильчишин приварил повыше, примерно на высоте плеч. Пока он твердо стоял ногами на покатом основании трубы, делать это было не так уж трудно. Мешали только сажевый хоровод да газы, оставшиеся в трубе. А как дальше?

Васильчишин обеими руками ухватился за приваренную скобу, подтянулся, как на турнике, и, перекинув одну ногу за железную перекладину, повис. Уперся в стенку свободной ногой. Неловко, но руки свободны — значит, можно варить следующую скобу. Вернее, сначала счищать сажу, отбивать изоляцию, а потом уж варить. Затем снова подтягиваться на скобе, снова перекидывать одну ногу, а другой упираться, точно дятел хвостом, в нависшую стенку.

Прошел час. Сварщик карабкался выше и выше. И чем дальше, тем сильнее он ощущал, как качает трубу. Он не знал, сколько прошло времени. То и дело через защитные очки бил пучок света. Васильчишин знал, что в эту минуту нужно особенно крепко держаться, потому что через мгновение последует оглушительный удар, труба вздрогнет и на голову посыплется сажа.

Снизу чуть ли не каждые десять минут спрашивали: «Ну как? Не устал?» Конечно же, устал, ноги одеревенели, глаза щипало, кружилась голова, но он отвечал: «Все нормально. Не устал».

Ветер немного утих. Надолго ли? С аэродрома сообщили: едем к вам знакомиться с обстановкой, попробуем подняться.

И вот шли по узкому переулочку два летчика — Федор Григорьевич Попов и Ефим Цин,— говорили об аэродинамической трубе, а думали о другой, о той, что была где-то совсем рядом и до которой остался десяток трудных шагов.

Инструктаж был короткий. Уж больно дорога каждая минута. Задача такая. Нужно с вертолета зацепить трубу сверху крюком, к которому привязать трос. Потом бросить трос вниз и уже с земли закрепить трубу так, чтобы она не могла упасть на котельную и чтобы стянуть намертво трещину. Короче говоря, главное — это удачно набросить крюк. Вертолет нужно повесить над самой трубой как можно ниже. Поскольку пилот самую трубу видеть не сможет, его действия должен корректировать с земли по радио Попов.

Договорились обо всем и уехали. Пока будут действовать вертолетчики, работу в трубе решено было прекратить.

Васильчишин вылез из люка черный. Снял защитные очки. Захлебнулся воздухом. Его подхватили под руки. «Пойдем, Спиридоныч, ляжешь, отдохнешь»,— говорили ему. «Ничего... Нужно просто отдышаться». И он остался у трубы.

А в это время на аэродроме экипаж вертолета готовился в путь. С Цином летели два авиатехника: Владимир Подгурский и Николай Беликов. На земле распределили обязанности. Подгурский будет набрасывать крюк, а Беликов должен держать наготове моток троса. На земле все казалось не таким уж сложным. Подгурский поднял двухпудовый крюк над головой и легко выжал его несколько раз.

Моток троса был потяжелее, но тоже вовсе не казался страшным. С вертолета сняли дверцу. Привязали авиатехников за ноги к креслам. Когда машина оторвалась от земли и шальной ветер начал бросать ее из стороны в сторону, никто уже не шутил, каждый понимал, что рейс будет необычный и опасный.

Вскоре появилась злополучная труба. Сверху видно было, как на земле вокруг нее копошатся люди. Подгурский по пояс высунулся из дверцы и повис, держа в руках на коротком тросе двухпудовый крюк. Ветер на высоте, не сдерживаемый ничем, казалось, совсем уж обнаглел. Его колючие пальцы царапали лицо. Через минуту окоченели руки.

Первый заход — и первая неудача. Труба была совсем близко, но ветер кинул вертолет сначала вниз, затем в сторону, и крюк прошел ниже обреза трубы.

Цин в наушниках слышал знакомый голос Попова: «Заходи еще раз. Не так низко. А то врежешься в трубу». Интересно, как чувствуют себя ребята там, в воздухе? Пилот не видел и не слышал их. Они висели за бортом вертолета. Об их действиях он мог узнать только по радио с земли.

Второй заход — опять мимо. Третий — тоже неудача. Что же делать? Цин нервничал. Друзья висят на ветру, наверное, уже полчаса, а он крутится, будто в потемках, у этой проклятой трубы и никак не может повиснуть там, где требуется. Если бы ветер хоть немножечко утих и не кидал так машину! Несколько раз спрашивал Попова: «Как там ребята?» «Висят»,— отвечает.

В четвертый раз вертолет крадучись плывет к трубе. Вот она, рядом. Подгурский с трудом отводит трос в сторону. Еще бы чуть-чуть правее. Есть! Крюк со скрежетом цепляется за трубу. Беликов тут же бросает вниз давно уже оттянувший ему руки моток троса.

...Неожиданно настал вечер. Когда приземлились на аэродроме, было уже темно. Цин отвязал своих товарищей от кресел. С трудом они выбрались из кабины. Добрались наконец до своих коек в общежитии. Теперь можно и отдохнуть. И каждый, должно быть, думал: «А что-то теперь делается там?»

А там надежно закрепили трубу тросом, челюсти трещины сомкнулись, и вновь в чрево шестидесятиметрового исполина отправился с помощниками Васильчишин.

И опять скоба за скобой. Все выше и выше.

Вокруг трубы ходили взволнованные люди. Прошел час. Два. Три. Загорелись звезды. Из трубы слышались глухие удары. Это Васильчишин отбивал слой изоляции. Потом удары прекратились: сварщик выбрался из конуса в цилиндр — там изоляции нет.

Мирончук несколько раз подходил к люку, кричал, что пора бы устроить перекур, но оттуда неизменно отвечали, что нет, что еще рано, еще немного. Главный инженер от уговоров перешел к требованиям, не скупился на крепкие слова. Лишь поздно ночью открылся наконец люк и из него вылезли изможденные люди. Васильчишина пытались увести.

— Там осталось уже немного. Пока не кончу, не уйду. И весь разговор! Понятно?

Два часа перерыва — опять блестят в трубе зарницы электросварки. Готова еще одна скоба. Уже привычным движением сварщик берется за нее обеими руками. Ой, как трудно подтянуться! А еще труднее забросить ногу. Ноги перенапряглись, стали твердыми, как камень. Кажется, распухли. Теперь Васильчишин отдыхает уже после каждой второй скобы. Пристегивается к ней поясом и висит... Там, за трубой, занимается рассвет.

Еще две скобы. Остановка. Отдых. Еще две. Вот и трещина. Теперь она прижата прочно. Можно сразу варить по шву. Только сначала стоит наварить скобы вокруг нее. Потом ведь надо еще пришивать стальные заплатки.

Когда черные, вконец выбившиеся из сил люди вылезли из трубы и сказали: «Все!»,— Мирончук посмотрел на часы. Было почти два часа дня. С того времени, когда он первый раз шагнул в трубу, прошли без малого сутки.

...Люди шли к воротам. Теперь ветер дул им в спину, и идти было легко.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

ПОХОД ПРОТИВ АНДЕРСОНОВ

Быть в Швеции почтальоном не очень-то легко. Что, если треть адресатов носит фамилию Андерсон? И это не какой-то исключительный случай. Семьсот тысяч шведов, то есть чуть ли не каждый десятый житель страны, откликаются на эту фамилию. К тому же в Швеции насчитывается около полумиллиона Иоганссонов, сотни тысяч Олсонов, Свенсонов, Петтерсонов и т. д. Не только почтовое ведомство, но и другие государственные учреждения испытывают в связи с этим серьезные затруднения. И вот шведские власти начали широкую кампанию под лозунгом: «Андерсоны, Иоганссоны и Свенсоны, изменяйте ваши фамилии!» Для тех, у кого не хватает фантазии, чтобы самому найти новую подходящую фамилию, составлен список, предлагающий 100 тысяч вариантов.

МАРШРУТ: ЛОС-АНЖЕЛОС — ВАЛГАЛЛА

Перед вами модель нового американского бомбардировщика «В-70», проектируемого в Лос-Анжелосе. Называется этот самолет весьма выразительно: «Валькирия».

Как известно из древнескандинавской мифологии, валькирии — это воинственные девы-богини, уносившие души убитых в Валгаллу, дворец бога войны Одина.

Непонятно, чему радуются изображенные на снимке шеф-пилот американской компании «Норс Америкэн Авиэйшн» Ол Уайт и его сотрудники, разглядывая модель «Валькирии». Неужели они торопятся вылететь в Валгаллу?

ПАРИЖ В ВЕСЕННЕМ НЕДУГЕ

Жан Пьер ШАБРОЛЬ

Для влюбленных все дни —
воскресенье,
Ведь в Париже гостит весна.
И каштаны в белом наряде...

Песенка из фильма Ренэ Клера «Молчание — золото».

Когда наступит ландышей пора...

Французский вариант песни Соловьева-Седого.

Люблю я Париж весенней
порой...

Американская песенка на мелодию Кола Портера

О ней говорят, ее вдыхают, ее воспевают на всех языках мира — знаменитую парижскую весну! Но сами парижане... они, пожалуй, находят ее утомительной. И вы их поймете, далекие друзья. Парижане ощущают весну как болезнь.

Вдруг у тебя тяжелеют ноги по утрам, когда надо отправляться на работу, и сама работа тебе кажется еще более тяжкой, и часы в цехе или конторе тянутся нестерпимо медленно. И сердце сжимает какая-то тоска, а в теле — размягчающая вялость, и все твое существо начинает стремиться куда-то вдаль... Таковы признаки этой весенней болезни парижан.

В дни, когда природа переживает свой медовый месяц, когда деревья становятся чудом красоты, мой друг Жюль, рабочий заводов Рено, ощущает новый прилив революционного непокорства...

...Перед воротами завода
Рабочий вдруг остановился,
словно
Весною схваченный за полу
пиджака...
И, обернувшись
И увидя Солнце,
Огромное и красное
в рассветных облаках,
По-свойски подмигнул великому
светилу:
Товарищ Солнце!
Ну, скажи, не свинство ль,
Что день такой я должен
подарить
Хозяину?

Жак Превер.
«Потерянное время».

Замечу мимоходом, что эти строки обычно вызывали у меня в памяти разговор Маяковского с Солнцем, случившийся в Пушкине, под Москвой. Я сказал об этом Жюлю. Но Жюль не привык изъясняться столь красиво, как поэты. Он взглянул на небо и сказал:

— Читал я, что твой Маяковский делал плакаты для витрин. Постоял бы он у станка в цехе у моего патрона, на заводе Рено... Наверно, обложил бы крепким словом это твое Солнце...

Мы сидели с Жюлем на берегу Сены. В полдень, наскоро проглотив завтрак (хотя поспешность не приносит тут лишнего заработка!), сорок тысяч рабочих автомобильного гиганта Рено, что в парижском пригороде Булонь-Бийянкур, выгадывают четверть часа до гудка, чтобы подышать весенним воздухом у островка Сегэн. Впрочем, они называют это место «островом дьявола»: на нем стоят цеха, такие же уютные с виду, как американская тюрьма Синг-Синг, и в их стенах действуют конвейеры в истинно дьявольском ритме.

В эти короткие минуты, между последним глотком холодного кофе и первым послеполуденным болтом на сборке, берега Сены расцветают, как поле васильками, синим цветом рабочих спецовок. Но сама река, тоже не раз воспетая в стихах о парижской весне, остается угрюмой и грязной, как замасленные руки рабочего. И все-таки вокруг нас — один из тех благословенных дней, когда зной еще не сжег нежные побеги трав и запахи просыпающейся природы ласково вливаются в широко дышащую грудь...

— И еще запахи серы и железа,— перебивает меня Жюль.

Я не сдаюсь и начинаю напевать вполголоса:

«Для влюбленных все дни—воскресенье...»

— Песенка! — усмехается Жюль и показывает пальцем на фрезеровщика Жожо и монтера Жанетту, влюбленных, уставившихся ничего не видящим взглядом в мутные воды славной французской реки.

— Воскресенье, — продолжает Жюль,— бывает раз в неделю. И оно не всегда похоже на то воскресенье, что в твоих песенках. Жожо и Жанетта в воскресенье садятся на велосипеды и стараются удрать подальше, например, в Монтеро. Подальше от Парижа, от завода. Там Сена еще похожа на реку. Они проводят несколько прекрасных часов в траве, там от нее не пахнет сернистым газом... А когда возвращаются обратно вечером, все равно в голове та же мысль: остальные шесть дней у нас отнимает хозяин...

— По-твоему, выходит, Жюль,— говорю я с невинным видом,— что весна принадлежит только бездельникам?

Я вижу, что мой приятель начинает сердиться, он даже сжимает свои огромные кулаки.

— Я не говорил этого! А теперь подумай: Жожо и Жанетта в конце концов поженятся. С жильем у обоих из рук вон плохо, они начнут откладывать гроши и приобретут, может быть, клочок земли за городом; а уж на то, чтобы построить на нем какую-нибудь хибарку, у них не хватит. Они примутся строить сами из всякого бросового материала, который подвернется под руку. Будут работать по воскресеньям, о которых у тебя поется в песенках. Работать из последних сил вместо того, чтобы валяться на траве. Все-таки для себя, понимаешь, для себя!

Жюль яростно взмахнул кулаком и продолжал:

— И разве, спрашиваю я, они могут не думать о том, что остальные шесть дней в неделю они в эту первую весну их жизни отдают богатым бездельникам, которые швыряются пригоршнями золота во всяких казино и дорогих кабаках! Богачи это могут себе позволить — они немало нажили на войне в Алжире... Постой-ка,— вдруг прервал свой монолог Жюль.— Вон там сидит Перетта, она улыбается, получила, должно быть, письмо от своего парня из Алжира. Эй, Перетта, какие новости оттуда?..

О девушках в возрасте от семнадцати до двадцати лет говорят, что у них «семнадцатая или двадцатая весна». Перетте — девятнадцать, но весен-то у нее всего шестнадцать: ее жених на войне уже три года. Да и на вид ей дашь, пожалуй, все двадцать пять: эти годы без весны ей, как и солдатам в Алжире, видно, надо считать вдвое...

— Какая у них там весна в Оре, а, Перетта? — спрашивает Жюль.

— Отвратительная, — отвечает Перетта.— Днем — как в жаркое лето у нас, по ночам — как зимой. Жанно никак не может привыкнуть. Но он пишет, что алжирцам нравится их чертова весна. Но что тут скажешь — алжирцы там у себя дома, это их весна...

Гудок!.. Не успевает он умолкнуть — и уже огромный синий луг из спецовок на берегу распадается, рассеивается, исчезает. Сена опять пустынна и молчалива, а на «острове дьявола» снова начинают свою сатанинскую работу механические чудовища...

Я знаю чудесные уголки недалеко отсюда, на границе Нормандии. Там в речной воде, как в великолепном зеркале, отражаются роскошные замки, куда упитанные люди приезжают на несколько дней в году, чтобы отдохнуть от утомительных ночей в казино и от напряженных лыжных прогулок на высокогорных курортах. В моем сердце нет больше ни од-

---

ХРУПКАЯ МЕЧТА ДЕТЕКТИВА

Каждые две минуты в Соединенных Штатах Америки происходит кража автомобиля. Всего в 1960 году было похищено 288 300 машин, общая стоимость которых составляет четверть миллиарда долларов.

В Детройте, столице американской автомобильной промышленности, существует специальное сыскное бюро, которое занимается исключительно борьбой с автомобильными кражами. Оно было основано еще в 1912 году и в настоящее время финансируется 300 страховыми обществами.

По данным бюро, две трети всех машин было украдено подростками моложе восемнадцати лет. У половины задержанных не оказалось водительских прав.

Руководитель бюро заявил представителям печати: «Мы считали бы великим успехом, если бы удалось уменьшить число автомобильных краж до одной машины в три минуты».

В СТРАНЕ ИНКВИЗИЦИИ

Если бы в средние века существовала фотография, то до нас дошло бы, вероятно, много снимков, подобных этому. Ну, скажите, чем не аутодафе? И тогда были черные, закрывающие лицо капюшоны. И тогда были изображения Христа, которые неизменно выносились на улицы в дни казни еретиков.

Но снимок сделан в сегодняшней Испании. Перед вами религиозная процессия на улицах Севильи. Инакомыслящих теперь не жгут на площадях. Инквизиторы Франко предпочитают действовать более скрытно.

БУДЕТ ЛИ ЖИВ АВЕЛЬ!

Чикагское радио нередко включает в свои программы отрывки из библии. Передаются они с продолжениями. После одного из выпусков, сделанного по материалам Ветхого завета и посвященного прародителям Адаму и Еве, диктор бодро объявил: «Прикончит ли Каин Авеля? Об этом вы услышите завтра, в семь часов вечера, в нашей передаче»...

ной песни. Уходя, я бессознательно плюю в воду Сены...

Есть люди, которым не нравится мой друг Жюль, особенно его манера «приземлять» любую тему. Вот и сейчас он продолжает гнуть свое насчет весны...

— Весна, видишь ли, вещь неплохая,— говорит он.— Солнце, небо и прочие прелести «богини Природы», как выражаются поэты... (Это уже просто клевета: только плохие поэты еще употребляют это выражение!) ...Зелень, цветы, я согласен, все это великолепно,— продолжает Жюль.—Но дороже всего люди, раз уж речь пошла о весне. Ты понимаешь меня?

— Не совсем. Ты бы лучше дал какой-нибудь пример, Жюль.

— Пример? Да хотя бы такой: года два назад, путешествуя пешком в воскресенье, я набрел на тихий уголок на берегу Марны. Рассказал о нем ребятам. Мы отправились туда вместе и так делали каждый выходной день. Удили рыбу, дышали во все легкие, закусывали на травке, забывали о заводе, обо всем. Потом наступила осень, дожди, зима. Прошлым летом, в первое же майское воскресенье, я сказал себе: «А ну-ка наведаюсь я в свой уголок на Марне». Пришел туда — гляжу: мой уголок обнесен забором из колючей проволоки! Нет, нигде не было надписей «Вход воспрещается». Просто надо было платить за вход... Ну, теперь ты понимаешь, к чему я веду?..

Я подумал о советских туристах, которых много перебывало уже во Франции. Возможно, они видели на нашем Лазурном Берегу эти огромные, огороженные заборами площади, где рабочий, выехавший во время отпуска к морю, должен платить столько-то в день за «занимаемое место» (в зависимости от размеров своей палатки), за пользование уборной, за питьевую воду... платить за право окунуть свое грешное тело в голубую волну Средиземного моря, даже за солнце, которое, как говорят, светит для всех... Нет, советские туристы с теплохода «Победа», вероятно, не видели этого «летнего отдыха» простых французов, напоминающего концентрационные лагеря. Туристам этого у нас не показывают...

— В Париже тоже с весной распустились всякие почки,— вдруг ядовито усмехнулся Жюль.

Я понял его. Он имел в виду знаменитую апрельскую неделю, когда молодчики «ультра» выступили против готовившихся переговоров о мире в Алжире. Они зверски убили мэра города Эвиана, где должны были происходить переговоры, бросили бомбу в здание парижской биржи, пытались подожечь здание палаты депутатов, подложили динамит в разных местах Парижа. Шли дни, а полиция не удосужилась арестовать ни одного из террористов, которых хорошо знала в лицо. Ответ на это олимпийское спокойствие— мятеж в Алжире.

Жюль в своей обычной манере мрачного юмора, от которого мурашки пробегают по спине, напомнил мне о двух заголовках в газете «Франс-суар», следовавших один за другим:

«Новые десять выступлений ультра» и...

«Полиция арестовала десять агентов алжирского Фронта национального освобождения».

— Вот тебе и весна! — заключил Жюль.— Законность! Свобода! Величие Франции!

— Ладно, хватит тебе, Жюль, поносить весну! Она тут ни при чем.

— Ты думаешь? А я рассуждаю так: весной человеку хочется сделать себе что-нибудь приятное. А при наших порядках только ты захотел чего-нибудь, тебя тут же заставят за это платить. Вот даже этот булыжник на дороге, вздумай я его поднять, сразу появится этакий приличный мосье и скажет: «Это мой камень, если желаете, уступлю за сходную цену»... Даже стены собственного жилья начинают выводить вас из себя весной. Ты ведь знаешь, я живу в одной комнатушке с кухней и живу не один, а семьей. Зимой как-то даже и не чувствуется тесноты. Но вот весна — хочется поскорее распахнуть окно. Открываю — перед ним стена соседнего дома. Хочется чистого воздуха, но он дорог для нашего брата, этот чистый воздух...

Товарищи Жюля говорили мне, что он может без конца рассуждать вот так, шагая вдоль берега Сены, направляясь на завод. Вечером, когда он возвращается домой, ему это дается труднее: у него болят от работы руки, а Жюль ведь южанин, он не может разговаривать без жестов. Особенно сердит Жюль весной. Весну он переносит, как дерево: соки поднимаются по всем его жилам, он словно набухает, вот-вот пустит почки и зацветет бурным цветением... Да, вместе с сорока тысячами его товарищей по Рено, вместе с миллионами других французских рабочих это был бы гигантский весенний сад, обещающий миллионы тонн прекрасных плодов!..

Такой сад не расцветает, правда, каждую весну. Но уж когда это случалось в нашей истории, это становилось весной. Весной не только Парижа, но всего мира. У нас, скажем, это носило название Парижской коммуны, в России это было великим Октябрьским цветением...

Я люблю весеннее неистовство Жюля. Когда-то моя бабушка говорила: это **хорошая болезнь**, это у молодых **признак роста**.

Если бы я мог передать вам тон его голоса, горячность его человеческого негодования, его жесты — то быстрые и резкие, то медленные и суровые,— вы могли бы лучше ощутить философию Жюля, рабочего заводов Рено.

И тут мне вспомнились слова еще одной поэмы, которая печаталась в подполье, во времена гитлеровской оккупации:

Товарищи, стройтесь теснее в ряды!
Близка наша встреча. В тот день
Наш глаз не упустит и самую малость
В простой красоте земли.
Мы склеим осколки забытых слов,
Отнятых у жизни врагом,
Но безмерно прекрасных в своей простоте,
Как признанье в первой любви,
Товарищи, вспомним, ведь это для нас —
Для меня, для тебя, для всех—
Одевалась в лазурь весна и осень в ранний наряд.
Это наше — зыбучий песок жизни,
И ветер, шумящий в лесу,
И мягкость девичьих волос,
И атлас молодых лепестков,
И нежность детской щеки.
Это наше — взлет тополей в облака
И их отраженье в реке...
Во имя сокровищ простых
И рождаемой ими любви,
Наводняющей радостью мир,
Мы будем суровы. Кара и месть
Тем, кто хочет присвоить себе
Бесценные эти дары,
Дав взамен нам лишь пот и кровь!

Кажется, я нашел наконец гимн весне, который пришелся по вкусу Жюлю!..

Жюль вдруг посмотрел мне прямо в глаза и спросил, почему во время нашего разговора я делаю заметки в блокноте. Я объяснил ему. Он с минуту подумал и сказал:

— Значит, ты напишешь очерк о парижской весне и его будут читать за границей. Уж, конечно, не обойдется без каштанов Люксембургского парка, без красоты набережных Сены—словом, без этих раскрашенных открыток, которые так нравятся иностранцам!

— Видишь ли, Жюль... Русские для меня не иностранцы. И вообще для весны не существует иностранцев...

— Опять поэзия!.. Приходи-ка и пробудь весенние месяцы в нашем кузнечном цехе, тогда запоешь о другом! Как бы тебе не пришлось добывать пропуск, чтобы пробраться в эту твою весну!

Он задумался на мгновение, потом заявил решительно:

— Не очень веселый получится у тебя очерк. Там, в Москве, еще, чего доброго, скажут: скучные ребята, эти французские рабочие, не понимают красот весны!

— Нет, Жюль,— сказал я.— Они все поймут. Поймут и тебя. А может быть, и то, что я и сам одержим этим французским весенним недугом.

Жюль рассмеялся. На этот раз смех его не был угрюмым.

— Ну что ж! Советские люди показали нам невидимую сторону Луны. А ты покажешь им оборотную сторону знаменитой парижской весны. Имея на шее эту войну в Алжире, мы при нынешнем нашем бюджете не можем пока предложить ничего другого.

Мы подошли к воротам завода. Прощаясь, он сказал:

— Нет, это будет хорошая статья. Наверное, ее похвалят и даже заплатят приличный гонорар... Кстати, не мог бы ты одолжить мне десять бумажек? Видишь ли, на улице весна, и ко мне залетел свежий лепесток с каштана. В мой ящик для писем на входной двери. Счет за квартиру...

СУРОВЫЙ ЧАС

Во Франции началась великая битва между народом нашей страны и мятежниками, которые под руководством группы генералов установили диктаторский режим на части алжирской территории. Путчисты надеются распространить свою власть и на всю Францию. Народ вышел на улицы. И сейчас, когда я пишу эти строки, еще не исключено, что с минуты на минуту путчисты не попытаются развязать гражданскую войну в районе Парижа или в других городах Франции.

Каждая ночь с момента военного путча в Алжире была ночью тревоги. Тысячи парижан и жителей предместий столицы, поднятые по тревоге автомашинами с установленными на них громкоговорителями, выходили из своих домов, чтобы собраться перед зданиями мэрий, помещениями демократических организаций. Создаются многочисленные народные комитеты, готовые выступить против мятежных войск, которые могли бы быть сброшены десантом.

Со своей стороны, официальные власти приняли целый ряд мер: на посадочных площадках установлены заграждения с целью помешать возможному приземлению фашистских эскадрилий; у ворот Парижа, на набережных Сены, во всех важных стратегических пунктах столицы патрулируют танки; производятся аресты и взяты под надзор некоторые «ультра», объявлена блокада алжирских путчистов и т. д.

Но когда в понедельник двенадцать миллионов трудящихся в едином и могучем порыве вступили в борьбу, объявив часовую забастовку, организованную всеми профсоюзными объединениями и демократическими партиями, стало очевидным, что победа будет на стороне народа Франции.

Пусть путчисты из высшего военного командования, поддержанные самой оголтелой реакцией в империалистических кругах других стран, неистовствуют—им не удастся навязать диктаторский режим трудящимся нашей страны.

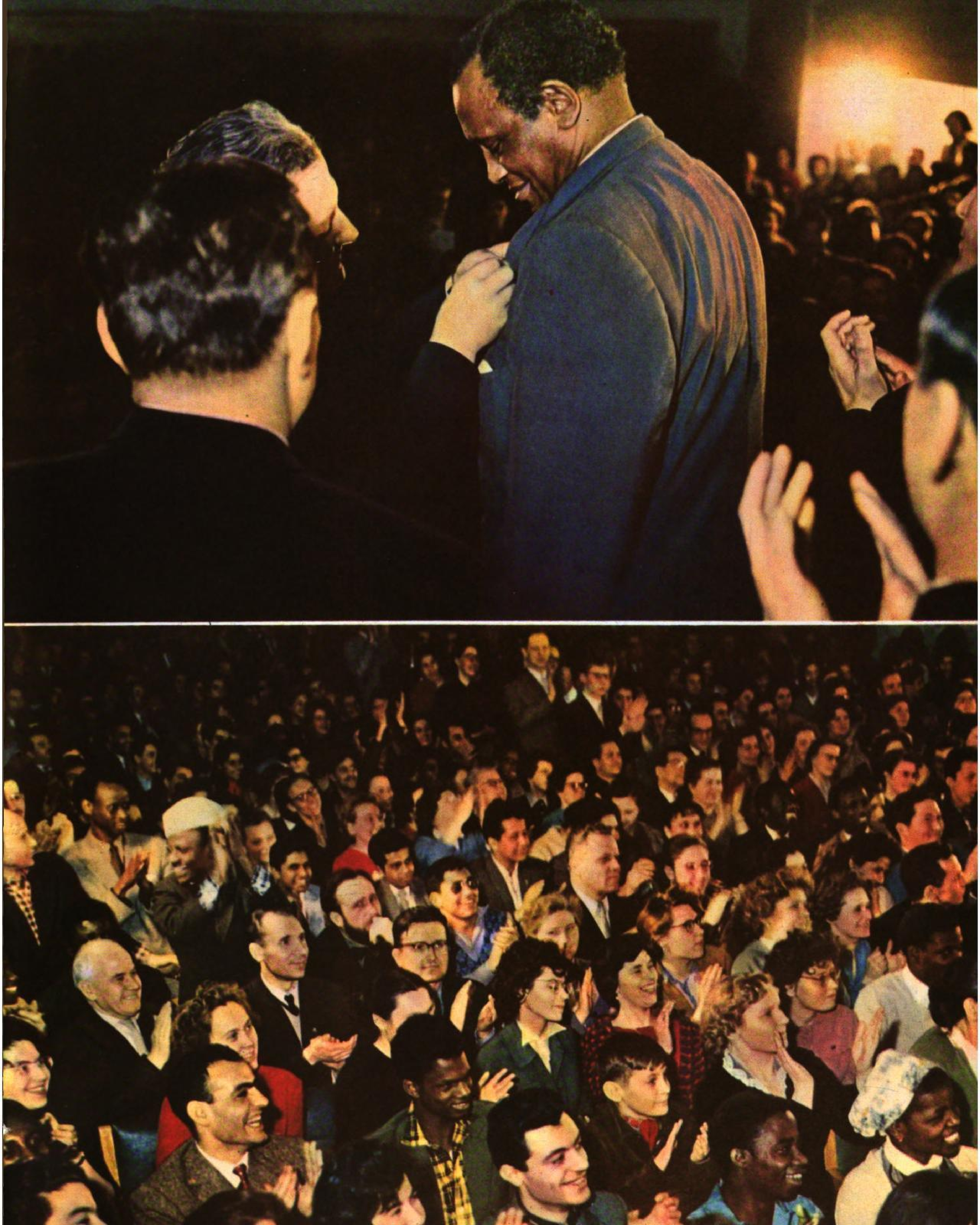
Трудящиеся Франции выходят на демонстрации. Готовые к битве с фашистскими военными частями, они требуют у правительства, чтобы оно дало им средства для этой борьбы. А так как генералы из Алжира сумели подготовить свой заговор под прикрытием колониальной войны, трудящиеся требуют безотлагательного прекращения этого конфликта путем прямых переговоров с временным правительством Алжирской Республики.

Каждый день, каждый час, приближающий развязку, открывает глаза миллионам французов, показывая им серьезность той опасности, которая нависла не только над нашей собственной страной, но и над другими народами. Вместе с тем французы видят, что нельзя покончить с угрозой фашистской и военной диктатуры, пока народу не будет дано слово, пока не будут восстановлены демократические свободы, пока не установлен мир в Алжире и алжирский народ не обретет наконец своей независимости.

Мужчины и женщины, идущие в колоннах демонстрантов по улицам Парижа и его предместий, в шахтерских поселках Севера, в городах Юга, преисполнены готовности нанести смертельный удар заговорщикам, опирающимся на поддержку колониалистов всего мира.

Макс ЛЕОН,
французский журналист

Поль Робсон в гостях у студентов Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. На этом вечере прославленному певцу, неутомимому борцу за мир, вручили почетный диплом и медаль в честь учреждения Университета дружбы народов.

Много друзей собралось отметить день рождения студента из Ганы Оусу Аджиман. Двадцать один год — двадцать одна свеча на большом торте.

Песни разных народов звучат в стенах Университета.

Фото Дм. Бальтерманца.

Янка БРЫЛЬ

Рассказы

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

1. Три подружки

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

В коридор коммунальной квартиры они выходят из разных дверей.

Еще в одних рубашонках, босые.

Две из них — сестры: тихая, светленькая Люда, которой уже четыре года, и двухлетняя Аня-Пампушка. Третья, средняя по возрасту, черноглазая Олечка — сирота, живет с одной мамой и в меньшем достатке. И потому, должно быть, она особа наиболее самостоятельная.

Олечка ест кусок мяса прямо из кулака.

— Это у тебя коровкино? — спрашивает Люда.

— Нет.

— Свинкино?

— И нет!

— А что, оно гускино?

— И вовсе нет! Наше мясо — сýпино!..

Всегда румяная и всегда практичная Аня-Пампушка и тут не растерялась.

— Олечка, мне! — запрыгала она, протягивая обе руки.

Попросила, конечно, и Люда.

Еще бы не попросишь!..

ОН ПРИШЕЛ

Тройка наша и звонкая и бедовая. Кроме коридора и кухни, они успевают быть сразу во всех трех комнатах квартиры, а иной раз вдруг затихнут, как будто их и вовсе нет.

Тогда взрослым это становится подозрительным, и ребят начинают разыскивать.

Сегодня мамы нашли их в маленькой угловой комнате, где на полках много книг, у окна письменный стол, а за столом спрятана полулитровая бутылка синих чернил.

Вечерами, придя с работы, и ночью, когда все спят, Людин и Анин папа сидит за этим столом и пишет. Пишет, пишет, а потом достанет из-за стола бутылку, нальет из нее в чернильницу, а бутылку опять спрячет за стол.

Там ее дети не достанут.

Комната обычно была заперта. Однако сегодня, когда после шумной беготни ребята вдруг затихли, одна мама шепнула другой:

— Тут! Вот увидите, тут!

И показала на белую дверь комнаты.

Мамы подкрались — рраз! — и туда.

Тройка сидела на полу вокруг большой синей лужи и, деловито обмакивая в чернила мятые обрывки газеты, старательно раскрашивала голые руки, мордочки, волосы...

Началось, конечно, с крика и плача. Затем пошло отмывание и всхлипывание. А потом мамы смеялись... нет, они хохотали! И девочки тоже стали смеяться. Наконец их, кое-как отмытых, Людина и Анина мама повела к себе в большую комнату.

Олечкина мама была уже там.

— Вот, — сказали мамы. — Дед-мороз как раз сегодня приходил посмотреть, какие вы: хорошие или нет. Пускай увидит!..

Белый, бородатый, с палочкой дед-мороз стоял на столе, сверху, из-под абажура, на него струился свет, а он — весь как снежок искристый — молча глядел на девочек...

Да... Приходит он, только когда бывает елка. Приходит тайком и ночью, когда все спят. Принесет подарки, а сам спрячется под зелеными лапами и стоит. Стоит, пока и праздники отшумят и все иголочки осыплются на пол. Тогда с засохшей елки снимают игрушки, дерево выносят во двор, из бороды деда-мороза вытряхивают иголки, а самого его и игрушки в картонной коробке ставят на шкаф, в самый угол. Деда еще и прикроют чем-нибудь от пыли. И дети забывают о нем до следующей зимы.

А тут он вдруг да пришел.

И глядит. И молчит...

— Ну что? — спрашивают у озорниц мамы.— Стыдно? Вот пускай дед-мороз посмотрит, стоит ли вам, таким, приносить подарки!

Грустная минута, тяжелая...

— Пойдем? — спросила одна мама.

— Идем,— кивнула головой другая.

А дверь они притворили неплотно. Притаились в коридоре и ждут, слушают.

Когда мамы, не в силах больше сдерживать смех, открыли дверь и вошли, недомытая и заливающаяся слезами троица стояла вокруг белого деда у стола и от всей души, со всей серьезностью просила:

— Дедушка, приди на елку!.. Мы будем хорошие! Ты приди!.. Мы больше не будем пачкаться! Приди!.. Дедуленька, скажи, придешь?..

Старшая из них, тихая, светлая Людочка, уверяла потом своего папу, что дед-мороз:

— Вот так кивнул головой и сказал нам: «Угу!..»

И, конечно же, пришел.

ЧЕМ НАКОРМИЛИ МИШУТКУ

Люда любит и умеет придумывать разные истории.

Еще совсем маленькой, когда ей было чуть больше полутора и папа, стоя на веранде, держал ее на руках, Людочка заметила, как под крышей в паутине бьется и ноет муха.

— Путя! — сказала она, протягивая замусоленный пальчик.

А «путе» было совсем не до пляски.

Потом как-то, лет трех, выглянула утром в окно и обрадовалась:

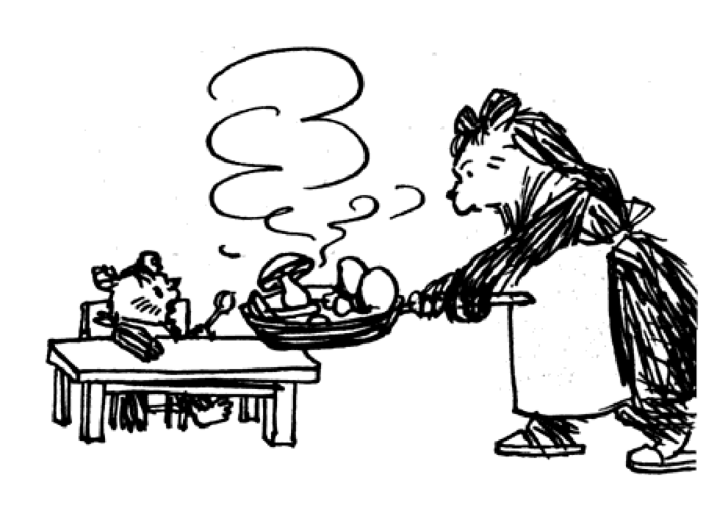
— Ой, мама, а снежок за ночь как подрос! Еще больше, чем вчера!..

Теперь Людочке уже пятый год.

Сегодня воскресенье, и папа не пошел на работу. Люда проснулась, видит: Пампушка еще спит, мама уже куда-то ушла, а папа сидит и читает.

И Люда задумалась.

— Ну что? — спросил, подождав немного, папа.— Что, моя ранняя пташка?

Весенние стихи

Мои весенние стихи
Ручьями
с крымских гор
Стекли.
Мои весенние стихи
Грохочут об утесы.
Мои весенние стихи
И осторожны
и тихи,
Как лани,
ловят
ветерки,
Пьют утренние росы.

Мои весенние стихи,
Как молодые женихи.
Мои весенние стихи
Папахи вверх бросают.
И лихо пенятся ковши,
И в танце
ноги,
Как ножи,
Джигиты
в пол
вонзают!

Стихи весенние мои,
Вы в дальнем Конго
И в Мали.
Я вас найду
В любой дали,
Чтобы слова вы обрели!
Без вас
мне спится твердо.
Так к черту
тяжесть якорей!
Мне надо
к вам
спешить скорей:
Ведь я вас,
крохотных детей,
Оставил без присмотра!

Николай ДОРИЗО

— Папа, а Маша ведь съела всю похлебку!..
— Какая Маша? Какую похлебку?
— А это мама вчера нам читала про Машу и про трех медведей.
— Ну и что?
— Маша съела всю похлебку, а чем же тогда медведица накормила маленького Мишутку?
— Д-да... Это, брат, и в самом деле задача...
— А я, папочка, думала, думала и придумала!
— Ну?
— Вот послушай. Маша ведь пошла в лес по грибы?
— По грибы.
— И грибов набрала?
— Надо думать, что набрала.
— А потом она испугалась медведей и убежала через окно... А грибы-то она свои забыла!.. Вот Мишуткина мама и поджарила их маленькому... Правда?

ПОЛНАЯ БОЧКА КОТЯТ

Аня-Пампушка, как мы уже намекнули однажды,— человек практичный и оптимист.

Как младшей, ей приходится кое-что донашивать после Люды. И вот купят старшей что-нибудь новое, платьице или пальто, а меньшая смеется:

— Ишь, радуется! А все равно потом я буду носить!..

Людочка с папой и мамой поехала в Крым, а Аню забрала в деревню бабушка. И там Пампушка еще больше распампушилась на бабиных оладках и молочке. До чего же любила она вдвоем с бабушкой встречать вечерами корову Мальву! Та еще издали, завидев их, приветливо мукала, а потом тихо стояла, пока в доенку с журчанием била струя парного молока...

Покуда Аня была в деревне, их Рыська окотилась в бочке, которая стояла в углу ванной комнаты, почти доверху набитая всяким старьем. Как только Аня приехала, ее сразу повели показывать котят. Они уже изрядно подросли и поглядывали из своего гнезда на всех и все этакими живыми глазенками.

Сколько глазок, и ушки какие смешные, и лапки!..

Но Аня-Пампушка посмеялась, помолчала и говорит:

— Вот не было бы этих тряпок, Рыська бы вам полную бочку котят навела!..

СКУЧНАЯ СКАЗКА

Людин и Анин папа сегодня очень доволен.

В школе, где он директором, интересная встреча. Встреча школьников младших классов с известными детскими писателями.

Но это не все.

В первом ряду за партой сидит его первоклассница — Людочка. Тихая, светлая, милая... Ему она хорошо видна из-за стола президиума, где разместились почетные гости. А как быстро идет время: вчера, кажется, ходить училась, а вот уже в форме с белым передником и глядит так разумно и внимательно — ну, не мигнет...

Да и это еще не все!..

Рядом с Людой Аня. И ей скоро будет пять лет. Уже вверх тянуться и Пампушка начала. И, как всегда, не сидится ей...

А между тем на все эти светлые и темные головки в зале с трибуны безостановочно сыплют сухим горохом слова доклада:

— ...Неделю детской книги мы встречаем сегодня в обстановке небывалого подъема нашей промышленности, сельского хозяйства и культуры. В тесной связи с этим...

Папа слышит отдельные фразы. Потому что он привык и слушать и думать одновременно. А еще и потому, что он все смотрит в зал, беспокоится о порядке и тишине. Неудобно, и гости такие, и докладчица из самого облоно!..

— ...Великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький, обращаясь к нашей молодежи, справедливо заметил, что...

«Ах ты, боже мой! — думает папа.— Мало мне хлопот, так и Пампушку еще взял!.. Директор называется! А все она, образцовая мама!.. «Возьми, возьми, пускай ребенок развивается!»

А ей уж и вовсе не сидится. Не только вертится во все стороны, но уже и болтает и хихикает, к великому огорчению старшей сестры. Людочка то сердито дергает ее за рукав и что-то шепчет, то растерянно смотрит в президиум, борясь с желанием крикнуть: «Ну, папа, да успокой ты ее!..»

Солидная, полная дама, докладчица, на миг останавливается, чтоб аккуратно пригубить воды, и продолжает вдохновенно и мужественно:

— ...Выдающийся советский педагог и писатель, творец научно обоснованной методики воспитательной работы с детским коллективом, Антон Семенович Макаренко, принимая во внимание...

«Ах, какой стыд!..»

Старый, уважаемый, любимый писатель почему-то насупился, даже покраснел. И не догадаешься, не зная, что стоит ему только подняться, да надеть очки, да начать читать, нахохочутся и дети и взрослые!..

А в зале такой шум...

«Ах, какой позор!..» — краснеет молодой директор. А больше всего — за свою, за Пампушку. Вот уж юла, озорница!..

И папа даже погрозил Ане пальцем: «Ну, смотри ты у меня!..»

Потом, когда все кончилось: и стихи да рассказы с трибуны, и звонкий смех да частые, шумные аплодисменты,— когда ушли и почетные гости и дети, папа, уже на улице, взялся за свою озорницу.

— Ты почему ж это так плохо себя вела?

А она смотрит на него своими хитрыми серыми глазенками из-под золотистых бровей и — эх вы, красные щеки в белой пуховой шапочке! — спрашивает:

— А зачем та тетя читала такую скучную сказку, а?

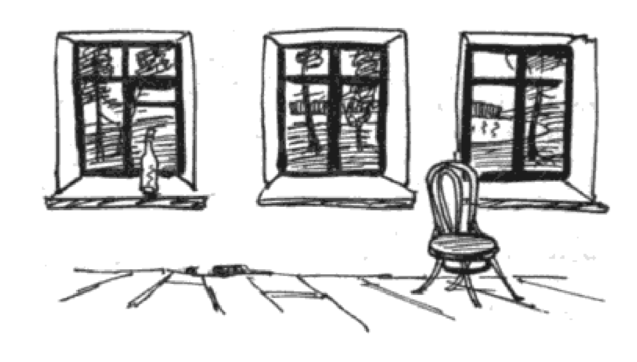
Папа задумывается, что же ответить. И педагогом быть ему сейчас не хочется.

ОБРАЗА ИЛИ ПОРТРЕТЫ?

Хата «пана Дедюли» просторная, светлая, с побеленной перегородкой.

Из трех окон, большой комнаты видны и лес и озеро — рыжая чаща сосновых стволов, молодая трава, вечнозеленые ветви и большая, спокойная вода.

На белой стене висят две католические иконы. На одной из них — Иисус в терновом венце, на другой — богоматерь с Иисусом, когда он был еще совсем маленький.

В комнате Люда, Аня и Олечка.

Первая из них вот-вот кончает первый класс, вторая, Олечка, пойдет в школу этой осенью, ну, а Пампушке только шесть. Теперь они уже не живут в одной квартире, потому что Олечка с мамой получили новую.

Ребятам приказано вести себя тихо, и они покуда держатся...

Потому что там, за белой перегородкой, лежит больной хозяин хаты, сам «пан Дедюля», старый, одинокий вдовец. Возле него на дряхлом стуле осторожно сидит Людин и Анин папа. Он снимает дачу. Для своих и для Олечки с мамой, потому что хата у «пана Дедюли» — пятистенка.

— Ой, паночек! — слышен хрипловатый, но еще бодрый, даже агрессивный голос хозяина.— Что теперь за дача и что теперь за дачники!.. Пшепрашаёнц [1] вас, одна скукота. Бывало, приедет ко мне пан Казик из Варшавы, сперва поцёнгом [2], а потом узкоколейкой, так я его еще на станции, за полтора километра, встречу, а он мне два злотых даст. Шикарно, пане, что ни говори!..

Папа приехал с девочками на своей машине. Вон он стоит на улице, их синий «Москвич», у самого забора...

— Нам вы, товарищ Дедюля,— говорит папа,— чемоданов, конечно, подносить не будете. У нас у самих руки-ноги есть, да и не паны мы.

— Ой, пане директоже, какое теперь панство! Пшепрашаёнц пана, смех да и только! У меня вон прошлый год жил с семьей пан Иван Петрович, доцент, так он мне весь лужок выкосил! Ха-ха-ха!

В комнате — хотя и просторной и светлой — стоит какой-то неуловимый и ни на что не похожий дух необжитости, скучной и затхлой старины...

Люда, самая послушная и взрослая, смотрит из окна на траву. Здесь скоро зацветет много-много цветов. Вот-то она будет их собирать!..

А Олечка и Аня, сидя на старой, скрипучей кушетке, смотрят на образа.

— У нашей бабуси,— шепчет Пампушка,— боги не такие. Они меньше, и они висят в углу. А это, Олечка, портреты.

За стеной тем временем перешли к делу.

— Мне странно, товарищ Дедюля,— говорит папа,— что за зиму у вас так подскочила цена. В прошлом году вы брали семьсот пятьдесят за сезон, а теперь подняли сразу до тысячи...

— Ой, паночек, кому надо, кто хочет, чтоб детки свежим поветшем [3] подышали, тот никуда не денется, заплатит! Что теперь эти тысячи? Пшепрашаёнц пана, труха! А времена какие?.. Бывало, пан Казик...

Черноглазая Олечка смотрит на матку бозку с Езусиком на руках и шепчет:

— Ишь, зануды!.. Сами вон какие разодетые, в коронах, а ребеночек босой!..

[1] Пшепрашаёнц — тут «извините» (польск.).
[2] Поцёнгом — поездом (польск.).
[3] Поветшем — воздухом (польск.).

2. Как хорошо быть большим

ВОЯКА

Быстро растут не только чужие дети.

Вот и этот вояка — давно ли он сделал первый шаг, а на втором свалился? Давно ли он грозно кричал петуху, сам чуть больше его:

— С-ся-гам масы!..

Тот, разумеется, не желал делать «шагом марш» и только сторонился Юркиной палки.

Да и палка не очень-то слушалась вояку: часто летела совсем не в ту сторону, куда надо.

Впрочем, тогда двухлетнему Юрасю случалось, иногда в самый ответственный момент, забывать, что он, мужчина, должен быть мужественным. Золоченый синехвостый кукарека, гроза всех соседских петухов, становился в позу бесстрашного защитника кур и, задрав красную бороду, начинал сердиться на Юрку:

— Да ты это что? Ко-ко-ко!..

А мужчина, почему-то вдруг бросив свою палку, поворачивал назад и бежал к бабусе, сидевшей на крыльце, бежал и, растопырив пальчики, уже щебетал:

— Баба, мисеньки, мисеньки, мисеньки!..

Теперь, когда ему уже три года, Юрка знает, что «висеньки» — это вишни, а «мисеньки» — это мишки-медведи.

Как он их любил, мишек! И в книжках, и плюшевых, и резиновых...

Однако главный любимец Юрася — маленький резиновый Мишка, в синей курточке и красных шароварах, с рюкзаком и палочкой,— Мишенька, которого папа купил в далеком лесном раймаге...

Ох и болтуны же мы, взрослые!.. Мишенька сам пришел к Юрке из лесу, чтоб с ним дружить. Он удрал от волка, и Юрась его защитил...

В тот золотой сентябрьский день они ездили в пущу, даже на ярмарке были в одном лесном районном городке. А возвращаясь назад, остановились и на поляне у дороги разложили костер. И папа, и мама, и Люда, и Анечка — все собирали сушняк. Юрась, конечно, с папой. И вот, когда они зашли в лес, из-под елочки на тропинку вышел к ним маленький Мишка с рюкзаком... Ах, сколько было радости!.. А папа еще сказал, что это за Мишкой гнался волк и надо его прогнать.

Папа взял из багажника машины ружье... Нет, Юрась не боялся! Нисколечко!.. Он сам тогда стрелял в волка. Правда, ружье держал папа, но ведь Юрка вместе с ним сам нажал пальчиком на спуск и, когда ружье бабахнуло, даже и глаз не зажмурил!..

О, Юрась теперь храбрый!

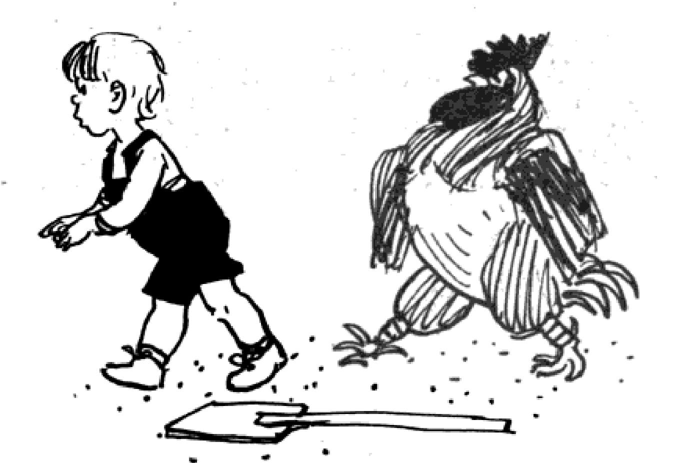
Он уже и других в обиду не даст.

А пуще всего он защищает, разумеется, свою маму.

Правда, теперь они бывают вместе не так часто, как раньше, потому что мама ходит на работу. Зато уж когда встретятся, когда прилягут вместе на одной подушке — и наголубятся же и наговорятся!..

Больше всего, конечно, у Юрки вопросов. Тысяча и один за день! И круг их самый обширный, начиная с того, почему в соседнем подъезде рыжий кот без хвоста, и кончая тем, почему солнце всегда горячее...

А бывает и так:

— Мама, хочешь, я тебе из головы расскажу?

— Хочу.

Загорелые ножки с ободранным левым коленом перестают мельтешить.

Начинается сказка.

— Идет по лесу волк!.. Идет... Идет...

— Ой, я боюсь! — прячется мама в подушку.

Черные глаза сына смотрят на нее с полной верой в то, что ей страшно. А потом Юрась обнимает свою мамулю, целует и весело говорит:

— А ты не бойся! Я того волка застрелил! А этот мой — на-ри-со-ван-ный!..

МЫ С НИМ ДРУЗЬЯ

В выходные дни — с двенадцати до двух — детей в больнице посещают родные.

Лев Аркадьевич Миленький, по профессии азартный хозяйственник, а по натуре сангвиник с отличным аппетитом, пришел в детское отделение к племяннице Раечке.

Она лежала на первой от входа кровати, в полосатой фланелевой пижамке, остриженная под мальчика, черненькая, с живыми карими глазами...

— Ну, здравствуй! — сказал товарищ Миленький, погладив малышку по голове. — Ты одна в палате, а все девочки гуляют? Ты думала, если не может к тебе сегодня прийти мама, так это уже всё? А ты забыла, что у тебя еще есть и дядя Лева?

Подстриженное под мальчика четырехлетнее существо, приподнявшись на локте, молча смотрело на гостя.

— А вообще твой дядя — молодец! — говорил он громко, на всю палату, с утиным сытым похрипыванием.— Он живет в Борисове и думает, что это не семьдесят километров от Минска, а семьсот, и что у него нет служебной машины, а только балагульская лошадь и повозка, как у твоего, Раечка, дедушки, который был мой папа. И если дядя Лева повидает свою сестру и племянницу раз в год, он уже считает, что это все, что он хороший человек. И Раечка теперь думает: зачем ей такой дядя?.. Думаешь так? Ты молчишь и не говоришь, что ты думаешь. Ну, откроем в таком случае наш портфель и давай опять дружить. Вот это мандаринки. Если их теперь каждый может легко достать, так они, конечно, совсем невкусные. Ну, а погляди сюда!..

Там были шоколадные конфеты в разных обертках и коробка с печеньем.

— Ну, ты будешь дружить с дядей Левой?

Карие глазки засветились лукавством. Головка кивнула: ладно.

— И отлично! — обрадовался дядя.— Ты приподымись. Вот так. И ешь. А я посижу. И мы поговорим.

Белые зубки надкусили солнечную кожуру, и пальчики ловко принялись ее сдирать, открывая терпко-сладкие, душистые дольки.

— Ешь на здоровье! — широко улыбнулся румяный, полный, чисто выбритый дядя.— Вот и «Мишка на севере», и «Весна», и «Ласточка», и печенье «Песочное»... Ну, а почему ты молчишь? Вкусно?

— Угу,— ответил полный ротик.

— Ну, а спасибо кто дяде Леве скажет?

— Спасибо...

— На здоровье. Расти большая и умная. Можно с дядей Левой дружить? Хе-хе-хе-хе!..

Но тут приоткрылась дверь из коридора, заглянуло женское лицо, послышался голос:

— Товарищ Миленький!..

— Ну? — оглянулся дядя Лева.

— Когда мы с вами ждали лифт, вы говорили, что идете к племяннице Раечке.

— Ну, а если вы поднялись первая, а я поехал следующим лифтом, так я, извините, по-вашему, ребенок, сам не попаду?

— Ой, товарищ Миленький, бросьте шутить! Это палата седьмая, а Раечка сидит в шестой палате и плачет...

Дядя Лева закрыл рот, поджал губы и уставился на фигурку, сидевшую на кровати и ловко расправлявшуюся со второй или третьей мандаринкой. На одеяле перед ней были рассыпаны конфеты в разноцветных бумажках и лежала раскрытая коробка печенья.

— Послушай! Ты не Раечка?

— Нет, дядя, я Юрка.

— Ну, а почему ты ешь не твои мандарины?

— Вы, дядя, мне дали. И я сказал спасибо.

— И ты сказал спасибо? А что мне скажет Раечка?.. Она мне скажет: ты, дядя, старый дурак!.. Это давай сюда. И это давай... А это.. Ну, твое счастье!..

Товарищ Миленький сгреб опытной рукой все богатства в свой испытанный портфель хозяйственника и, не сказав больше ни слова, вышел из палаты.

Юрка опять остался один. Он съел последнюю дольку мандарина и только хотел заскучать, что вот не идут и не идут... Но тут отворилась дверь и — урра! — вошли мама с папой.

Первая новость, которую он им сообщил, опять с аппетитом уплетая всякие вкусные вещи, был, конечно, дядя Лева. Он и веселый, он и добрый, он и Миленький, он еще придет!..

— Дудки, браток! — смеялся папа.— Дважды так не ошибаются. Твой дядя больше не придет.

Но сын стоял на своем.

— Нет, папа, придет. Мы с ним друзья теперь! Он сам сказал: «Давай дружить». Сам сказал — да не придет?..

И Юрочка верил в это долго.

ЗВЕЗДА НА ПРЯЖКЕ

Двор окружен тремя высоченными домами. Для взрослых они просто пятиэтажные. А попробуйте посмотреть на них снизу, от самой-самой земли!..

Взрослым открыта дорога и в тот подъезд, через который выходят на одну улицу, и в те ворота, через которые въезжают сюда с другой улицы машины. А ребятам — ну, тем ребятам, что гуляют уже без бабушки или мамы,— на улицу со двора выходить не разрешается.

Правда, и тут, на их дворе, много интересного. И гаражи, и деревья, и куча песку у забора, и две собаки: Лайка из красного дома и Шарик — того Алешки, который старший брат Гарика и называется «Второгодник».

Но что станешь делать, если уже не лето, и уже не осень, и еще не зима? И песком уже не поиграешь, и листьев, даже желтых, на деревьях нет, и снег никак не идет...

А самое плохое... Нет, самое хорошее!.. Словом, это музыка, что доносится оттуда, где за высоченными стенами домов площадь и памятник, а на площади стоят или ходят солдаты. Это военный оркестр, и он готовится к октябрьскому параду.

Ах, как хорошо тому, кого уже пускают одного на улицу и на площадь! Он там увидит не только солдат в серых шинелях и серых ушанках, не только их блестящие, голосистые

Полюбился зрителям спектакль «Живой труп» Л. Толстого. Федор Протасов — В. Исаев, Иван Александров — Е. Гуров.

С большим успехом прошла премьера оперетты Юрия Милютина «Цирк зажигает огни». В роли Глории Розетти — Лидия Веремкович.

Дальше всех от Москвы

Всегда переполнен зал театра, когда идет «Иркутская история» А. Арбузова. Валю играет Майя Слуцкая.

Беседуя с москвичами, киевлянами, ленинградцами о Магаданской области, иногда только диву даешься: до чего же у людей смутное, а порою и неверное представление о наших краях!.. И хотя немало написано о Колыме и Чукотке, но многочисленные авторы почему-то видят только производственную сторону нашего существования и рассказывают о шахтах, добыче золота и т. п. Порою «за кадром» остаются огромные, просто поразительные сдвиги, происшедшие здесь в духовной, интеллектуальной жизни. А ведь у нас есть отделения Союзов писателей, журналистов, художников; телевидение, великолепный Дворец спорта, свыше 200 клубов в самых «медвежьих уголках»...

Особую же нашу гордость составляет театр, самый отдаленный от Москвы. Это Магаданский областной музыкально-драматический театр имени М. Горького. Его «подопечная» территория поистине необъятна. Ведь от Магадана до Чукотки две тысячи километров; знаменитая Колымская трасса — тысячекилометровый путь... И повсюду — на приисках и в поселках — горняки, шахтеры, оленеводы знают и любят актеров областного театра.

Почти все спектакли Магаданского музыкально-драматического театра посвящены современности.

А. САНДЛЕР,
лаборант Магаданской детской больницы

Фото автора.

Магадан.

«ДЕВУШКА С КУБЫ»

Так названа декоративная композиция, выполненная в дереве талантливым молодым скульптором, студентом Латвийской Академии художеств Игорем Васильевым.

Поэтическое изображение кубинской девушки появилось в результате долгих творческих поисков художника. Как и каждый из нас, студент Васильев восхищается трудолюбивым и мужественным кубинским народом, его талантами, его искусством.

Какие же они, люди Кубы?.. Студент мысленно видел девушку-кубинку — прекрасный цветок юга, нежный и трогательный, исполненный задумчивости и тонкой грации.

Впервые композиция «Девушка с Кубы» демонстрируется на выставке студенческих работ Латвийской Академии художеств в те самые дни, когда кубинский народ одержал еще одну победу над интервентами.

Г. КАРКЛИНЬ

Рига.

Фото А. Кашкина.

Песня звучала грозно

1907 год. Весенний ветер властно врывается в душную камеру Тюменской пересыльной тюрьмы. Вот уже несколько недель большая партия арестантов, осужденных за участие в первой русской революции, ждет отправки на каторгу. О том, что будет там, никто не думает. Всем хочется поскорее вырваться из камеры, подышать вволю чистым воздухом.

Утром 29 апреля по тюрьме прошел слух: первую партию каторжан отправят сегодня. Тщательно припрятав все свое имущество (если его обнаружат при обыске, отберут), мы с нетерпением ждем вызова. Но только далеко за полдень сто человек из нашей партии повели на пристань. Там к нам присоединили двести человек административно-ссыльных. Всех нас вместе с многочисленным конвоем погрузили на две баржи. В трюмах на двухъярусных нарах разместились триста каторжан и сто конвоиров. Мы чуть не задохнулись в этой плавучей тюрьме. Вентиляции не было никакой, маленькие оконца, окованные железной решеткой, почти не пропускали света. Поздно вечером закончилась погрузка, и буксирный пароходик потащил наш караван сначала по реке Туре, затем по Тоболу и Иртышу. К счастью, путешествие длилось недолго, рано

трубы. Когда над площадью грянет веселый марш, с деревьев в сквере забавно посыплется первый иней, а седой дедушка, который, кажется, еле плетется по тротуару, станет постукивать палочкой в такт.

Хорошо тому, кто уже вырос!

Вообще считать себя большим каждому приятно. Даже мальчик из красного дома — в черной шубке, из которой заметно выросли его тонкие ножки в синих штанишках и ручки всегда без рукавиц,— даже он считает себя большим. Так и говорит частенько: «Когда я был еще маленький...» А самому не так давно пятый год пошел!..

Особенно взрослым он себя чувствует рядом с трехлетним пузырем в теплом пальто и с румяными щечками, что так и выпирают из цигейковой шапки, когда она завязана под подбородком.

Это друзья. Они всегда вместе.

Тот дядя Толя, который Светланин папа и живет в одном подъезде с Шариком, всегда останавливается возле них и говорит меньшому:

— Здорово, Саша!

— Я не Сяся.

— А кто же ты?

— Я Мися.

А старший, не дожидаясь вопроса, добавляет:

— Он Миша, а я, дядя, Юрка.

— Ну? — удивляется дядя Толя.— Хорошие вы хлопцы, если объективно говорить. И оба.

Еще и руку пожмет тому и другому. А у самого рука большая, сильная, теплая!..

Во дворе их трех домов собирается, понятно, много мальчиков и девочек. Но сегодня и Юрка и Миша вышли почему-то раньше всех.

По праву старшего игру и сегодня придумал Юрка.

— Ты будешь крокодил, — сказал он Мишке.— Ты стань на руки и на ноги и делай ртом так: хап, хап, гырр!.. А я буду циклоп, как в кино, и я буду на тебя нападать...

Мишка согласился. Но, став на четвереньки, вдруг решил, что он не крокодил, а лошадка... Даже заржал тоненько, вот чудак!..

Слово за словом — и дошло до ссоры. А потом Юрка толкнул Мишку, тот упал на живот и заплакал, а сам «большой» испугался — и наутек. Но зацепился за что-то и шлепнулся, не добежав до крыльца. Руки еще ничего — поболят и перестанут, а вот колени — ох!.. Не только ушиб, но и мокрые... И что скажет мама, когда и вчера она сушила его штаны на радиаторе, и позавчера!.. И Юрка тоже заплакал.

Там, за домами, гремят веселые трубы, а два чудака ревут дуэтом — один стоя, а другой все еще на животе.

Но тут на крыльце появился какой-то незнакомый дядя.

— Это что за эпопея, а? — спросил он громко и грозно.

Ребята замолчали и уставились на него.

Они еще не знали, что это дядька Лапша, водопроводчик, который работает в котельной на соседнем дворе. Заигравшись, они не заметили, как он прошел по двору, спустился в котельную их дома и снова вышел на крыльцо. И они не могли понять, откуда он такой взялся — сердитый и чужой!..

А для дядьки Лапши все было сейчас понятно и просто. Он только что выпил. А малость не добрав, запер свою «фабрику» на засов и пришел сюда, к дружку и коллеге водопроводчику Кипеню. Побеседовать вздумалось или, может, еще что-нибудь... А тут и у Кипеня фабрика на замке. Только насосы шумят за дверью... Сорвалось. А назад спешить нечего: может, скоро подойдет?..

Дядя этот только сперва испугал мальчиков. А потом оказалось, что он очень добрый. И руки им отряхнул, и слезы Мишке вытер большим пальцем, и говорит:

— У вас, братки, без пол-литра не разберешься, кто виноват, кто прав. Ну, ты не плачь!.. Какой же из тебя после этого может быть крокодил?.. А музыка, братцы, какая! Слышите? О!..

Он даже запел, взмахивая рукой:

Вьется, вьется знамя полковое.
Командиры впереди.
Солдаты, в путь!..

— Хорошая музыка, ребята!.. У нас на партизанском параде,— сказал он, усаживаясь на асфальт у стены,— марш играли, правда, не этот. Трам-та-ра-ра, трам-та-рам!.. Такая, братки мои, эпопея!.. Вот вы подрались, засопливились — и все. А у нас, бывало, не дай и не приведи!.. Знаете вы, ты и ты, что такое блокада?

Юрась и Мишка стояли рядом, смотрели на дядю как зачарованные. И молчали.

— Да откуда вам, браточки, знать про блокаду!.. А мы лежим это ранней весной. В сорок третьем. Болото, лес. Холод, голод. Вокруг немцы. Денег ни копейки... Тьфу!..

Он помолчал.

— Там еще ничего,— снова заговорил он.— Оттуда мы вырвались. Не все, правда... Но мне тот раз повезло. Зато в другой раз жигануло вот сюда. Так вот, лежал я...

Дядька прилег на сухом у стены асфальте и показал:

— Лежу. А потом только хотел рвануться в перебежку, только, извините, казенную часть

А. Г. Самсонов на каторге. 1907 год.

утром 1 мая мы приплыли в Тобольск.

Встретили нас «торжественно». На пристань прибыли две роты Сибирского стрелкового полка. Этот «почетный караул» должен был сопровождать нас до Тобольского каторжного централа. Берег был запружен полицейскими, не подпускавшими к нам никого на пушечный выстрел. На пригорке у пристани выстроилась вся местная знать. Бывалые люди из нашей партии узнали среди нарядной публики вице-губернатора, прокурора, председателя окружного суда, полицмейстера и многих других высших чиновников губернии.

Когда арестанты были пересчитаны, построены и окружены плотным кольцом конвоя, какой-то мастеровой перебежал тропинку перед каторжанами. За ним погнался полицейский, сбил его с ног и тут же арестовал. Это возмутило нас. Мы подняли страшный шум... Нарядную публику, пришедшую посмотреть на интересное зрелище, словно ветром сдуло... Раздалась команда: «Шагом марш!» «Запевай!» — крикнул кто-то из арестантов. И мы запели, запели так, как, пожалуй, не пели никогда. Призывно и грозно звучали слова нашей боевой песни:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Так с революционными песнями прошли мы весь путь от пристани до каторжного централа. Попадавшиеся навстречу рабочие молча приветствовали нас, а иногда даже раздавались голоса смельчаков: «Здравствуйте, товарищи, с праздником!» Так отметили мы по дороге на каторгу праздник пролетарской солидарности — Первое мая 1907 года.

А. Г. САМСОНОВ,
член КПСС с 1905 года.

Советские мопровские активисты и Артур Роймер (во втором ряду третий слева). 1930 год.

Знамени и снимку — 30 лет

Однажды мы побывали в краеведческом музее саксонского города Риза. Наше внимание привлекло красное знамя, хранящееся здесь. Оказалось, что это знамя — подарок ленинградских текстильщиков трудящимся города Риза. Через некоторое время нам удалось разыскать и человека, который в 1930 году в составе делегации немецких рабочих был в Советском Союзе и привез это знамя. Им оказался старейший немецкий коммунист, один из организаторов ячейки Коммунистической партии Германии в городе Риза, Артур Роймер.

Артуру Роймеру сейчас 82 года. Он рассказал нам: когда в Германии была создана коммунистическая партия, он одним из первых порвал связи с социал-демократами. Роймер явился к руководителю местной социал-демократической организации и в присутствии многих рабочих бросил ему в лицо свой членский билет и заявил: «Вы обманщики рабочих. Я больше не желаю быть в рядах социал-демократов. Ухожу к коммунистам. Только они настоящие революционеры».

После этого Артура Роймера нигде не принимали на работу, преследовали. За период с 1920 года и до 1940 года Роймер был безработным в общей сложности 10 лет. Но ничто не могло сломить дух рабочего-революционера.

В 1930 году по заданию партийной организации Артур Роймер занимался сбором средств среди трудящихся города Риза для МОПРа.

И вот в числе 12 мопровских активистов Германии Артур Роймер поехал в Советский Союз. Это было в августе 1930 года.

Три месяца провели в Советском Союзе представители немецкого рабочего класса. Они побывали в Москве, Ленинграде, Минске, Мозыре и других городах. Тогда-то текстильщики города Ленинграда вручили Артуру Роймеру красное знамя для передачи трудящимся города Риза.

Когда пароход входил в Щецинский порт, один из членов судовой команды предупредил коммунистов, что в порту их поджидают полицейские и, возможно, будет обыск. Артур Роймер снял знамя с древка, обмотал его вокруг тела и так довез домой. Литература и фотографии были спрятаны в двойном дне чемодана.

Полицейские ищейки города пронюхали о красном знамени. Ночью они ворвались в квартиру Роймера и начали обыск. Но, предупрежденный накануне товарищами о возможном налете полиции, коммунист замуровал знамя, фотографии и литературу в потайном месте на чердаке.

Буквально через несколько дней после захвата Гитлером власти коммунист Артур Роймер был схвачен гестаповцами и брошен в концентрационный лагерь Хоэнштейн. Нечеловеческим мукам и пыткам подвергали гестаповцы старого коммуниста. Ему ломали руки, жгли тело раскаленным железом. Фашисты добивались чтобы он выдал членов подпольной организации, сказал, где хранится знамя Коммунист молчал, мужественно переносил пытки.

Оставшиеся на воле друзья Артура Роймера забрали красное знамя. Сначала оно хранилось в рабочем поселке Глаубиц, близ Ризы, а затем по нескольку раз переносилось с места на место, из одной деревни в другую. Последним, кто свыше года хранил у себя красное знамя и после разгрома фашистской Германии в 1945 году передал его местной организации компартии, был старый коммунист Герман Кюне.

Товарищ Роймер показал нам фотографию, которую хранил 30 лет. Это советские мопровские активисты, и среди них Артур Роймер.

В. НОСОВ

А. Роймер. 1961 год.

поднял, а пуля — джик!.. А вторая в руку! А третья вот сюда, в грудь... Решето! Эпопея!.. Вот, братки, что такое фашисты и что такое война!..

Дядька как лег, так и остался лежать под стеной. Только на бок повернулся. И голову рукой подпер.

— А теперь,— сказал он,— музыка тебе играет, кровь молодая кипит, и хоть бы хны... Три раза правительством отмеченный. А сам никуда не гожусь... Вздремнуть, что ли, покуда Кипень придет?.. Ну, молодые люди, прошу минут пятнадцать тишины.

Дядька закрыл глаза.

Мальчики постояли немножко, а потом Юрка, совсем-совсем забыв про ссору, взял Мишку за руку, отвел к заборчику и зашептал малышу в самое ухо:

— Ты тут стой и смотри... Нá вот эту палку! И стой да смотри. Я скоро вернусь...

А сам побежал в тот подъезд, что вел на улицу.

...Тетя Зоя Петровна, та, что Юркина мама! Не наказывайте вы на этот раз своего мальчика за то, что он забыл все запреты и обещания и один вышел на улицу!.. Придется, конечно, его отчитать, потому что на пути к его цели два оживленных перекрестка и множество машин. Но любите его еще больше за смелость, за чуткое сердце...

Юрка идет на площадь, на голос солдатских труб.

Он счастливо пересек первый перекресток и двинулся ко второму. Взрослые говорят, что пути здесь — всего один квартал. А сколько же тут интересного! И магазин, где продаются книжки, кубики, цветные карандаши! И детское кино, где он смотрел вчера с Анькой про циклопа и крокодила! И сквер с фонтаном, где весной зеленые каменные лягушки опять будут брызгать изо рта водой! А вон там, на углу, летом тетя продает мороженое... И скоро будет второй перекресток, а за ним — солдаты.

Но тут... Ох, не все в жизни сбывается!..

На тротуаре перед Юркой стоял Светланин папа, дядя Толя.

— А ты, браток, куда? — спросил он.— Куда это ты один?

— Там... фашисты дядю обидели... Дядя хороший, а они его пулями постреляли! И он лежит...

— Где лежит? Что ты выдумал?

— Я не выдумал. Он партизан. Он прогонял их, а они...

— Э, братец, мы тут с тобой не договоримся... Пошли на место преступления. Веди!

Юрка согласился. Когда его ручонка, озябшая без рукавицы, оказалась в сильной, теплой руке дяди Толи, он окончательно поверил, что справедливость скоро восторжествует. И без солдат. Потому что дядя Толя сам большой!..

Однако во дворе их ждало полное разочарование.

Дядьки этого уже не было.

И Мишка уже не стоял у забора, а шел по дорожке. Даже без п лки.

— Ну? — спросил дядя Толя, отпуская Юркину руку.— Как ты мне, братец, все это объяснишь? Где твой дядька и где фашисты?

Юрка стоял растерянный.

А Мишка смотрел и улыбался.

— Что, румяный? — спросил у него дядя Толя.— Как же это ты, брат-солдат, на страже стоял? Ты куда дел того дядю?

И Мишка рассказал:

— Плисол длугой дядя... дядя из котельни, и заблал дядю... Дяди посли туда!

Он показал рукавичкой на дверь в подвал.

— Все ясно,— сказал дядя Толя.— У Кипеня гость. А ты тут, Юрка, тревогу поднял.

Но Юрка уже опять осмелел.

— А фашисты ведь дядю обидели!..

— Да это, братец, было уже давно. И, надо думать, больше не повторится.

— А дядя тот хороший. Он партизан! И он герой!..

— Ну, так уж и герой?

— У него, дядя Толя, звезда на пряжке! Вот тут. Большая! И Мишка, дядя Толя, видел!..

Дядя Толя достал из кармана пальто коробку папирос и спички.

Ах, как хорошо быть большим!..

Пока он вынимал из коробки папироску, а потом чиркал спичкой, раскуривал, затягивался, за стенами дома, далеко на площади, веселым маршем гремели трубы, а здесь за движениями его рук следили две пары глазенок. Любопытных, доверчивых, восхищенных!..

— Ну, орлы! — сказал дядя Толя.— Как бы там ни было, а вы, говоря объективно, тоже герои. Защищать обиженных — это по-нашему. Ну, играйте. Под музыку. Вы ребята дружные, и это очень хорошо. Я пошел.

А он не знает, дядя Толя, что Юрась и Миша даже немножко подрались...

Ну и пускай никто не знает.

— Я больше не буду, Мишка, циклопом, — сказал старший.— И ты не будь крокодилом. Дай мне руку! Идем за гараж, я тебе что-то покажу!..

Авторизованный перевод с белорусского А. Островского.

В городе Кировакане на проспекте имени Сталина есть дом № 24. Как и все большие дома в этом городе, он построен недавно. Как и все дома здесь, он сложен из красивого армянского туфа. На четырех этажах, в 60 квартирах, живут разные люди.

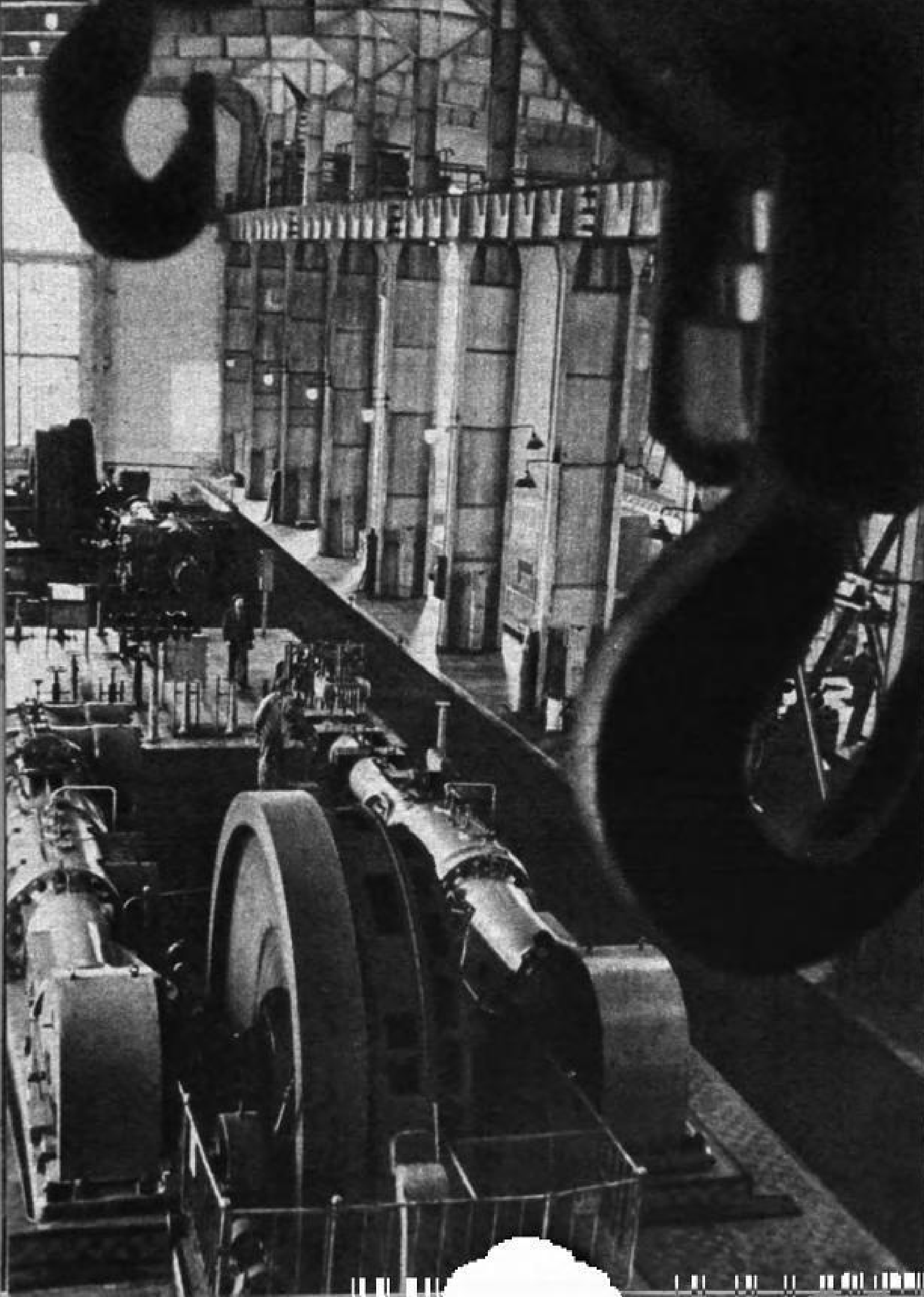
Мы зашли в этот дом, когда в нем зажигались огни. Из каждой квартиры потянулись нити в жизнь, полную разнообразной деятельности. За розовыми стенами дома, хранящими тепло семейного очага, встал весь город. Захотелось узнать о нем больше.

И вот с кипой фотографий в руках мы постучались в квартиру, на дверях которой висела табличка «М. М. Бахчинян». Двери открыла молодая черноволосая женщина. Маник Марковна, секретарь Кироваканского городского комитета партии, пригласила нас в свою комнату, усадила за «неписьменный» стол. Мы разложили на нем наши фотографии. Вот ее комментарии к ним.

В ОКНАХ

М. М. БАХЧИНЯН,
секретарь Кироваканского городского комитета КП Армении

Фото Ю. Кривоносова.

— Ерицяны!.. Да, я хорошо знаю эту семью. Они живут в нашем подъезде, на первом этаже. Дружные, работящие люди. Отец Искандер — живая история нашего химкомбината, старейшего предприятия города. Впрочем, старейшего — это значит рожденного в годы первых пятилеток. До этого Кировакан — он назывался Караклисом — был просто большим селом.

Когда начали строить карбидный завод, Искандер пошел на стройку. Построил, стал рабочим известкового цеха, потом бригадиром, мастером. В этом звании, награжденный орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, ушел недавно на покой. Маленький карбидный завод стал крупным химическим комбинатом, выпускает теперь много видов продукции, в том числе разные удобрения, синтетический корунд...

Кировакан называют городом химии. Как химик, я не могу с этим не согласиться. Но справедливость требует сказать, что название это устарело. Взгляните на второе поколение Ерицянов. Одного сына на снимке нет. Хачатур, видимо, в ночной смене. Он пошел по стопам отца: работает аппаратчиком в цехе разделения воздуха. Но уже два других сына представляют новую для Кировакана промышленность: Андраник строит приборы на заводе «Автоматика», Сергей — прецизионные станки. Особенно хорошая слава идет об Андранике: рационализатор, ударник коммунистического труда. В общем, то, что называется «мастер — золотые руки».

Узнаю на снимке своего соседа Норика Саакяна. Он справа. Как-то заявился парень ко мне в горком с просьбой устроить его на завод «Автоматика». Норик — хороший, скромный паренек, рос без родителей, у деда-каменщика Мацака. Жела-

нию его можно было бы пойти навстречу. Но... традиция есть традиция. После беседы в горкоме Норик пошел на стройку нового кироваканского завода. Жалеет ли он об этом? Нет, конечно. Встречаю его во дворе всегда озабоченным, куда-то торопящимся: на работу, на занятия в техническое училище, в спортзал. Право, можно ему позавидовать!

Стройка большая, интересная. Один главный корпус будущего завода занимает территорию в четыре с половиной гектара. Здесь будут делать искусственное волокно — ацетатный шелк! И Норик к пуску завода получит профессию, станет к аппарату.

Не могу не сказать и о втором

ЗАЖИГАЮТСЯ ОГНИ

пареньке на этом снимке. Это бригадир Норика — Сережа Карагезян. Пришел он к нам из дурной компании, долго буянил, доставляя огорчения и нам и своим родителям. Трудно было поверить, что Сережа будет бригадиром самой боевой на стройке комсомольско-молодежной бригады, что он сядет за учебник рядом с «тихим» Нориком. Но мы, коммунисты, верили. Кировакан должен стать городом коммунистического труда и быта! К этому сейчас направлена вся деятельность нашей городской партийной организации. Так мы встречаем юбилей нашей республики, сорокалетие Коммунистической партии Армении.

...Сам Каро Барсегович пожелал сфотографироваться у развернутого знамени. Старая военная привычка. Бывший подполковник-артиллерист ныне «воюет» в нашем доме. Знамя лучшего дома коммунистического быта у нас. И в этом большая заслуга Каро Мирзояна, старого коммуниста, председателя совета содействия коммунистическому быту в нашем доме.

Кстати, такой совет впервые был создан у нас, а затем это движение распространилось по другим домам. Теперь уже не только мои соседи — 12 тысяч кироваканцев борются за то, чтобы дом, в котором они живут, был лучшим в этом соревновании.

Но я не хочу сказать, что в нашем доме живут какие-то идеальные граждане. До этого далеко... Вот это «далеко» зачастую мешает хорошим людям приниматься за дело: куда нам, мол, посягать на такое высокое звание, когда у нас еще ссорятся, живут подчас недостойно, чуждаются друг друга. Но ведь к далекому надо приближаться, пусть маленькими шагами, но обязательно приближаться, тогда оно станет ближе...

С тех пор, как в нашем доме открыли клуб, спортзал, мастерскую для всяких мелких домашних починок — и все это сделали своими руками,— с тех пор, как стали у нас работать всевозможные секции совета дома, стало жить куда спокойнее, дружнее.

Гарник Вартанян, слесарь завода «Автоматика»,— наша «скорая помощь». Водопровод испортился? Канализация засорилась? Свет погас? Вместо того, чтобы вызывать мастера из домоуправления, мы обходимся сами. Если Гарник дома, немедленно явится и исправит повреждение. И он и его мать Сатеник — члены совета дома, очень активные и отзывчивые люди. И, между прочим, самые «древние» жители на этом клочке земли. Раньше здесь стоял маленький домишко, в котором вырос Гарник, откуда ушел на войну и не вернулся его отец...

Когда-то обеспеченные люди заводили себе частных домашних врачей. В нашем доме пять «домашних» врачей самых разных специальностей. Думаю, что такого количества медицинских работников не было на весь старый Караклис. У нас живет заслуженный врач республики Аршак Александрович Мелкумян, главный врач районной больницы. В доме он руководит санитарной секцией. Но среди женщин особой популярностью пользуется Шушаника Мосесовна Периханян. Это естественно: в доме много детворы, а она педиатр, заведующая детской консультацией. Правда, молодые мамаши чаще заглядывают к ней со всякого рода сомнениями и страхами, но случаются и экстренные вызовы... в соседнюю дверь.

Вы скажете, что же тут особенного? Врачебный долг! Но в нашем доме это не только врачебный, но и общественный долг!

Мой сосед, инженер-конструктор Виллен Меликсетян, видимо, дает консультацию молодым рационализаторам, студентам вечернего института. Этот институт в нашем городе работает на общественных началах. В нем четыре факультета. Виллен читает здесь уже второй год курс «Металлорежущие станки». И, конечно, как и другие преподаватели, безвозмездно.

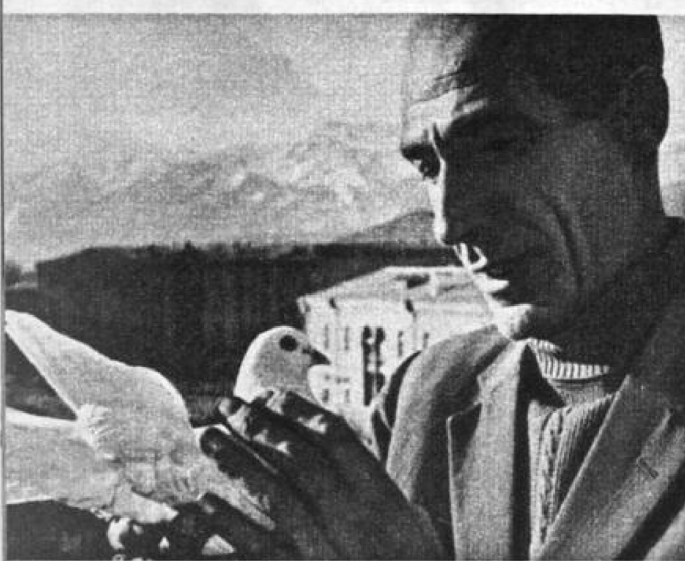
Как-то о существовании этого института узнали молодые архитекторы Еревана. Узнали и о том, что ребята пока что занимаются в

разных, не всегда приспособленных для этого помещениях. Они создали проект здания этого института. Его будут строить студенты вместе с преподавателями своими руками.

Неправда ли, учиться не зазорно в любое время и любому делу? Поглядите, как старательно овладевают сапожным ремеслом эти ребята — ученики школы-интерната. Такие не вырастут белоручками. Кстати, они ремонтируют обувь своих товарищей, а так как ноги у этих товарищей, как известно, весьма беспокойные, работы в мастерской всегда много.

Я вижу здесь нашу Сатеник Багратовну Арутюнян. Она педагог, секретарь партийной организации школы. Недавно отметили ее труд орденом Ленина. Правда, к биологии, которую она преподает в старших классах, сапожное дело отношения не имеет, но она, как всегда, «крутится» по всему интернату. Такова судьба партийного руководителя, особенно если он отвечает за работу детского учреждения. Между прочим, отец Сатеник в прошлом сапожник. Было это давно. Арутюняны тогда жили высоко в горах, в селении Дзоргюх. Отец уходил на заработки. Мать ткала ковры. Старая Халлу и сейчас еще этим занимается...

И где только не встретишь моих соседей! Среди этих девушек с «трикотажная» есть одно хорошо знакомое лицо. Вот здесь, во втором ряду третья — Рита Корхмазян. Ее комната как раз над моей. На фабрике она работает бригадиром швейного цеха уже восемь лет. Сегодня эта фабрика выпускает в год около восьми миллионов штук готовых изделий: белье, сорочки, спортивные костюмы.

Помните Норика и Сережу? С будущего года они будут делать искусственное волокно для Риты и ее подруг. А еще через год наша трикотажная фабрика имени Камо расширится в три раза и станет одной из крупных не только в республике, но и в стране. Как подумаешь об этом, право, радуется душа за наш маленький городок...

Человек не может только трудиться, он должен и отдыхать. Каждый это понимает по-своему. Михаил Никитич Чатинян, начальник сборочного цеха на «Автоматике», видит удовольствие в разведении голубей. У него голубятня и дома и на заводе. До завода долгое время он работал в авиации штурманом первого класса. Не отсюда ли эта любовь к птице?

Хорошо, что вы зашли и в эту семью. Генуляны приехали к нам из Сирии. В Бейруте Рубен Генулян работал грузчиком у какого-то купца. У нас он получил квалификацию асфальтировщика, трехкомнатную квартиру в нашем доме. Все годы хорошо зарабатывал, поставил на ноги семью. Рубену Генуляну 63 года, он может уже отдыхать от трудов. И каждый месяц наш аккуратный почтальон Ерджаник приносит ему пенсию — 87 рублей.

Знаете, что значит по-русски «ерджаник»? Счастливый! Но это я к слову...

Младший научный сотрудник Солмаз Керимова показывает профессору Д. М. Гусейнову только что полученное НРВ.

НРВ

Когда на трибуну совещания передовиков сельского хозяйства республик Закавказья поднялся профессор Джабраил Мухтарович Гусейнов и начал свой рассказ об НРВ, в зале сразу воцарилась особая, внимательная тишина. Его слушали многоопытные труженики сельского хозяйства, а то, что он говорил, было похоже на мечту. Он говорил, что стоит взять 50 — всего лишь 50 — граммов НРВ, внести в почву, на которой произрастает, скажем, хлопчатник, и урожай хлопка-сырца увеличится на 15—20 процентов. Или внести столько же НРВ на гектар томатов — и на каждые 100 томатов прибавится еще 30, на каждые 100 баклажан — еще 40!

Причем НРВ не обязательно вносить в почву. Им можно опрыскивать растения или намачивать семена. Опрысканные таким слабейшим, порядка 0,005 процента, раствором НРВ, огуречные грядки дают сверх ожидаемого урожая 60 центнеров огурцов на гектаре. А сортовые семена кукурузы, «выкупанные» в таком растворе, повышают урожайность кукурузного гектара на 22 процента.

Кто же этот таинственный друг НРВ?

НРВ — это нефтяное ростовое вещество, и содержится оно, как нетрудно догадаться, в нефти и в щелочных отбросах нефтеперерабатывающей промышленности. Поступая в растение, оно активизирует обмен веществ.

Получить НРВ довольно несложно. Транспортировать его можно в деревянных и железных бочках и в стеклянной посуде. Растворы НРВ не огнеопасны, не теряют своих свойств при высоких и низких температурах. И еще одно замечательное достоинство НРВ — оно необычайно дешево.

Профессор Гусейнов рассказал также, что работа по изучению НРВ ведется лабораторией органических удобрений Института почвоведения и агрохимии АН Азербайджанской ССР уже в течение восьми лет. В прошлом году НРВ применялось в Азербайджане на площади 120 тысяч гектаров. А в 110 хлопкосеющих колхозах республики на площади более 17 тысяч гектаров урожай хлопка увеличился в среднем на 27 процентов. Колхозники получили дополнительно 7 641 тонну хлопка, увеличив свои доходы примерно на 2,3 миллиона рублей новыми деньгами.

Как же был найден этот чудесный стимулятор роста?

— Во время войны и в послевоенные годы для производства суперфосфатов не хватало серной кислоты, — рассказал нам Д. М. Гусейнов, — и мы поневоле заменили ее отходами нефтепродуктов, так называемыми кислыми гудронами, в которых содержится серная кислота. Думали, что этот эрзац хотя бы немного нас выручит. Оказалось, что суперфосфаты, получаемые с использованием кислых гудронов, влияли на урожай лучше заводских. В чем дело? Стали сравнивать, доискиваться и пришли к выводу, что «виновница» — сама нефть. Затем выяснили, какие нефтеотходы действуют лучше всего.

Потом начались массовые опыты. В них участвовало более 100 научных сотрудников.

— Помнится, как приехал я в 1958 году в совхоз «Аврора» к директору Мамеду Кязимову, авторитетнейшему на юге республики руководителю. С собой у меня было около 100 граммов НРВ, а в машине припасен на всякий случай пульверизатор. Мамед Кязимов вначале не хотел и слушать о том, что какой-то горстной можно повысить урожайность чайных плантаций. Но потом все же сам отделил для опыта 18 рядов чайных кустов. Мы тут же сделали раствор. По два ряда опрыскивали, по два — оставляли для контроля. После сбора урожая оказалось, что НРВ на каждом гектаре дало прибавку по 600 килограммов сортового чайного листа. В следующем году Кязимов поставил опыт на 3 гектарах, а в прошлом году выделил под НРВ два больших массива.

От применения НРВ в колхозе имени Ази Асланова на площади 82 гектара колхозники получили дополнительно 50 тысяч рублей дохода. Ведь удобрение дароное: обходится в 1 копейку на гектар. Посылаем мы его колхозам бесплатно. В прошлом году лаборатория отправила в разные концы республики 50 тонн НРВ.

Новый стимулятор проникает и в другие края. В этом году наши сотрудники испытывают НРВ в зерновых хозяйствах целинных земель.

— Не влияет ли НРВ на вкусовые достоинства плодов?

— А разве запах нефти присутствует в тканях, полученных из искусственного волокна, и вообще в предметах, исходным сырьем для которых является нефть? — ответил вопросом на вопрос профессор Гусейнов. — Предположим даже, что НРВ издает запах нефти, хотя это и не так. Но разве могут отразиться 50 граммов вещества на ароматических свойствах плодов, овощей и зерна, собранных с гектара? Это исключено.

Обнадеживают результаты применения НРВ и в животноводстве. На Бакинской птицеферме выяснили, как влияет НРВ на яйценоскость кур и качество яиц, на рост и развитие цыплят, и определили наиболее эффективную дозу его. Группе несушек, например, скармливали по 5 миллиграммов НРВ на каждый килограмм веса. В первый же месяц они снесли яиц на 10 процентов больше.

В заключение мы попросили рассказать, каковы возможности промышленного производства НРВ.

Они, оказывается, неизмеримы. Отходами одной лишь бакинской нефтеперерабатывающей промышленности можно обеспечить потребность всей нашей страны.

На второй день после закавказского совещания профессор Гусейнов выступил по грузинскому радио с призывом обращаться в лабораторию института за консультацией и за самим НРВ, которое лаборатория предоставляет бесплатно. А у выхода из здания радиокомитета его уже подстерегали работники и специалисты сельского хозяйства...

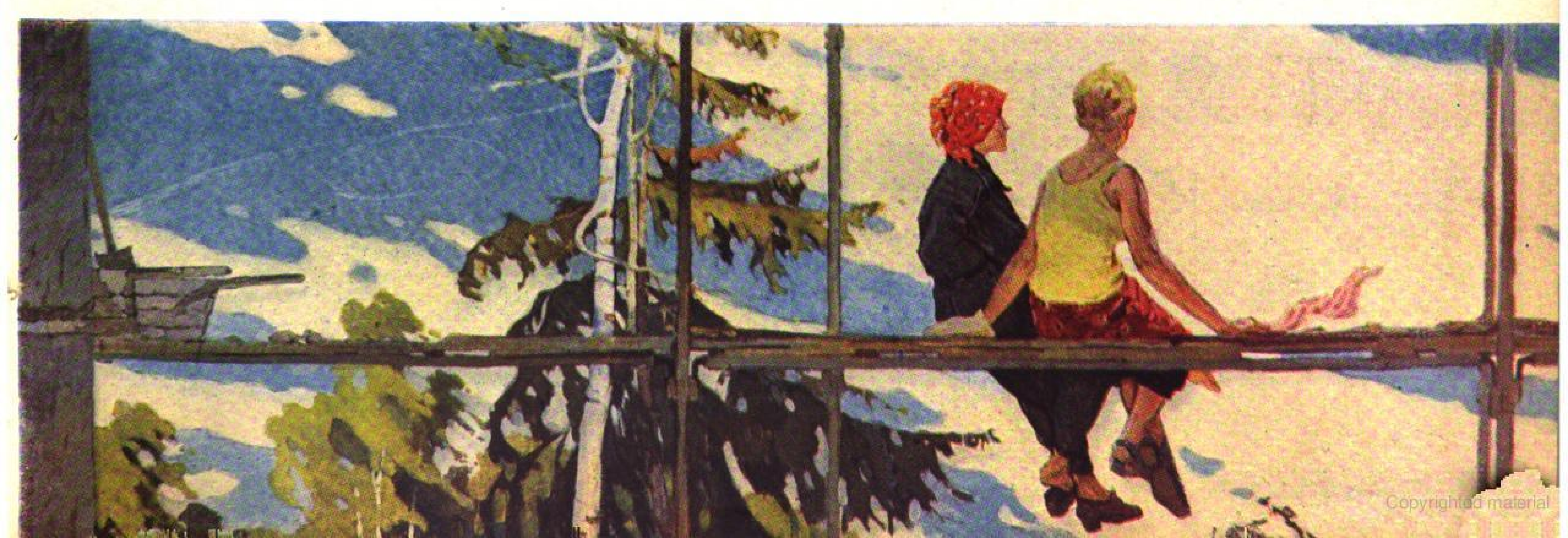
И. МЕСХИ

Т. Голембиевская. УКРАИНСКИЕ КУМАНЦЫ.

Выставка «Советская Украина».

Г. Богданов. «АНГАРСКИЕ ЛАСТОЧКИ»

Выставка «Советская Россия».

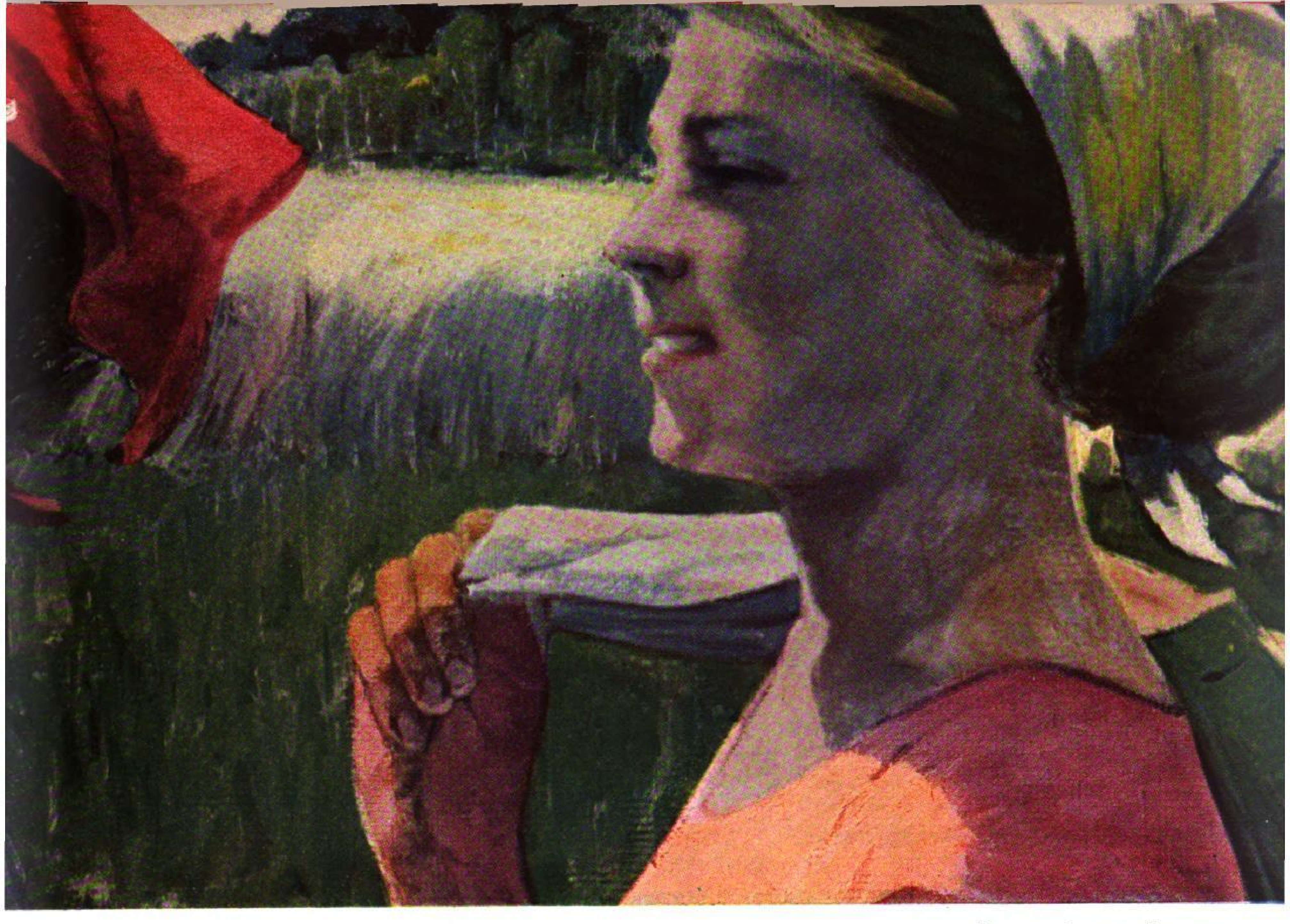

В. Кондратюк. ЛЕТО.

Сергей **ВАСИЛЬЕВ**

Руки тянутся к труду

Ветер мая,
ветер мая,
вестник света и тепла!
Вешней радости внимая,
подбоченилась ветла.
Тополиный лист упрямо
упаковку-почку рвет,
и в распахнутую раму
птичья
музыка
плывет.
Ручейковый шум апреля
остается позади.
Соловьиных песен трели
оглушат,
того гляди.
Все добрее, все синее
над страною небеса.

Выставка «Советская Украина».

От Днепра
до Енисея
полдень поднял паруса.
От Поволжья
до Байкала,
от Амура
до Оки
время песни расплескало,
распустило лепестки.
Над Курганом,
над Рязанью,
над Одессой,
над Москвой
все размашистей сиянье
дружной силы заревой.
У причалов,
на паромах
гром колес
и стук копыт.
Скоро, скоро снег черемух
берега запорошит.
Эти запахи и звуки
с нашим замыслом в ладу —
глубже дышится,
и руки
сами тянутся к труду.
От весны, как говорится,
весь народ неотделим.
Не сидится,
не лежится
даже самым пожилым:
на развернутых работах,
отвергая передых,
норовят на поворотах
не отстать
от молодых.
Что ж тогда сказать про юных?
Блещут.
Властвуют.
Парят.
На полях,
в чащобах,
в дюнах
им, конечно, нет преград!
Разлилась
по светлым склонам,
раздвигая сизый дым,
дружба
алого с зеленым,
голубого
с золотым.
Мир стал ясным и певучим.
Так и тянет поутру
стебель —
к солнцу,
птицу —
к тучам,
сочинителя — к перу!

Ю. Кугач. ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ. Выставка «Советская Россия».

В. Цветкова. ЯПОНСКАЯ АЙВА. Выставка «Советская Украина».

СТО ЛЕТ СТРАХА

В. ВЛАДИМИРОВ

Началось это в середине девятнадцатого века. Продолжается и сегодня — в середине двадцатого.

Сто лет! Своеобразный «юбилей» непрерывных попыток очернить марксизм и коммунизм, сочинить очередной «красный заговор».

К этому «заговору» обычно причисляется все мало-мальски прогрессивное на свете — совершенно так, как в средние века воинствующие церковники объявляли любое народное движение, любую живую человеческую мысль «кознями дьявола».

«Некоторые люди, которые не согласны с учением марксизма, уже больше ста лет мобилизуют свои усилия, чтобы найти противоядие против этого «заболевания», чтобы приостановить столь опасное для них явление — распространение идей марксизма,— сказал Н. С. Хрущев.— Но, по нашим данным, противоядие пока не изобретено».

Бессильные найти «противоядие», реакционеры прибегают к запугиванию и провокациям.

Пожалуй, первой крупной судебной фальшивкой против «красных» был известный Кельнский процесс 1852 года — процесс, организованный прусским полицейским советником Вильгельмом Штибером. Этот господин подготовил объемистый том документов о «франко-немецком заговоре» марксистов. Том состоял из доносов и сфабрикованных «протоколов» Союза коммунистов. Процесс полностью провалился. Было доказано, что «протоколы» подделаны по указаниям Штибера. Но Штибер не успокоился и в 1853 году обнародовал «черный список» 760 «заговорщиков», где Маркс упоминался под № 404, а Энгельс — под № 155.

«Призрак коммунизма» бродил в те времена уже не только по Европе. Еще в 1857 году, накануне гражданской войны в США, южанин и рьяный сторонник рабовладения Джордж Фитцхью одним из первых в Америке возопил: «Мы предупреждаем Север, что каждый ведущий аболиционист (противник рабства.— В. В.) разжигает вопрос о рабстве негров для того, чтобы использовать его как средство для достижения своих настоящих целей — социализма и коммунизма».

Торговцы людьми уже тогда пытались создать «красное пугало».

Через три года к власти пришел Авраам Линкольн. Во время гражданской войны он назначил нескольких немецких революционеров военачальниками. Среди них был коммунист и личный друг Маркса Иосиф Вейдемейер, который вошел в историю США как освободитель штата Миссури от рабовладельческих банд.

Самого Линкольна американская реакция не осмелилась занести в «список коммунистов»: это было бы чересчур нелепо. Но против великого президента раздували клеветническую кампанию, изображая его «покровителем воров, лентяев и бездельников». Последняя характеристика относилась к американским рабочим.

У известного сенатора Маккарти — чемпиона по «охоте за ведьмами» — есть духовный предок. Жил он в конце прошлого столетия, и звали его Франклин Гоуэн. Это был председатель богатейшей железнодорожной компании «Филадельфия — Рединг». В 1875 году он заявил, что группа молодых профсоюзных лидеров, которой он боялся как огня, состоит из «сторонников Коммуны и посланцев Интернационала». Но этого было мало, чтобы уничтожить людей. Сто тысяч долларов как задаток вручает Гоуэн «национальному сыскному агентству» за организацию нескольких провокационных убийств, в которых должны быть обвинены молодые шахтеры. На шести «судебных процессах» девятнадцать человек были приговорены к смерти. Газета «Нью-Йорк уорлд» писала: «Поведение осужденных на эшафоте, их решительные и спокойные заявления о своей невиновности... могли поколебать чью угодно уверенность в их вине... Их осудили и повесили на основе «общих принципов».

А газета «Чикаго трибюн» открыто угрожала: «Если потребуется, мы украсим все фонарные столбы в Чикаго трупами коммунистов...»

16 июля 1877 года в США началась грандиозная по своим масштабам и решительности всеобщая забастовка железнодорожников. С первых же дней она была объявлена «коммунистическим заговором». 22 июля газета «Нью-Йорк уорлд» сообщила: «Питтсбург... полностью во власти людей, одержимых дьявольским духом коммунизма». 25 июля «Нью-Йорк таймс» опубликовала сообщение: «Чикаго в руках коммунистов».

Армию, усмирявшую индейцев, срочно перебросили против рабочих, к которым присоединились фермеры. Даже дети бросали камни в солдат. Это была борьба американского народа за право на труд, за хлеб насущный.

Из пушек и ружей расстреляли демонстрации. Руководителей забастовки бросили в тюрьмы.

Американцам, одетым в солдатскую форму, и агентам «сыскного бюро» заплатили в десять раз больше, чем просили для себя американцы в рабочих комбинезонах.

Миллионер-спекулянт Джей Гулд объявил: «Я могу нанять одну половину рабочего класса и заставить ее убивать другую половину».

Его аппетит был воистину ненасытен. В популярной в те дни песенке «Скромные желания Джея Гулда» говорилось:

Как мало нужно, чтобы я
Доволен был судьбою:
Хочу Америкой владеть,
Хочу Китай присвоить.
Европу с Африкой не прочь
Забрать без промедленья
И рад всей Азии помочь
Войти в мои владенья.
Еще б десяток островов,
И все — я сыт по горло...
А дно морское я готов
Отдать кому угодно.

Для того, чтобы «владеть и присваивать», все туже и туже завинчивался пресс монополий. Рабочие отвечали стачками и забастовками.

Террор не мог приостановить многолетнюю борьбу за восьмичасовой рабочий день, за человеческие условия жизни.

В начале апреля 1886 года на знаменитых чикагских бойнях забастовали 35 тысяч человек. Вскоре к ним присоединились обувщики, каменщики, штукатуры, печатники — десятки тысяч рабочих разных профессий требовали восьмичасового рабочего дня.

Так наступила суббота, 1 мая 1886 года, обычный календарный день, который впоследствии был навеки объявлен Международным днем солидарности рабочих.

Весной в Чикаго с озера Мичиган обычно дует холодный ветер. Но в этот день он стих с самого утра, и яркое солнце осветило тысячи вышедших на улицы людей, связанных радостным чувством локтя, чувством крепнущей солидарности, сознающих свою растущую силу.

Шли англичане, немцы, чехи, ирландцы, негры, поляки, итальянцы, шли католики и протестанты, демократы и республиканцы. Шли целыми семьями. Это был могучий поток людей труда.

А на крышах домов сидели вооруженные полицейские. Около полутора тысяч солдат национальной гвардии ждали сигнала в казармах.

В этот день народные демонстрации состоялись не только в Чикаго, но и в других городах США. В них участвовало около 340 тысяч человек.

Монополии пугала крепнущая сила рабочих, требовавших восьмичасового рабочего дня. И уже 4 мая в том же Чикаго во время рабочего митинга на площади Хеймаркет «неизвестным» была брошена бомба. Полицейские пустили в ход дубинки, открыли огонь.

Тысячи людей были схвачены и брошены в тюрьмы. Арестовали руководителей профсоюзов. Прокурор Чикаго Джулиус Гриннел заявил полицейским: «Совершайте налеты, а в законы заглянете после». Террор прокатился по всей Америке...

1 мая 1886 года рабочие вышли на демонстрацию. Гравюра американского художника Митчелла Сипорина.

Огонь по участникам всеобщей забастовки железнодорожников в США. Рисунок из журнала «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» за 1877 год.

Но это были только первые шаги наступления американских золотых мешков против рабочего класса США. Чем ближе к нашему времени, тем шире размах.

Печальную известность снискал «охотник за ведьмами» 1919—1920 годов — министр юстиции президента Вильсона Митчелл Пальмер.

Дело, как обычно, началось с провокации. Неизвестные доставили на дом сенатору Хардвику посылку, которая взорвалась и ранила служанку. Мэру города Сиэтль Оле Хансену вручили такую же посылку. В ней оказались серная кислота и динамитные патроны. Затем объявили, что на нью-йоркском почтамте обнаружено еще шестнадцать таких посылок и что они рассылаются «тайной организацией коммунистов» с целью отметить «день Коминтерна — Первое мая».

Запугивая всеобщим «восстанием красных», Пальмер добился от конгресса «закона о депортации» (высылке.— В. В.) и организации специального отдела ФБР по борьбе с левыми. Началось то, что в истории США именуется «великой красной паникой». В ночь на 2 января 1920 года был произведен первый «пальмеровский рейд»; пострадали рабочие 33 городов Америки. Полицейские врывались в дома, общественные помещения, залы для собраний, в кинотеатры, а иногда хватали прохожих прямо на улицах. Под револьверными дулами по мостовым шагали вереницы людей в наручниках, прикованных друг к другу. Тюрьмы были переполнены. Тысячи людей стали жертвами погони за «красными».

Пальмер — фигура заметная в кровавой истории подавления рабочих выступлений. Памятников ему пока не ставили, но если поставят, то следовало бы высечь на постаменте его собственное изречение: «Свободное выражение мыслей опасно для американских учреждений».

Миф о «красной опасности» раздувался наследниками Пальмера. Начиная с 1946 года торговая палата США выпустила целый ряд брошюр. Их названия полностью характеризуют содержание: «Проникновение коммунизма в Соединенные Штаты», «Коммунисты в правительстве», «Программа борьбы общества против коммунизма» и т. д.

Прямым наследником Пальмера является ныне здравствующий руководитель Федерального бюро расследований Эдгар Гувер. Он опубликовал в 1948 году, через сто лет после Штибера, новый «черный список 500 руководящих коммунистов». А в 1949 году он «прославил» себя организацией процесса 11 деятелей американской компартии, представив суду 4 687 страниц лжесвидетельств и поддельных документов, в том числе сенсационную утку о готовящемся «вторжении Красной Армии в Детройт». Судья Гарольд Медина в здании на Фоли-Сквер приговорил и обвиняемых и защитников к многолетнему тюремному заключению, получив за это «премию свободы».

Особенно часто и охотно за «красное пугало» хватался небезызвестный Маккарти. Долго о нем говорить не стоит. Еще не остыла зола костров, на которых по его приказу жгли «подозрительные» книги, а актерам Голливуда и профессорам университетов предлагали стандартный вопрос: «Можете ли вы назвать среди ваших знакомых коммунистов в настоящем или прошлом?»

Обвинений в «коммунизме» не избежал в свое время и... Франклин Рузвельт! В 1936 году «король печати» Херст объявил, что Рузвельт — коммунист, стремящийся к диктатуре. Известно, что еще в 1933 году в Чикаго в машину президента реакционерами была брошена бомба и Рузвельт уцелел лишь случайно, а находившийся рядом мэр Чикаго был убит. Уже после смерти президента сенатор Маккарти исступленно кричал о «двадцати годах предательства» и о том, что Рузвельт умышленно продал свою страну коммунистам...

В свое время Рузвельт ответил на эти выпады. «Они единодушны в своей ненависти ко мне,— говорил он об американских реакционерах,— я приветствую их ненависть».

Его последние слова, написанные 11 апреля 1945 года, в ночь перед смертью, направлены против войн, против всего того, что навязывает человечеству тяжкое бремя страха.

Сто лет пугают мир коммунизмом. Но правда побеждает ложь. Все новые борцы приходят под знамена коммунистического движения.

Двенадцать мальчиков

Евг. ЕВТУШЕНКО

Весна звенит апрельским льдом
и солнцем все осыпано.
Сегодня счастлив каждый дом,
а если этот дом —
роддом,
то счастлив он особенно!
Когда, оглядывая высь,
летел наш русский, кровный,
в одном роддоме
раздались
двенадцать криков
громко.
И надо ж —
как нарочно! —
(пусть радуются матери!)
двенадцать новорожденных,
и все двенадцать —
мальчики!
Весенняя-весенняя
у радио
вся нация.
Вот это
день рождения:
Апрель. Двенадцатое.
И мокрых,
маленьких,
смешных,
которым жизнь,
как тайна,
в палату сестры вносят их
под голос Левитана.
Им предстоят полеты.
Пойдут
в космонавты.
Белые пеленки —
их первые скафандры!
У матерей
счастливый смех,
глаза такие юные.
Двенадцать мальчиков
и всех —
да, всех —
назвали Юриями!

Здравствуй, Первомай!

Анатоль ВЕЛЮГИН

В воскресенье поутру
прилетали журавли.
Густо брызнули в бору
стрелы трав из-под земли.

Свод бездонный надо мной,—
песней на́ сердце легло,
обнимая край родной,
журавлиное крыло.

Межи вёсен и долин
зачеркнуло вдруг оно.
Просто в счастье и в жасмин
открывается окно.

Что за радость, милый край,
тихим словом рисовать,
если завтра новый май
нам с тобою маевать.

В воскресенье поутру
прилетали журавли.
Дождь процокал на ветру,
капли в борозды легли.

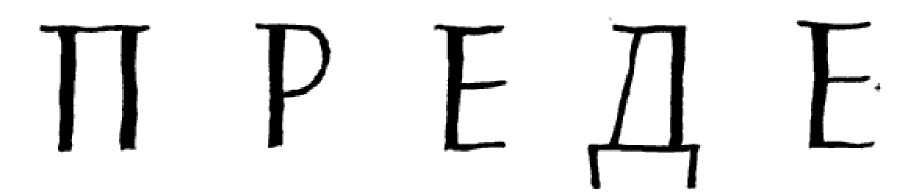
Здравствуй, светлый Первомай!
Нежных листьев клейкий след!
Красный цвет, гори, играй,—
наших стягов, жизни цвет!

Перевел с белорусского
Петр Семынин.

Рассказ

Игорь СОБЧУК

Рисунки Г. ХРАПАКА.

Путь до института всегда переполнен встречами, событиями и неожиданностями. У подъезда нас встретил Вова Горохов, большой друг Галки-черненькой. Рослый серьезный парень с тяжело очерченным лицом и огромными ручищами бывшего матроса, он относился к нам с добродушным дружелюбием. Мы уважали Вову за отчетливый ум, за рыцарскую снисходительность к девичьим капризам, а больше всего за преданную любовь к нашей шаловливой Галке.

Трудно отыскать людей более разных, нежели Вова и Галка, но, по всей вероятности, здесь действовал закон компенсации. Все, что было изобильно представлено в Галке: ее подвижность, беззаботность, изрядное легкомыслие,— компенсировалось уверенным спокойствием и сдержанностью Вовы. В нашем институте не было, нет и не будет пары более дружной, чем озорная Галка и медлительный, немножко суровый Вова. Тайком мы завидовали их великолепной дружбе, угадывая в Вове непоколебимую душу однолюба. Пожалуй, именно в этом заключалась главная пружина дружеской зависти к Галке. Кроме того, Вова был нашим председателем профкома, а в прошлом редактировал сатирическую газету «Бугшпритом по носу!», где частенько протаскивали меня, а еще чаще Виктора, с которым я дружила со школы, без малого лет шесть. Вову я чуточку боялась и беспредельно уважала.

Вова поздоровался с нами и бережно взял под руку свою Галку. Она прижалась к нему плечом, маленькая, стройная, красивая. В силу девической солидарности мы оставили их вдвоем и умчались вперед, а за первым поворотом нас встретила Катя Перышкина. Это была несколько странная девушка. У нее полностью отсутствовали вкус и чувство юмора, хотя она и была нашим бессменным комсоргом. Довольно хорошенькая, с удивительно ясными серыми глазами, красившими суховатое, немного грустное лицо, она совершенно не обращала внимания на одежду. Наряженная в какую-нибудь оранжевую кофту, в ядовито-зеленый берет и голубую юбку, она носилась по коридорам, напоминая подвижный кусочек спектра.

Иногда она становилась обычной забавной девчонкой, с которой можно поделиться секретом, повздыхать и помечтать вместе, но чаще она ощущала себя руководителем, комсомольским функционером, и на нее нападал стих неподкупной строгости. Верно, приступы «вождизма» случались с ней накануне собраний или после очередной взбучки на комитете комсомола, но лучше не попадать ей на язык в такие минуты. Она не признавала скидок на молодость, с яростным неодобрением относилась к сердечным делам, которых за каждой из нас водилось предостаточно. Казалось, ее душа целиком поглощена средневзвешенным баллом группы, кривой посещаемости обязательных лекций и бескомпромиссным утверждением женского равноправия в нашем суровом институте.

Катя шагнула к нам, буркнула:

— Здорово, девчата! — И цепко ухватила мою руку.— Лидка, мне нужно поговорить с тобой. Пошли в сквер!

Клава и вторая Галя, беленькая, сочувственно захихикали и убежали. Я поплелась рядом, мысленно суля назойливой Катюше черта. Конечно, она будет долго и нудно отчитывать за пристрастие к танцам, за снисходительность к вниманию ребят, за заботы о внешности. А может быть, снова за Виктора?.. В такое прозрачное утро вовсе не хотелось выслушивать нотации.

Не отпуская мою руку, Катя повела подбородком на ближнюю скамейку, села рядом и расправила на коленях пупырчатую юбку. Лицо у нее было строгое и сосредоточенное.

— Разговор очень серьезный, Удалова!

«У тебя все серьезное,— с досадой подумала я, внутренне съеживаясь.— Если Катя начнет о Викторе, я просто пошлю ее к черту...» Она в упор глянула серыми выпуклыми глазами.

— Понимаешь, Удалова, конечно, ты товарищ неуравновешенный, но все же отличница и член комитета. А дело общее. Поэтому я приняла решение говорить с тобой.

Я с любопытством взглянула на ее длинные ресницы. Кажется, дело было не в нотациях. Катя нахмурилась и сухо продолжала:

— Вчера на Ученый совет вызывали комсоргов. Речь шла об успеваемости комсомольцев и внесоюзной молодежи. Понимаешь, доцент Фастунов сделал анализ и доказывал, что девушки учатся хуже парней. Он считает, что нужно прекратить прием женщин в кораблестроительный, так как это не соответствует специфике института. Понимаешь, это — явное зазнайство! Морская спесь! Дескать, курица не птица!..

Катя искренне возмутилась. Ее овальное лицо пошло пятнами, и все же она была такой хорошенькой, что мне стало смешно. Давнишняя распря среди преподавателей хорошо была известна нам, девчатам. Нас действительно неохотно принимали в «корабелку», и в этом было рациональное зерно. Некоторые девушки учились посредственно, а окончив курс, не работали по специальности. Однако никто из моих подруг не относился к будущей профессии легкомысленно, и в институте это хорошо знали. Ведь мы все любили море и корабли. Почему же ядовитый на слово доцент Фастунов усомнился? А Катя взмахивала кулачком, будто заколачивала гвозди.

— Понимаешь, я выступила, приводила в пример тебя, Тату Щелокову, а он говорит, что это случайность, дескать, стоит получить диплом, каждая из нас будет искать шикарного морского бобра.

— Ну?

— Да что ну? Насчет тебя он сказал: «Всем известно, что Удалову тянет Логинов!..»

Это был хорошо рассчитанный удар. Катя рассказывала какие-то подробности, но я уже плохо ее слушала. Какая несправедливость! Не Виктор тянул меня и помогал быть отличницей, а я тащила Виктора Логинова сквозь дебри математики с упорством буксирного катера. Мы дружили давно, и мне казалось, что я люблю своего лопоухого щеголя Витьку. А на деле он причинял мне бездну мучений. Самовлюбленный, заносчивый, он утверждал, что имеет врожденную склонность к гуманитарным наукам, часто обвинял меня, что именно я затащила его в «корабелку», и питал откровенную ненависть к технике и механизмам. Это отлично знали студенты, но могли не знать преподаватели. Виктор был начитан, умел вовремя вызубрить формулы, бросить нужное слово, но кто мог догадаться, что он питается моими конспектами и списывает решение с такой аккуратностью, которой завидовала даже Томка Ноговицына, наша модница и мастер шпаргалок! Спесь забушевала во мне. Хитренькая Катюша знала, ка́к наступить на больную мозоль. Волнуясь и злясь, я вскочила.

— Это неправда! Я пойду к Фастунову!.. Скажу!..

— Сиди! — Катя потянула меня за подол, заставила сесть. Она была отличным стратегом.— Ну, чего ты расфыркалась? Понимаешь, нужно доказывать делом, а не пылить до небес. У тебя были двойки?

— Никогда! Ты же знаешь. На экзаменах...

— Экзамены — пустое. Там все из кожи лезут. Нужно в обыденщине, в повседневной работе показать класс. И нужно, чтобы была ясна роль твоего Витьки. Развенчать нужно твоего милого. Уж тут ты должна его нокаутировать публично!

— Ты что? В уме? Зачем я буду ссориться с Витькой?

Катя с нескрываемым презрением посмотрела мне в глаза. Губы ее дрогнули.

— Ну, так и знала! Любовные эмоции силь-

Л ДОВЕРИЯ

нее разума! А я считала тебя хорошей комсомолкой, Удалова.

— Вот еще! Чем же я плохая?

— Непринципиальная! Ради ласкового слова пренебрегаешь общим делом. Честь коллектива девушек для тебя ниже поцелуя этого захребетника!..

— Как ты смеешь! Молчи!

— Не буду молчать! — Катя вскочила и выбросила палец, будто хотела проткнуть меня насквозь.— Головокружение от успехов в любви! Думаешь, все такие дуры? Позавчера ты всю ночь писала конспект. А где он? У Витьки? А ты не знаешь, что он был в театре с Маргаритой Коновцевой и Томкой, пока ты не разгибалась над формулами! Приятно проводить время, зная, что на него работают, для Виктора — привычное дело. А ты просто дура. Ломовая лошадь! Битюг! Ты протащишь его через весь курс на собственном загривке, потом выскочишь за него замуж и будешь стирать пеленки. Дипломированная домохозяйка! Мне жаль тебя, Удалова! Он будет наставлять тебе рога, а ты даже не знаешь, что уже сейчас он на каждом перекрестке звонит, что несет двойную нагрузку: учится сам и помогает учиться тебе...

Вероятно, у меня очень исказилось лицо, так как Катя неожиданно переменила тон и обеспокоенно зашептала:

— Ну, Лидуха! Что ты так побелела? Посиди, посиди, успокойся.

Мне не нужны были успокоения. Я впервые услыхала правду, о которой много и часто думала. Катя, конечно, сгустила краски, но я знала, что она никогда не врет. Значит, верно, Виктор обманул меня, уверяя, что позавчера ездил в Комарово, на дачу... А я-то, дурища, сидела ночь над конспектом! И, главное, с кем он проводил время! Я не ревновала. Нет! Мне просто было очень обидно. Но Катя не предполагала, что злополучный конспект еще в моей папке. Без него Витька слеп, как филин. Теперь я знала, что делать.

— Ну, ладно! — спокойно сказала я.— Лекции Фастунова во второй половине дня? Нужно сделать так, чтобы он обязательно вызвал сначала Витьку, потом меня.

Катя озадаченно поскребла висок.

— Н-н-да-м! Это ты уж как-нибудь сама.

— Хорошо! Сама!

Обрывая тяжелый разговор, я быстро пошла из сквера. Катя семенила рядом в своей нелепой, пятнистой, как шкура леопарда, обтягивающей бедра юбчонке.

☆ ☆ ☆

Виктор подбежал сразу, едва я переступила порог аудитории. Высокий, щеголеватый, великолепный в своей клетчатой тенниске, отлично выбритый, загорелый, с вьющимися русыми кудрями над чистым лбом, он был мужественно хорош. В твердых складках сильного рта угадывались воля и гибкий ум. Девчонки завидовали мне. А сейчас я понимала, что внешность обманчива. Впрочем, ум Виктора действительно был чересчур гибок, а вот воля... И все же он нравился мне слишком давно, чтобы не попытаться найти оправдание. «Не хотел меня огорчать, а потом в лапы к Томке попал нечаянно,— думала я, глядя на черты, которые так хорошо знала.— Томка и Марго способны утащить парня хоть в преисподнюю, особенно если этим можно досадить кому-либо из девчат».

Виктор обеими руками схватил мою ладонь, потряс и солнечно заулыбался, показывая превосходно вычищенные зубы.

— Здравствуй, май дир! Какое колоссальное утро! Бесконечно счастлив видеть твои ореховые глазенки, дир фрэнд! — Он умел быть заботливым и тотчас встревоженно добавил: — Почему ты такая скучная? У тебя неприятности? Что с тобой, Лидди?

Лучше бы он не произносил своих англизированных фраз. Я всегда не терпела его «май дир», «дир фрэнд», «Лидди», но он был слишком самоуверен, чтобы обращать внимание на мое недовольство. А тут как на зло издали с торжествующим ехидством поглядывала Томка Ноговицына, наша модница, конструктор небывалых причесок. Взлохмаченная, как поп-расстрига, она уже недели две ходила с этакой взъерошенной копной, которую считала шедевром красоты. Сейчас она перешептывалась с Маргаритой и пренебрежительно надувала фиолетовые губы. Разговор у них шел, конечно, обо мне.

В душе моей прокатилась волна холодного бешенства, но я сдержалась и равнодушно ответила:

— Здравствуй, Виктор Логинов. Ничего. Просто устала.

Мне мучительно хотелось выпалить ему про бессонную ночь над конспектом, про Томку и Марго, про большую трещину, которая начала разрастаться в сердце. Виктор сочувственно вздохнул.

— Да, да, конечно, ты много трудишься, бедняжка! Но ничего, дни стали теплые. Скоро съездим с тобой в Комарово. Моя мутти будет рада тебя видеть...

Это была новая ложь. Его «мутти» не любила меня, считая, что для Виктора я слишком проста. Еще в прошлом году мне передали ее слова: «Знаете, у моего Виктуара самые модные костюмы, удачные галстуки и самая красивая девушка в институте. Только она из какой-то серенькой семьи, простовата...» Сколько я пролила слез тогда, а оказывается, просто была непроходимо глупа! Сейчас удивительное спокойствие помогало держать себя в руках, и я потащила ладонь.

— Пусти-ка, дир фрэнд, у тебя пальцы, как железяки.

Он удивленно поднял брови.

— О-о, какая холодность! Что за муха тебя укусила, Лидди?

— Сильно устала. Скоро лекции. Пусти.

Я отняла руку, а он нагнулся ближе и задышал слабым запахом ментоловых сигарет.

— Лидди, ты принесла конспект по «Теории»?

Я сделала удивленное лицо.

— Нет. А зачем? Я его еще не написала... Он отшатнулся, насупил брови.

— Что? Ты понимаешь, сегодня Фастунов обязательно вызовет...

— Ну и что? — Мне удалось сделать невинную улыбку.— Материал я знаю хорошо. Пусть вызывает.

— Не о тебе речь! — перебил Виктор, злясь и негодуя.— Он вызывал на «ка», а сегодня дойдет до «эл». Твое «у» еще далеко...

Я пожала плечами.

— Ну, при чем здесь алфавит? Кого вздумается, того и вызовет. А ты не подготовился? Ай-яй-яй, у тебя было столько времени! Понимаешь, мне было жутко некогда. Стирала, потом помогала Клаве с расчетом...

— Вот как! — Его голос звучал глухо, неприязненно.— Кажется, Лида, ты не понимаешь, что из-за какой-то Клавы ставишь под удар меня?

Мне удалось сохранить тон простодушной невинности.

— Почему? За два вечера можно выучить эти несколько пустячных уравнений...

— За два, за два! — нетерпеливо перебил он.— Ты забыла, что я ездил на дачу?

Это была последняя капля. Виктор продолжал лгать, и мне вспомнились слова Кати: «Ломовая лошадь! Битюг!» Если секунду назад я колебалась, то сейчас решение укоренилось. Нет, шалишь! Я покажу этому самовлюбленному эгоисту, что дружить с девушкой не значит ездить на ее загривке. Не отвечая, я пошла к своему столу. Виктор озадаченно посмотрел мне вслед и сел за одинокий боковой стол. В группе поняли, что между нами пробежала черная кошка. Всегда мы сидели вместе, а сейчас Виктор торчал один, и на его красивом лице блуждала немножко растерянная сардоническая усмешка. Катя издали кивнула мне головой. Клава удивленно пожала плечами, а Галка зашепталась с Вовкой, что-то горячо доказывая. Штатный шутник Тота Гогишвили собрал складками свой горбатый мясистый нос и прогудел:

— И вот мы расстались, как двое прохожих. Ведь разговор был намеренно строг...

За спиной захихикала Томка. Галя-беленькая прыснула. Ей вечно доставляли удовольствие шуточки Тота.

Доцента Фастунова я встретила на большой перемене в коридоре второго этажа. Маленький, худощавый, с изможденным лицом человека, хронически страдающего желудком, он медленно шествовал по проходу среди почтительно расступающихся студентов. Прижимая к боку папку с блестящими «молниями», он помахивал свободной рукой и щурил острые, птичьи глаза, умеющие замечать и запоминать все на свете. Дотронувшись до его рукава, я пролепетала:

— Михаил Иванович...— и с ужасом ощутила, как решимость меня оставляет. Он удивленно шевельнул серой с проседью бровью.

— Чем могу быть полезен?

— Я хотела попросить...— Замявшись, я не знала, чем обосновать свою просьбу.

— Ну-ну, что вам угодно? Отпустить с моих лекций?

— Нет... Наоборот...— Я окончательно сбилась, уловив на его лице ядовитую усмешку.

— Хм-м... Не спрашивать? Не подготовились?

— Наоборот...— Кажется, я не могла придумать иного слова, но лицо доцента удивленно дрогнуло.

— Спросить? Удивительно! Чем вызвано такое необычное желание? Вам удалось вызубрить материал или вы надеетесь на чудо?

Я начала злиться, и это помогло обрести равновесие духа.

— Нет. Причина совсем другая...— Я помолчала, а Фастунов холодно, с любопытством смотрел на меня. Вероятно, ничем, кроме правды, я не могла объяснить свое необычное

обращение и, зажмурившись, словно прыгая с моста, бухнула: — Видите ли, Михаил Иванович, вы сомневаетесь, что девушка может любить море, корабли, наши корабельные науки. Дело обстоит как раз наоборот...— Ко мне репейником привязалось это глупое «наоборот», и я ожидала, что доцент меня просто-напросто выругает. Но он не ругался и не усмехался. Мне стало не по себе от внимательного взгляда круглых, как у кобчика, пронзительных глаз. Он подумал, пожевал губами и нехотя проворчал:

— Хм-м! Возможно, возможно, но в то, что девушка может любить корабли и море, я, признаться, плохо верю. Берегитесь, Удалова. Сегодня вам будет трудно. Если я в вас ошибся, уходите подобру-поздорову к медикам или филологам. Извините!

Он слабо кивнул угловатой головой и подался к преподавательской комнате бесчувственный, как ходячий обелиск.

В аудиторию я вернулась хмурая и ничего не ответила на вопрошающие взгляды подруг. Катя Перышкина разбежалась было ко мне, но в этот миг стоявшая на часах у двери Галка дискантом пропела:

— Иде-е-е-от!

Девушки и парни шарахнулись к столам, замерли.

Фастунов вошел, сдержанно кивнул, бросил на стол свою сверкающую папку и без предисловий начал:

— Число Фруда меньше единицы. Судно принадлежит к...

— Плавающему типу! — выскочила непоседа Галка-черненькая.

Доцент медленно повернул сухое, неласковое лицо.

— Буду вам весьма признателен, товарищ Руденко, если впредь вы сохраните в секрете могущество ваших догадок.

Не обращая внимания на Галкины пылающие щеки, он побарабанил пальцами по столу, собрался с мыслями и продолжал:

— Итак, судно плавающего типа. Имеем случай тоннельной кормы. Развить конструктивную задачу во всем комплексе нам поможет товарищ Удалова. Она заявила о высокой любви к морю. Ну что же, Удалова. Прошу! — Он описал рукой полукруг и тише добавил: — Знаю, среди ученых были Ковалевская, Склодовская и Кюри. Однако среди корабелов еще не встречались женские имена. У вас богатые возможности, Удалова...

Я вздохнула от возмущения. Уже не хотелось торчать на посмешище у доски. Язвительный доцент обязательно зарежет меня, а потом Витька будет сочувственно вздыхать: «Не повезло, май дир! Не огорчайся! По законам диалектики после двойки обязательно будет пятерка». Ну что за дура, ведь я напросилась сама!.. Проклиная в душе Виктора и Катю, я поплелась к доске. Издали на меня внимательно и дружелюбно смотрели Вова Горохов, девчонки и Тота.

— Держись, Лидушка! — еле слышно шепнула Клава.

А Виктор поглядывал с торжествующим недоумением. Он надеялся, что «закон алфавита» перепрыгнул через него. Его взгляд подстегнул меня. Снова вспомнилась «лошадь!». Нет, возить на себе захребетника я не буду! Я взяла себя в руки и спокойно уставилась в переносицу доцента.

— Я готова, Михаил Иванович.

Суровое лицо Фастунова скрасилось подобием улыбки.

— Так-с! Отлично. Вот данные. Слушайте. Водоизмещение — десять тысяч. Осадка, допустим, шесть с половиной. Режим сложного океанского плавания. Остальное додумайте сами. Корпус, крепления, нагрузки... Да! Груз разобщенный в отсеках, инертный. Все. Работайте!

За спиной учащенно задышали ребята. Это было, как говорят, «автономное плавание», когда студенту предоставлена возможность выложить все, что он знает о конструкции корабля, об условиях работы этой конструкции, или... бесповоротно провалиться.

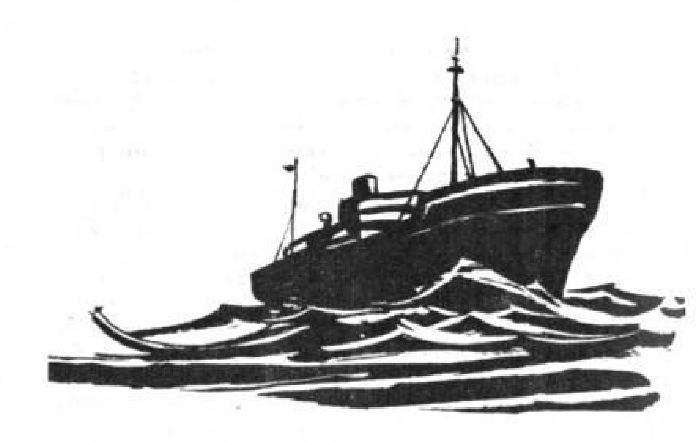
Закончив, доцент хрипло откашлялся, будто его горло подбито мехом, сквозь который с трудом продирается воздух, сел на подоконник и равнодушно уставился в окно.

Негодуя на коварную задачу, я заученно нарисовала схему корабля, план и разрезы, провела волнистую линию «нулевого горизонта» и начала выводить условные обозначения нагрузок, незаметно для себя увлекаясь все больше и больше.

...Море вошло в меня с детства. Почти всю сознательную жизнь я прожила на морском берегу. Задумчивый, угрюмый простор Балтики, его монотонная музыка, ропот валов, снежные полотнища пены, вопли чаек над тусклыми отблесками зыби будили во мне приступы щемящего восторга. От взгляда на море у меня легко и радостно кружится голова. Что говорить, море стало для меня великой реальностью, смыслом жизни. Нет! Права Катя! Нужно драться за утверждение нашего права любить и знать море, корабли!.. Если провалюсь, действительно останется уходить на медицинский... Я ощутила себя в строю, на переднем крае и напряглась изо всех сил, выбрасывая из памяти постороннее.

☆ ☆ ☆

Перед мысленным взором всхолмленное море. В бушующих волнах мокрый корпус большого корабля, который я должна сделать

неуязвимым. На него кидаются зеленоватые валы, бьют яростные заряды ветра. Коварные силы моря стараются разворотить, уничтожить, опрокинуть этот умный корпус, построенный моим воображением. Они нападают в лоб, обрушиваются исподтишка, а мой корабль сопротивляется, словно живое существо, и упрямо ползет вперед, подминая под форштевень клубящуюся пену.

Кажется, я видела его наяву. Вместо волн и ветра мне чудились предельные напрузки со зверски оскаленными, клыкастыми рожами. Они хотели прогрызть, разорвать сталь, залить водой, утопить мой замечательный корабль. У меня возникало к нему чувство, которое иначе не назовешь, как материнским. Я будто родила этот корпус и изо всех сил старалась справиться со злыми силами, дать ему прочность, устойчивость, чтобы он не перевернулся...

«Что оно везет? — с нежностью думала я о своем суденышке.— Какой это «инертный» груз? Почему разобщен переборками трюмов?..» Соображая, выдержит ли страшные удары океанской волны палубный настил, если я подставлю под него бимсы из швеллера, я исписала доску цифрами, формулами, рылась в памяти, подбирая самое надежное, что знала о судовом наборе. Присев на корточки, внизу начертила таблицу и вписала в нее принятые размеры, искоса поглядывая на безразличное лицо доцента.

Откинув прядь, я оглянулась. Томка Ноговицына озабоченно списывала с доски. Она была великим мастером слизывания чужих решений, и уже поэтому я догадалась, что решаю удачно. Затем под взгляд попал Виктор. Он тоже торопливо писал. «Стараешься?! — злорадно подумала я и вспомнила о подвижности груза.— Ага! Вот почему Фастунов подчеркнул: «инертный»... Что говорить: волны, ветер, прочность судовых систем и эта собственная инерция груза — все сопротивлялось моему умению. Охватывало упорство, азарт борьбы. Ведь я дралась не только за судно и прочность переборок. Хотелось, чтобы доцент не упоминал больше о Склодовской с таким ехидством.

«Что же ты везешь? — шепотом спрашивала я у суденышка, прикидывая, выдержат ли переборки при долевой качке.— Что? Кофе в мешках? Ананасы в ящиках? Огурцы и хлеб? Машины? Может быть, людей? Или сандаловое дерево, которого я никогда не видала?.. Ой! А вот здесь может прогнуться и разорвать швы. Врешь! Сейчас приварю косынку жесткости, и ничего ты с нами не сделаешь!..» Последнее относилось к зловредному боковому удару. Напрягаясь, я тряхнула головой. Там от-

крылась какая-то заслонка и выскочило «ку» — коэффициент жесткости, о котором я почти позабыла. Милый, хороший, он точно вписался в формулу, и я перестала бояться прогнувшихся балок.

Размазывая на щеке меловое пятно, улыбнулась нелюдимому доценту.

— Михаил Иванович, посмотрите, пожалуйста. Кажется, все.

Фастунов неторопливо поправил очки на вздернутом носу, придирчиво оглядел доску, хмыкнул и сложился вдвое, разглядывая нижнюю таблицу. Затем выпрямился, снял очки и уставился на меня.

— Ну, знаете, это, как говорится...— Он закашлялся. В горле забулькало, зашипело, а я с изумлением увидела, что глаза без очков у него не злые, а обычные, синие-пресиние. Он неуклюже улыбнулся, вздевая очки, а я с ужасом заметила, что брус кормового набора определенно слабый. Он неминуемо «сдаст» от толчка при швартовке, даже от жесткого удара угонной волной. Колени мои помертвели. Конечно, это всего лишь учебная задача, но я отдала свой корабль на чужой суд больным. Доцент продолжал улыбаться, и я с облегчением подумала: «Не заметил!». А он повысил голос.

— М-да-м! Лихо! Тем не менее, пусть нам скажет, допустим... э-э-э... товарищ Логинов, при каких условиях возможна остаточная деформация детали набора...— Он оглянулся на меня и добавил:— Предположим, кормового бруса?..

Мне мучительно захотелось сесть на пол и зареветь в голос. В аудитории царила напряженная тишина, и молчал Виктор. Я проклинала свою самоуверенность, легкомыслие, с которым обратилась к Фастунову, не проверив все досконально. Сердце втайне ныло, сочувствовало Виктору, застигнутому врасплох. Ведь и ему я не хотела плохого.

Когда молчание стало невыносимым, Виктор неуверенно промямлил:

— Это... М-м-м... Словом, разрушение произойдет тогда, когда нагрузка выше этого самого... Как его?.. Словом, предела упругости...

Фастунов поморщился и хмуро оглянулся на меня.

— А вы как думаете?

Мне было очень совестно за Виктора. Конечно, он не простит, если я окажусь сильнее. Но что же делать? Может быть, так лучше?.. Я пожала плечами и тихо ответила:

— Логинов перепутал. Речь идет не о разрушении, а всего лишь об остаточной деформации...— Тут-то я сообразила, что доцент не случайно задал наводящий вопрос. Секунду подумав, молча шагнула к доске, дорисовала к кормовому брусу косые упоры и закончила:— Здесь, Михаил Иванович, нагрузка могла превысить предел текучести. Сейчас все в порядке...

— Вижу!— откликнулся доцент и протянул руку.— Матрикул!

Он размашисто вписал в зачетную книжку «пять» и вздохнул.

— Да! Вы внушили мне уважение, Удалова. Это не просто знание предмета. Это любовь к нашему делу! Каюсь, был не прав. Считайте, что предел доверия восстановлен. Спасибо!

Я огорошенно молчала. Фастунов взглянул на Виктора и покачал головой.

— Знаете, Логинов, мужское самомнение должно опираться не только на спесь и гордыню. Идите к доске!

Виктор побледнел, вскочил, но, на его счастье, грянул звонок. Фастунов поднял папку и вышел, ни на кого не глядя. Сейчас этот нескладный, угловатый человек казался мне красавцем.

Едва за доцентом захлопнулась дверь, с криками и хохотом налетели девчонки и ребята. Катя размахивала руками и орала:

— Ты настоящий молодец, Удалова! Вполне надежный товарищ!

Клава обслюнявила мои щеки, обе Галинки приплясывали и победоносно кричали: «Ага! Ага!». Вова молча стиснул руку, а Тота Гогишвили ткнул в бок жестким, как булыжник, кулаком и показал сине-белыми глазами на поникшего Виктора:

— Ни сна, ни отдыха измученной душе... Лидка! Генацвале! Не обижайся, твой Витька — настоящий ишак!

Шумной гурьбой мы выплеснулись из подъезда. Солнце опускалось за крыши. В зеленом пуху юного сквера звенели голоса детишек, и монументальные няни сидели там, где Катя отчитывала меня утром. Девчата возбужденно стрекотали, не слушая друг друга. С уст на уста перелетали слова доцента: «Предел доверия!». А мне было грустно. Многое я узнала за этот коротенький день, за крошечную частицу огромной жизни. Виктор подошел ко мне сконфуженный, непривычно растрепанный.

— Лидочка, ты не сердишься? Прости. Понимаешь, я не хотел с ними, но ты же знаешь Томку... Она как привяжется...

— А мне все равно,— спокойно откликнулась я, с недоумением ощущая, что неожиданно сказала правду.

Виктор облегченно вздохнул и перешел на шепот.

— Вот и хорошо, бэби. Послушай, ты дай мне конспекты сегодня. Ладно? А то Фастунов меня в землю вгонит...

Я внимательно взглянула в его лицо. Загорелое, красивое, оно не таило ничего, кроме беспечной улыбки и хорошо спрятанного снисходительного пренебрежения. Он ничего не понимал и был уверен, что сейчас я открою папку. А я не могла этого сделать. Не потому, что не любила его. Я хотела любить и хотела быть любимой. Он открылся мне сегодня с незнакомой стороны. Любовь еще жила, но натянулось до предела и больно надорвалось главное — вера в человека. Виктор не замечал ничего и безмятежно улыбался, уверенный в своей силе и власти. Я отрицательно качнула головой.

— Не хочу оказать медвежью услугу. Попытайся сам. Это же очень интересно — все узнать самому. И вовсе не трудно. А, Витя? Поверь мне, пожалуйста!.. Очень тебя прошу! Ведь я...— чуть не сказала «люблю», но язык не повернулся.

С его лица медленно сползала улыбка, словно ее стирали полотенцем, и это было страшно. Виктор помолчал, потом искривил губы.

— Так, так! Удар в солнечное сплетение? Дай конспект!

— Не дам! Поверь, ради тебя, Витя. Ради нашей дружбы...

Он брезгливо отмахнулся.

— Брось агитировать! Все ясно! Ты делаешь успехи, бэби! Что это? Ревность? Разлюбила? Давно ли? Почему?

Мне удалось ответить почти равнодушно, хотя очень хотелось плакать:

— Мне осточертело быть битюгом... Вот и все. Будь здоров, Виктор!

Я со всех ног кинулась догонять девчат, а он долго смотрел мне вслед, вероятно, так и не понимая, что случилось. А я не могла быть с ним. Мы говорили на разных языках, и не было сил продолжать бесплодный разговор. Может быть, потом я буду плакать, грызть в отчаянии пальцы, но сейчас этот жестокий урок был нужен ему и мне.

Девушки и ребята ожидали меня за углом, и губастое лицо Вовы разошлось в улыбке.

— Что, Лидушка? Шторм?

— Ураган!— откликнулась я, ощущая, как отяжелело и опустилось сердце.— Впрочем, отстань, Вовка! Мне и так тошно...

Девушки притихли, поглядывая на меня с сочувственными улыбками.

— Что делать, девочки? Кажется, нагрузка оказалась выше предела доверия и получилась остаточная деформация...— Смеясь, я через силу повторила:— Остаточная деформация сердца! Как вам это нравится? А? Чем ее исправить?

Все молчали, а Вова насупился и протяжно вздохнул. Клава порывисто прижалась ко мне, потерлась о щеку холодным, твердым носом и проворчала:

— Ты определенно взрослеешь, Лидка.

Тота Гогишвили выбросил вверх сжатый коричневый кулак, разрубил воздух и гортанно воскликнул:

— Жизнь — сложная и полосатая штука! Тяжелый случай, генацвале. Однако, Лида, не лей свои слезы напрасно. Понимаешь, к человеческому сердцу никаким способом не приделаешь косынки жесткости. Остается отбросить лишнюю нагрузку. Совсем отбросить, к чертовой бабушке!

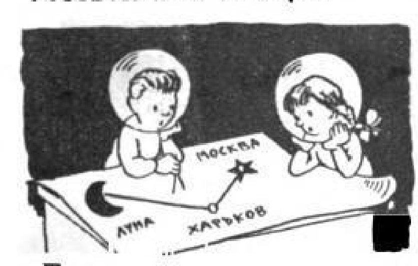
Кажется, он был прав, шутник и балагур Тота. А мне, несмотря ни на что, хотелось расплакаться. Я стыдилась ребят, ощущала неловкость перед девушками, все еще переживавшими победу над недоверием доцента, и с огромным усилием проглотила слезы. Конечно, это не была «косынка жесткости», но, может быть, в этот суматошный день я стала чуточку опытнее и крепче. Не зря же Клава сказала: «Взрослеешь!»

Несомненно, в этом заключалось зерно истины. Виктор дождался меня на остановке, где мы встречались всегда. Я взглянула в его виноватое лицо, и желание задрать нос исчезло. Возникло странное сомнение: «А что, если он тоже поумнел сегодня?..»

Мне уже больше не хотелось плакать. Ведь предел человеческого доверия нужно испытывать самыми высокими нагрузками.

Бортовой журнал одной необычной экспедиции, совершенной специальными корреспондентами «Огонька» В. МОРОЗОВОЙ и М. УШАЦЕМ.

Задание редакции — отправиться в путешествие на Луну — нисколько нас не удивило. Конечно, другие, может быть, стали бы спорить и проситься на Марс или Венеру, но мы согласились сразу: на Луну так на Луну!

Но откуда лучше начать полет? Ни один из справочников Аэрофлота не давал ответа. Попробовали расспросить знакомых, но они лишь недоуменно пожимали плечами.

Вдруг нас озарила мысль: Харьков! Ну, конечно, Харьков. Как же мы могли забыть о таком знатоке Луны, как директор обсерватории Харьковского университета Николай Павлович Барабашов! Уж с ним-то мы не пропадем. Итак, маршрут выработан.

— Отдельный номер на каждого?! — удивленно спросил дежурный администратор харьковской гостиницы.— Вы что, с Луны свалились?

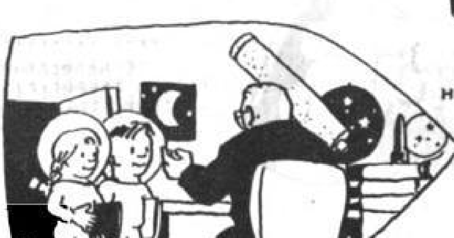
Очевидно, здесь уже знали о нашем путешествии.

Но вот мы в кабинете действительного члена Украинской академии наук Н. П. Барабашова.

— Что ж, молодые люди, хотите на Луну? — лукаво улыбаясь, говорит Николай Павлович.— Пожалуйста, это можно устроить. Я сейчас вернусь, а вы пока ознакомьтесь с лунным атласом...

Можно и осмотреться. Телескоп, глобусы, карты, какие-то трубы... И вот обыкновенная прозаическая кнопка. Что будет, если ее нажать?

Раздается оглушительный треск. Пол под нами дрожит. И мы взлетели прямо в небо.

Летим. Настроение приподнятое...

НОВЫЕ ГОРИЗОН

Стефан ГЕЙМ

Человек сидит у стола и пишет...

Привычное, повседневное явление. Из мозга текут сигналы, передаются по проводам нервов к пальцам, которые держат перо. Повинуясь этим командам, перо скользит по бумаге, запечатлевая мысль, суждение, образ, мечту.

Это повторяется миллионы раз. Ежедневно и ежеминутно. Но как это чудесно! Какие сложные химические, электрические процессы потребовались для того, чтобы наполнить запоминающие клетки коры мозга человека тем драгоценным запасом, из которого образуются мысли пишущего! Какие фантастически быстрые комбинации должны совершаться там, на ничтожно малом пространстве, чтобы были отобраны нужные факты и представления из миллионов других! Какую гигантскую работу приходится выполнять этому изумительному, тончайшему механизму, который, непрерывно сам себя корректируя, через перо и бумагу, через глаз читателя передает последнему живую человеческую мысль!..

Мы вступили в седьмое десятилетие двадцатого века... Мощная «кибернетическая установка», расположенная в черепе человека, начинает как бы перерастать свои собственные пределы. Человек, формировавшийся на протяжении миллионов лет,— единственное живое существо, способное сознательно изменять природу, создавшую его. При этом он переделывает и себя самого — физически, духовно, социально.

Свободный Человек пытливо вглядывается в обратную сторону Луны, посылает космический корабль с пилотом на борту путешествовать вокруг Земли. Он создает счетные и управляющие машины. И он заменяет старый, отживший порядок на своей планете новым, лучшим порядком.

Но и это не все. Наступившее новое десятилетие и те десятилетия, которые за ним последуют, раскроют перед человеком, овладевающим силами природы и силами истории, еще более потрясающие горизонты.

* * *

Человек пишет...

Но пишет он не рукой, дарованной ему природой. Этой руки его лишила на войне фашистская граната. Рука, которая водит пером сейчас,— искусственная. Это целая система тончайших электронных приборов, которые управляются не только по законам механики, а и с помощью сигналов, бегущих из мозга через нервы в сохранившийся обрубок руки. Искусственный орган человеческого тела — и все-таки орган!

Что ж, очень хорошо! Всякий гуманно мыслящий человек будет радоваться тому, что коллектив советских математиков, физиологов, специалистов по точной механике и электронной технике создал новый вид протеза.

Ну, а если попытаться заглянуть дальше?

Ведь электронную руку не обязательно подключать только к **обрубку** руки. Биотоки можно снять и с кожи здоровой, неповрежденной руки, скажем, так, как мы снимаем электрические токи сердечной мышцы, чтобы зафиксировать их на электрокардиограмме. Иначе говоря, человеку может быть дана третья рука, и она будет ему служить так же, как обычные две!

Вы спросите: а к чему это? Для забавы? Или для того, чтобы удобнее было почесывать спину? Стоит ли игра свеч?

Но ведь новая, третья рука вовсе не обязательно должна иметь пропорции обычной руки. Разве она не может быть намного больше? Разве с помощью подключенной дополнительной энергии она не может достигнуть силы, скажем, самого мощного крана или экскаватора, сдвигающего холмы и скалы, складывающего дома, заводы?.. Или, наоборот, быть неимоверно крохотной, микрорукой, умеющей собирать тончайшие приборы из мельчайших частиц, которые срываются с пинцета даже самого умелого сборщика часового механизма?.. А почему бы этой третьей руке, вернее, уже машине, построенной по такому же принципу, не быть неуязвимой против жара, холода, против вредных радиоактивных излучений, против сверхдавлений — иными словами, почему ей не работать свободно там, куда не посмеет протянуться естественная рука?..

Проступают контуры чего-то нового. Некоего скрещивания, некоего гибрида рабочего инструмента и органа человеческого тела. Какой это будет скачок вперед на долгом пути от первобытного человека, некогда взявшего камень и превратившего его в орудие! Какая сила диалектического развития! И какое будущее!

* * *

Человек говорит...

Но позвольте: к гортани этого человека что-то присоединено.

Что это? Микрофон, воспринимающий колебания от возникающих в гортани звуков? Нет. Этот прибор забирает у гортани нечто другое: сигналы, исходящие от коры головного мозга, которые побудили гортань звучать. И вот они текут дальше, в соседнюю комнату, попадают в электронное устройство, снабженное целым гнездом акустических приборов. Сигналы человеческого мозга переносятся на искусственную гортань, говорящую искусственным голосом.

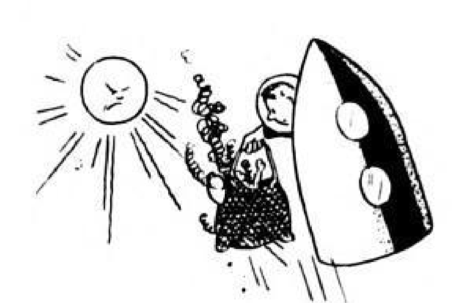
Опять забава? Ведь обыкновенная отводная телефонная трубка делает то же самое, и звук получается отчетливее! К чему вся эта сложнейшая аппаратура?

Не спешите. Вот говорящий человек умолкает. Рот его закрыт, губы больше не двигаются. Но искусственный голос в соседней комнате — электронный голос — продолжает говорить, произнося слова и высказывая мысли человека, который замолчал. Сигналы мозга по-прежнему текут в нервную ткань гортани и переносятся на искусственный голос, хотя естественный голос выключен!

Это больше чем электронная игра. Больше чем, скажем, вспомогательный аппарат для немых. Слова, произносимые искусственным голосом,— часто стенографически отрывочные, лозунгообразные, напоминающие стаккато в музыке,— подтверждают ту истину, что человек мыслит словами, а не только образами, как думали некоторые. Слова искусственного голоса — хриплые, нечеловеческие, призрачные — это след, по которому мы можем идти по увлекательной дороге научного раскрытия процесса человеческого мышления. Что разыгрывается в нашем мозгу? Как он действует? По каким законам протекает эта работа? Какие электрические, химические, биофизические процессы ведут к тому или иному решению, которое принимает человек, сознательному или инстинктивному? Что должно там произойти, чтобы биение сердца участилось хотя бы на один добавочный удар в минуту?

Большие группы ученых, специалистов почти всех отраслей современного естествознания, физиков-кибернетиков, химиков, математиков, врачей, инженеров ищут ответ на эти вопросы, затрагивающие самые глубины человеческой жизни. Такое сотрудничество ученых разных специальностей — дело не новое. Но чтобы идти шаг за шагом по обнаруженному следу, чтобы до конца научно раскрыть деятельность столь сложной самоорганизующейся и самоконтролируемой

Рассчитывая на космический холод, вывесили наружу авоську с продуктами. Но ракета повернулась к Солнцу. Горят наши бутерброды!

С невесомостью не так-то легко свыкнуться. На обед удалось поймать лишь пару рыбешек.

За столом сидели кому как нравится.

— Нельзя ли без эмоций?

ТЫ ВЕКА

системы, как человеческий мозг, нужны не только крупные и многообразные по составу научные коллективы. Здесь нужны коллективы особого рода: самоотверженно и самозабвенно преданные науке. Нужны ученые, несущие ответственность не перед частным капиталом, а перед народом, который поручил им решение этой грандиозной научной проблемы. **Короче говоря, нужны такие коллективы ученых, которые могут существовать только при социализме и, в свою очередь, содействовать своим трудом дальнейшему расцвету социализма.**

* * *

Можно ли рассматривать человеческий организм с его нервной системой, мышцами, кровеносными сосудами, почками, печенью и его центральной станцией в мозгу как самую совершенную кибернетическую систему? Способны ли мы с нашими электронными машинами создавать системы, пусть пока неуклюжие и примитивные, которые имели бы в себе что-то человеческое? И можем ли мы с помощью этих машин разгадать загадку органической жизни?

Ребенок, прикоснувшийся к горячей сковородке, получает от нервных окончаний в кончиках пальцев предупреждение в виде боли. В какой-то из миллионов клеток его мозга откладывается этот болезненный опыт. И когда возникает снова понятие или вещь, именуемая «сковородкой», из тысяч накопленных в памяти ощущений немедленно выделяется одно: «горячо!». Центральный регулятор запрещает прикасаться к горячей сковородке.

Попить бы чайку с дороги. Ведь даже в лунную жару (двести градусов!) не сразу откажешься от московских привычек. Но пока мы безуспешно пытались разжечь костер, вся вода испарилась.

Примерно так же действует электронная машина, способная накапливать и хранить опыт и в определенный момент пускать его в ход, если это предписано ее программой. В такой «машине», как человек, речь идет также о совершенно регулярных действиях и явлениях, обусловленных определенными закономерностями. Но каждую закономерность можно выразить либо математически, либо в форме какой-либо схемы или модели, например, некоего электронного устройства. Значит, если приложить необходимые усилия, мы сумеем строить аппараты, которые будут регулировать определенные функции человеческого организма!

Вот что пишут профессор В. Парин, действительный член Академии медицинских наук СССР, и Д. Меницкий, руководитель лаборатории радиоэлектроники и кибернетики Института экспериментальной медицины:

«Появляется возможность полной автоматизации управления системой искусственного дыхания и кровообращения на основе анализа состава крови».

Парин и Меницкий сообщают далее, что маленький электронный аппарат, вмонтированный в бедренную артерию собаки, вызывал путем передачи определенных электрических импульсов на депрессорный нерв животного расширение сосудов и тем понижал давление крови.

А тут еще начался дождь. Метеориты так и шлепались вокруг нас.

И мы спрашиваем себя: так ли уж далек тот день, когда человек, страдающий гипертонией, будет просто носить на себе маленький электронный регулятор, который автоматически будет поддерживать на нормальном уровне его кровяное давление? Фантазия?

Мы стоим лишь в начале шестидесятых годов века. Мы делаем лишь первые, нащупывающие шаги по пути к таким научным свершениям, которые по сегодняшним нашим понятиям кажутся непостижимыми. Но ведь столь же непостижимыми казались когда-то телефон и самолет, телевизор и спутники, энергия атомного ядра и электронные счетные машины. **Столь же невероятными представлялись кое-кому власть пролетариата и социализм!**

* * *

Исследования в области биофизики проводятся и некоторыми американскими учеными. К ним принадлежит кибернетик Норберт Винер.

Группа Винера ставит перед собой, в частности, такую проблему: нельзя ли сделать так, чтобы один человеческий орган чувств мог заменяться другим? Представим себе нечто вроде перчатки. В действительности это — сложное электронное устройство, воспринимающее и разлагающее звуковые волны, а затем превращающее их в электрические импульсы, которые воздействуют на определенные осязательные нервы руки. Вот я надеваю на руку эту перчатку — и я могу слышать рукой, хотя процесс здесь иной, чем тот, который протекает в моем ухе. Моему мозгу остается только научиться правильно интерпретировать слуховые возбуждения, посылаемые моей рукой.

Такая перчатка существует. И уже есть намерение по этому же принципу создать прибор, координирующий пространственно-зрительные впечатления и затем в форме электрических импульсов распределяющий их по поверхности кожи человеческого тела.

Это значит, что слепые смогут видеть, глухие — слышать, немые — говорить!

Но предел ли это? А может быть, мы дойдем до того, что не только сумеем включать один орган чувств вместо другого, но и станем создавать совершенно **новые** органы чувств наподобие электронной руки и прямо подключать их к мозгу? И не будет ли это означать, что невидимое станет для нас видимым, неслышимое — слышным, неощутимое — ощутимым?

Зато назавтра выдался чудесный звездный денек.

Человек нашего времени сам расширяет границы своего мозга. Он расширил их уже лет пятнадцать назад, создав электронные счетные машины, которые благодаря невероятной быстроте своих операций позволяют ему решать неразрешимые до того времени задачи. Теперь человек приближается к тому, чтобы еще раз — и в более глубоком смысле — преодолеть эти границы. Ибо мы стоим на пороге эпохи, которая обещает нам не только все более совершенные, быстродействующие, компактные виды искусственного мозга, избавляющего наше мышление от механической работы. Нет, эта эпоха принесет и нечто более важное: работа над созданием искусственного мозга будет все больше оплодотворять и сам мозг человека, совершенствовать его.

Да, изменяя окружающий мир, человек изменяет себя! Он становится хозяином своего времени, своей планеты, своей собственной природы.

* * *

Все это, разумеется, не означает, что уже на следующем перекрестке нашего пути нас ожидает некий ангел-привратник, который распахнет перед нами дверь прямо в рай. Не создадут новой страны Утопии даже самые одаренные ученые. Кто хоть раз видел скупую горсть пшеницы или риса, все еще составляющую дневное пропитание миллионов людей, кто хоть раз мысленно заглянул в военные арсеналы, где гнездится смерть для доброй половины человечества, тот должен знать, что путь будет долгим, пока осуществятся эти мечты и дерзания ученых.

И путь этот будет нелегким. Даже в его конце еще не будет конца всем сложностям человеческой истории. Мы, разумеется, не знаем, какие именно вопросы, какие противоречия будут волновать человека будущего даже в те времена, когда слова «бомба» и «война» навсегда перекочуют в учебник истории, когда повсеместно на земле восторжествует коммунизм, когда кибернетические машины снимут с плеч человечества бóльшую часть механической работы. Мы знаем только, что законы диалектики будут действовать и тогда, в век космоса, и что новое будет все так же рождаться в трудах и заботах. И, видно, никогда не будет существовать машины, пусть даже самой остроумной, которая могла бы навсегда разрешить противоречия вечно бегущей вперед жизни.

Кричать на Луне — напрасное занятие: нет атмосферы — нет звуков. Помогла смекалка.

Но мы знаем также — и к этой мысли мы возвращаемся сегодня, в канун международного праздника солидарности всех трудящихся,— что в борьбе противоречивых сил развития в конце концов побеждает и победит исторически более высокое, более разумное, более справедливое и больше обещающее для счастья человека.

Надо только, чтобы каждый из нас внес свой вклад в эту грядущую победу.

Перевел с немецкого
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Борис ЛАСКИН

Рисунок Ю. Федорова.

Моя фамилия

Вот я вам сейчас расскажу, как это все было.

Сижу я дома и делаю уроки. Я учусь во вторую смену и уроки всегда делаю утром. Сижу я и решаю задачу.

Задача не очень трудная, но и не очень легкая. Ящик с яблоками весит 24 кило, а пустой ящик весит 3 кило. Сколько весят яблоки?.. Это задача на вычитание: из 24 кило надо вычесть 3 кило, и получится...

Только я начал писать, сколько получится, вдруг звонок. А, кроме меня, в квартире никого нет. Я подхожу к дверям и спрашиваю: «Кто там?..» И вдруг слышу голос:

— Это я, Витя, открой!..

Ну, думаю, теперь все, пропал я. Это Петр Орестович пришел, наш управдом. Кто-то ему, наверно, про вчерашний случай рассказал! Как мы стекло в котельной мячом разбили... Вообще это не мы разбили, это я разбил, но я говорю «мы», потому что папа всегда говорит: «Витя, только от тебя и слышишь — «я», «я», «я», а кроме «я», есть еще и «мы».

Вот я стою у двери и не знаю, открыть или нет? А Петр Орестович говорит:

— Открывай, Витя!

«Ну,— думаю,— ладно, будь что будет!»

Открываю я дверь. Входит Петр Орестович. Вид у него такой взволнованный...

— Папа дома?

Я говорю:

— Нет. Папа на работе.

— А мама?

— А мама в «Детский мир» уехала.

— Так... Значит, придется мне тебя поздравлять...

Тогда я так иронически улыбаюсь и говорю:

— Вам уже все известно? Да?

А Петр Орестович говорит:

— Это уже всем известно!.. Можно сказать, весь мир в курсе дела... Ведь это надо же! А?

Я говорю:

— И папа уже знает?..

— Ого! И папа, и мама, и даже президент Кеннеди знает!..

Тут я, конечно, очень удивился и подумал: «Ну, теперь все!»

— Петр Орестович,— говорю,— это вышло совершенно случайно.

— Нет, Витенька, нет!.. Это надо было ожидать со дня на день. И вот свершилось!..

Ну, тут я стою, молчу, думаю, что он еще скажет.

А он меня вдруг гладит по голове, смотрит на меня так внимательно, внимательно и говорит:

— Значит, Гагарин-то родственник твой?

— Какой?

— Летчик Гагарин. Он самый...

— А-а... Есть такой. Это папин брат двоюродный.

— Это ты серьезно? — говорит Петр Орестович.— Ну, поздравляю, Витюня!..

Я говорю «спасибо», а сам ну ни-че-го не понимаю. Ведь я же еще ничего не знал! Я дома сидел, радио было выключено, я учил арифметику, а в это время все как раз по радио-то и передали.

Петр Орестович спрашивает:

— Когда двоюродный дядя в Москву прилетит, он, надо думать, и к вам пожалует... А?

— Это уж обязательно,— отвечаю.— Он, когда в Москву приезжает, всегда у нас гостит.

— Ого-ого! Прекрасно! Приедет — встретим!.. Двор покажем, красный уголок, домовую прачечную... Одним словом, все, чем богаты. А сейчас, давай-ка пройдем на кухню, поглядим, может, спроворим косметический ремонт...

— Пожалуйста.

Приходим мы на кухню. Петр Орестович говорит:

— Нет. Здесь все в порядке. Полный блеск... Вот что... Я вам сейчас маляра пришлю на балкон. Пусть решетку покрасит.

— Большое спасибо, Петр Орестович,— говорю я, а сам думаю: «Про стекло — ничего. Наверно, еще не знает. И потом, почему это он вдруг про дядю Мишу спросил — приедет он или не приедет?.. И зачем дяде Мише надо прачечную показывать? Дяде Мише это совершенно неинтересно. Он летчик сельскохозяйственной авиации. Он летает над полями, вредителей травит, разные растворы ядовитые разбрызгивает со своего самолета... Совершенно ему неинтересно прачечную смотреть!»

Петр Орестович ушел, а я все думаю, думаю...

Вдруг опять звонок. Опять Петр Орестович пришел, привел маляра и мне мороженое принес — крем-брюле.

— Ешь,— говорит,— Витя. Поправляйся, закаляйся, как сталь. Может, и тебе в свое время туда слетать придется...

Я говорю «спасибо» и ем мороженое. А чего? Раз меня угощают, я ем. Правда, я не понимаю, куда мне слетать придется, но все равно мороженое я доедаю.

Потом я на балкон выхожу, а там Петр Орестович стоит и маляр работает, красит... Я говорю:

— Петр Орестович, большое спасибо вам.

А он:

— На здоровье, Витюня, на здоровье!..

Ну, думаю, скажу ему про стекло, раз он такой сейчас добрый и веселый...

— Петр Орестович, я вчера случайно в котельной стекло разбил. Вы меня простите...

Петр Орестович как будто даже обрадовался:

— Подумаешь, беда! Кто из нас, Витюня, в детстве стекол не бил! Я думаю, и дядя твой в этом деле не раз отличался.

Я смотрю на Петра Орестовича и ничего не понимаю. А он маляру говорит:

— Кончишь балкон, возьми лист фанеры и напиши суриком, поярче: Гагарину ура!.. Только художественно напиши, а не как студенты — наскоро. Ясно?..

Маляр говорит:

— Ясно.

Петр Орестович смотрит на меня и улыбается:

— Что? Растерялся? Мы, голубчик, все растерялись. Еще желаешь мороженого?

— Нет, большое спасибо. А почему вы все растерялись? И почему вы хотите на фанере суриком писать?

Петр Орестович меня по голове погладил:

— Витюня, весь мир потрясен! Советский человек — покоритель космоса! Юрий Гагарин...

Я спрашиваю:

— Какой Юрий Гагарин?

Петр Орестович смотрит на меня и маляра за плечо берет:

— Пахомов, минуточку... Как, Витя, твоего дядю зовут?

— Дядя Миша. Михаил Владимирович.

— Да? Ага. Ну, ладно... Пахомов, быстренько докрашивай и давай беги делай, чего я велел. Значит, дядю Мишей звать?

— Да.

— Летчик?

— Ага. Вредителей полей уничтожает. С воздуха.

— Ясно. Кто вредителей полей уничтожает, а кто стекла в котельной. Кто что...

— Петр Орестович...

— Ладно. Все забыто. Такой день! Почему у тебя радио молчит?

И тут я включаю радио и слышу голос:

«Летчик-космонавт майор Гагарин сообщил: «Прошу доложить партии и правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло нормально...»

И вот только тут я узнал, что случилось в это утро.

Петр Орестович говорит:

— Понял, какая фамилия у тебя знаменитая, а?

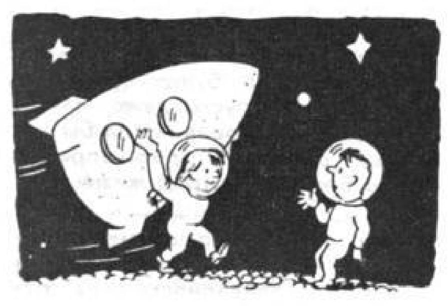
А я слушаю радио: музыка играет. И тут мама прибегает:

— Витенька, товарищи, вы слышали?!

Петр Орестович говорит:

— Елена Андреевна, поздравляю с однофамильцем. Ура Гагарину!..

Солнце скрылось. Повеяло холодом. Перед обратной дорогой не вредно соснуть часиков триста.

— Вот так слабый пол!

Волнующие минуты прощания над Морем Спокойствия.

— До свидания, гордый советский вымпел! До новых встреч!

До свидания и ты, Море Смита, и ты, кратер Циолковский, и ты, Море Гумбольта, и ты, кратер Жюль Верн. Скоро, очень скоро здесь раскинутся ракетодромы — пересадочные станции для полетов к далеким планетам.

— Внимание, внимание! — говорит кто-то торжественно.— В Советском Союзе запущен корабль-спутник с человеком на борту!

Обыкновенный земной репродуктор пробудил нас от грез.

— Ничего,— сказал Николай Павлович Барабашов.— Вскоре можно будет написать репортаж о полете на Луну не в шутку, а всерьез. Не напрасно говорят: ничто не вечно под Луною...

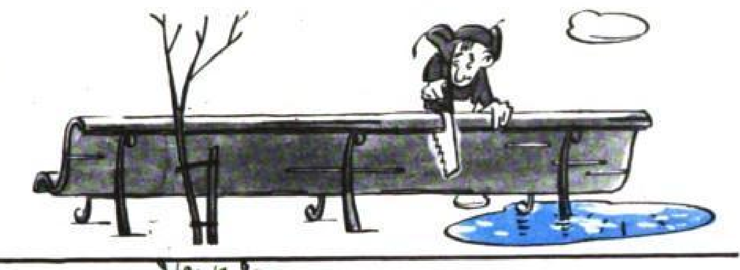

Без слов.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Где же здесь метро?
Рисунок М. Ушаца.

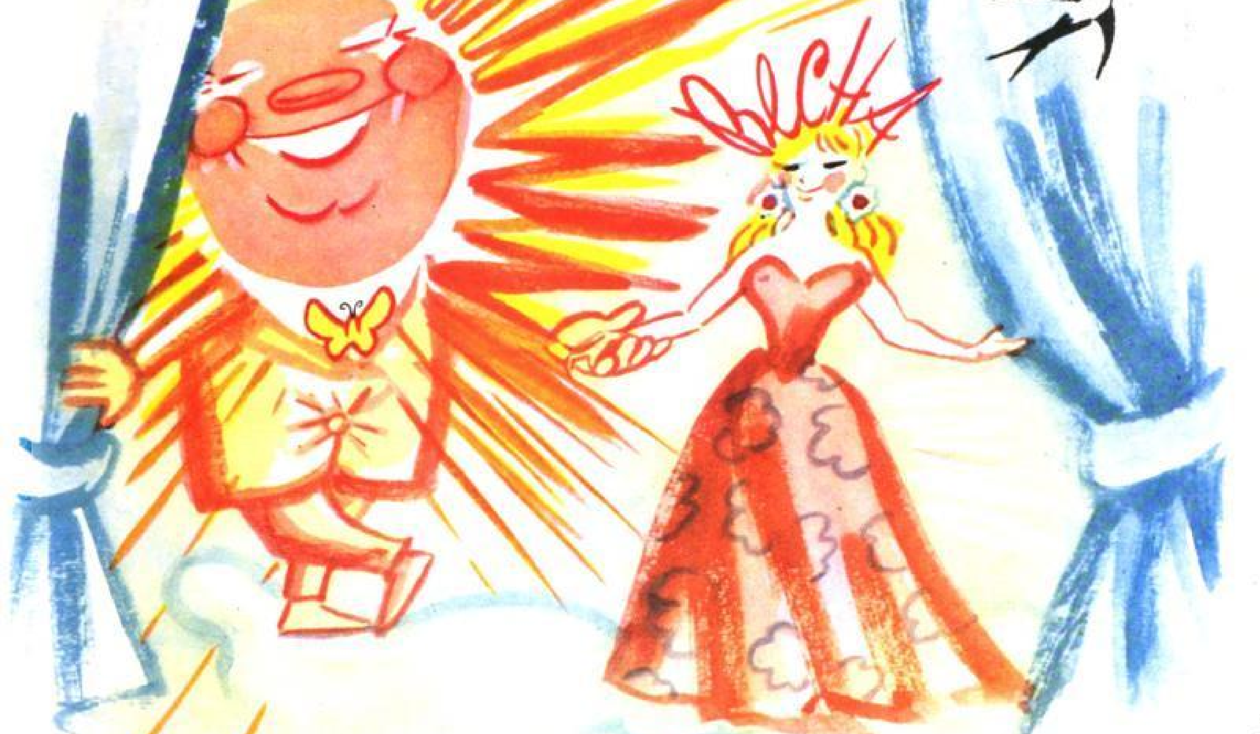

←
Подготовка к весне.
Рисунок В. Арсентьева.

→
Предпраздничная репетиция.
— Должен же он в конце концов пообедать!
Рисунок И. Массины.

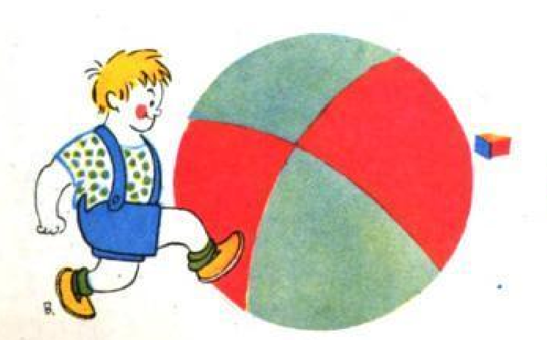

— Вашу ручку!
Рисунок М. Вайсборда.

←
Рисунок Вл. Гальбы.

Солнце: — ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬ: ВПЕРВЫЕ В ЭТОМ СЕЗОНЕ

Острый момент у ворот.
Рисунок М. Вайсборда.

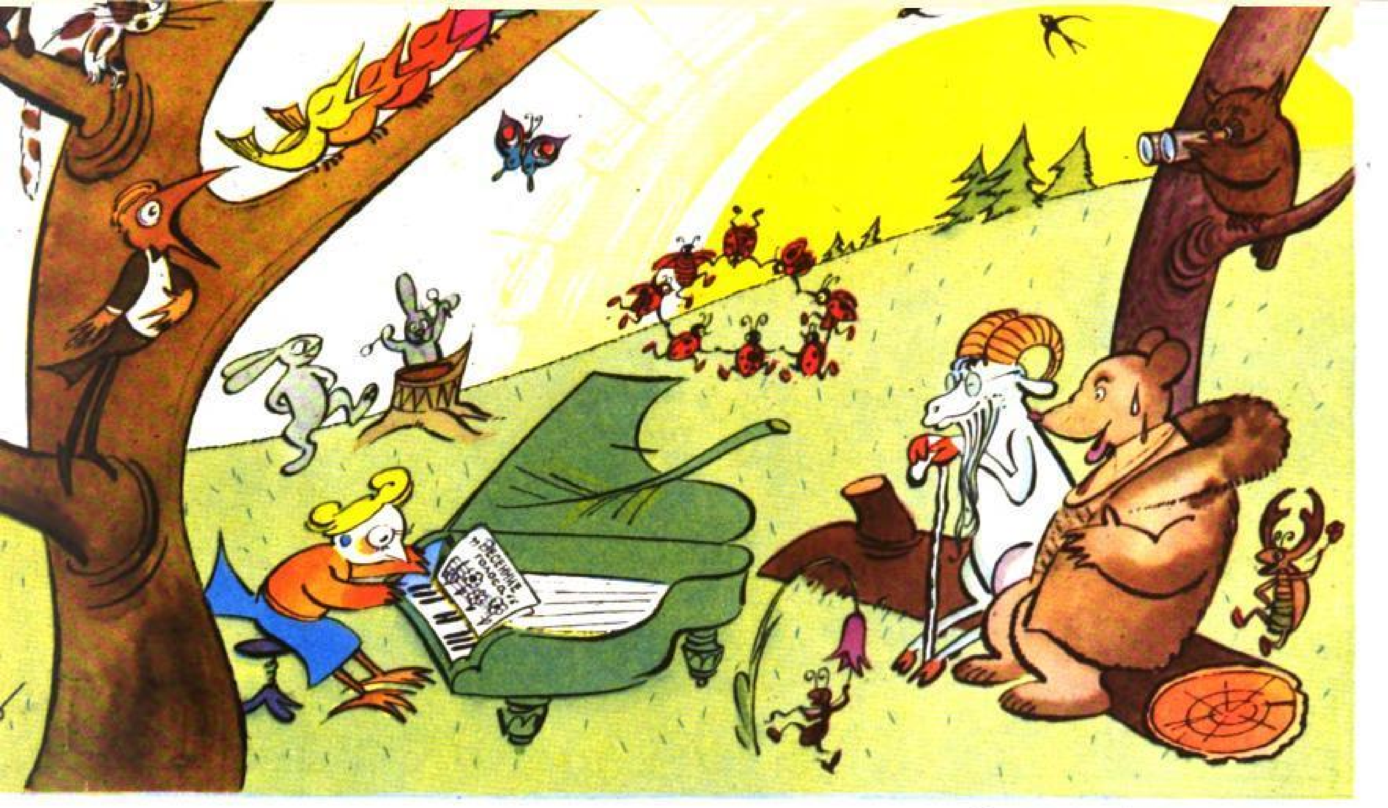

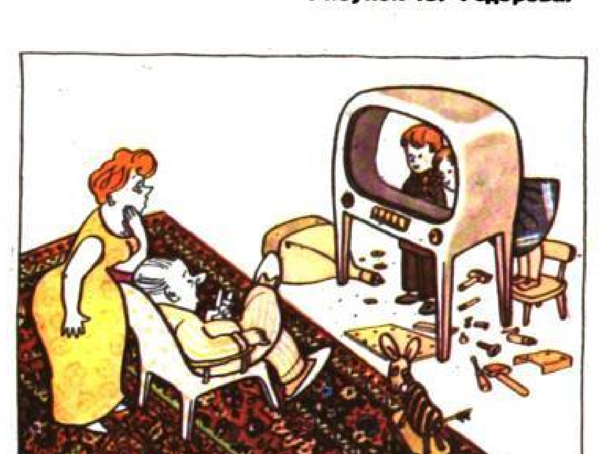
— Перестаньте долбить! Есть электрический звонок!
Рисунок Е. Горохова.

Идет весенний концерт.
Рисунок Ю. Федорова.

— Меняю шубу медвежью на нейлоновую.
Рисунок Е. Горохова.

— С днем рождения, папочка!
Рисунок В. Соловьева.

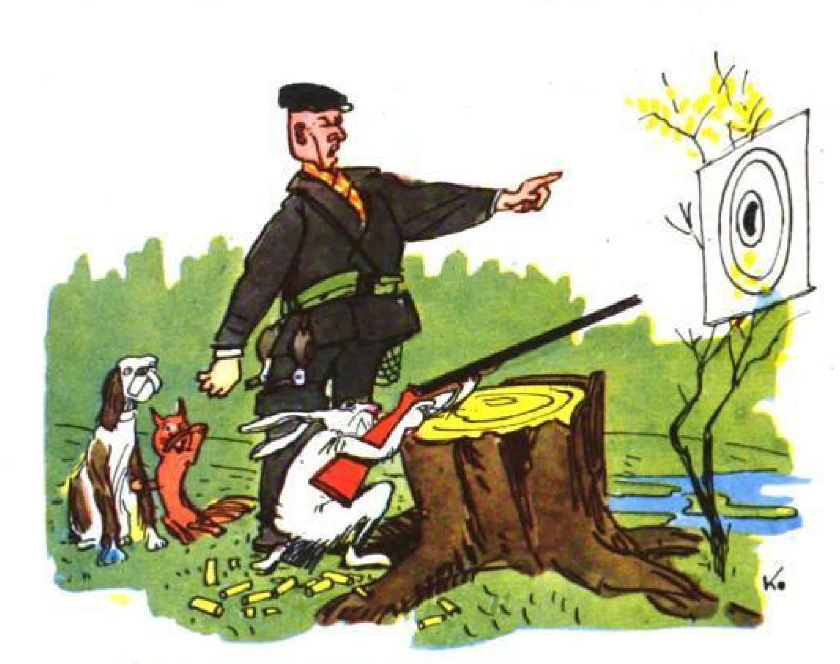
Внимательность.
Рисунок Р. Овивяна.

Чудеса цирка.
Рисунок Ю. Черепанова.

Рисунок Ю. Федорова.

Дрессировщик на охоте.

Увлекся...
Рисунок А. Каневского.

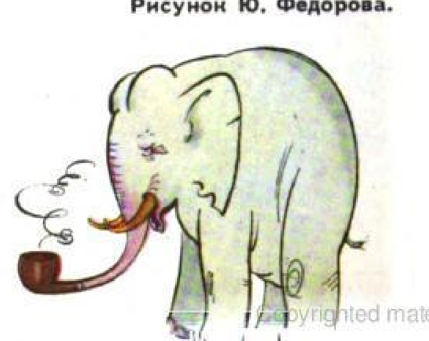
Под грибы.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

Рисунок Ю. Федорова.

Рисунок Ю. Федорова.

В тоннеле у станции «Технологический институт-2».
Фото С. Григорьяна.

Метро идет дальше

Когда помчались первые голубые поезда под землей Ленинграда — от Московского вокзала до Автова,— всех обрадовало это событие. Вскоре вступил в строй еще один небольшой участок: от Московского до Финляндского вокзала. Удобней стало добираться к электропоездам, уходящим к взморью, к чудесным паркам-дворцам, к пляжам Карельского перешейка.

А те, кто жил за Московской заставой и на Петроградской стороне, не переставали ждать, когда и к ним протянут подземку. На первом участке второй очереди метро — предпусковые дни. Вот-вот от Технологического института помчатся первые поезда под Московским проспектом до Парка Победы, вокруг которого раскинулись многоэтажные жилые кварталы.

На новой линии протяженностью в 6,6 километра сооружено пять станций: «Технологическая-2», «Фрунзенская», «Московские ворота», «Электросила», «Парк Победы». Совершенно по-новому решена подземная станция «Парк Победы». Она сделана без платформ. Двери среднего зала открываются и закрываются одновременно с дверями поезда, и пассажиры входят в вагоны прямо из зала.

Отделаны подземные станции просто, красиво: здесь широко использованы органическое стекло, смальты, полированный алюминий, разноцветный гранит, мрамор. Более трехсот предприятий страны поставляли материалы, механизмы и оборудование для Ленинградского метрополитена имени В. И. Ленина.

Метростроевцы сейчас сооружают и Петроградскую линию. Она протянется от Технологического института через площадь Мира к Невскому проспекту, затем пройдет под Невой к проспекту Максима Горького и закончится на площади Льва Толстого.

К. ЧЕРЕВКОВ

ФОРЕЛЬ В ИНКУБАТОРЕ

Вкусную, нежную форель выращивают на Чернореченском рыбозаводе, в Гудаутском районе Абхазии. Мальки из прудов этого хозяйства выпущены во многие водоемы Грузии. Сейчас наступила горячая пора: рыбоводы собирают икру и закладывают ее в инкубаторы.

В. Айба отбирает мальков форели, чтобы пересадить их в питомники.

Фото И. Григорова.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Сергей СМИРНОВ

От «А» до «Я»

Рисунки И. ИГИНА.

ЧТО ЗА ЧУДЕСА!

— Саша Жаров, ты ли
стал поэтом?
— Саша Жаров, что за
чудеса!

Александр ЖАРОВ

Мне теперь всегда кричат об этом
Дорогих знакомцев голоса:
— Саша Жаров, ты ли стал поэтом?
— Саша Жаров, что за чудеса!

Отвечаю вам, как член Союза,
Как поклонник радости земной,
Что весьма податливая Муза
Проявляет шефство надо мной.
Я слагаю правильные строфы,
Прохожу в «Музгизе» на «ура».
Это дар от бога Саваофа
Плюс активность «вечного пера».

ОТ ДОЧКИ ДО... ТОЧКИ

Жил на свете в одиночку,
Хвост, как флаг, подняв
трубой.
«Разговор с дочкой».

...Магазин игрушек знает
Весь Кузнецкий Мост.
. . . .
...Я глаза ее и косы,
Весь ее наряд
Прокурил на папиросы
Полчаса назад.
. . . .
...Не хватает двух с
полтиной
Грешному отцу.
«Кукла».

Сергей НАРОВЧАТОВ.

Помню,
я ушел из дома,
В день рожденья дочки,
Осушил стакан боржома
И дошел до точки.

Выбрал куклу в магазине,
Стал искать монету
И почувствовал, разиня,
Что монеты
нету.
Как же это расплатиться?
Сразу—
жест широкий —
Предлагаю продавщице
Собственные строки.

А она как захохочет:
— Ой, стихи не «экстра»!
Что за прок от ваших строчек,
Дорогой маэстро?

Я сверкнул орлиным оком:
— Вы невыносимы!
...Поддержал
томатным соком
Гаснущие силы.

Пропадай проблема купли,
Тут нужна отсрочка.
...И пока мечтал о кукле,
Вышла
Замуж
Дочка.

АХ! ОХ! УХ!

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса...
1935 г.
— Эй, друзья,
Болтай потише!..
1929 г.

Михаил РУДЕРМАН

Ах, томит меня истома!
Ох, перо не по плечу!
Выше крыши,
ниже дома —
Все поют,
А я молчу.
Ух, молчанка-размолчанка,
Тихой жизни полоса...
И — пошла
хромать тачанка
На четыре колеса!

ЗАВАРУХА

Девки валятся к плечу
с громкими ахами.

...Какого же ляда
краса пропадает?

...Видно, черт нас
спаровал с тобою.

...А баяны пополам
в руках переломаны.

...Серчали деды:
— Вот кобель!

Вл. ЦЫБИН. Из книги стихов «Медовуха».

До чего же я бедов!
Глянул, вроде сокола,—
Восемь девок, десять вдов
Завздыхали около.

Я к зажиточной одной
Стал ходить во тьме ночной.
Сердцееды-хахали
Всем селом
Заахали.

До чего же я хорош! —
Мой папаня
сеет рожь,
Говорю папане я
Без самокопания:

Не надейся на авось,
Лучше землю унавозь,
Фу-ты,
Ну-ты,
Ай-люли!
Темы непочатые.
Без отрыва от земли
Я пишу-печатаю.
Я баян кручу-верчу.
Вся в поту краса моя.
Девки валятся к плечу,
Бабы — то же самое!

ВОТ ЭТО — ДА-А!

...Как ты и я —
вот рядом,
вот нигде.
...А я — глубинный мел.
...«Любил тебя».
...Позвони в прилив;
может быть,
в отлив
дозвониться удастся мне
к трубке раковины
на дне?
...И эль
и ю,
и бэ,
и эль,
и ю — во сне.
«Следы на песке».

Семен КИРСАНОВ.

С интимным «Бэ-э-э»! —
Бреду...
К тебе...
В бреду.
Как из ушата,
Лью и снова лью
Стишата
Про — «и эль, и бэ, и ю».
И это значит —
Я тебя люб-лью!

О неземная! —
А, Бэ, Вэ, Гэ, Дэ,
Е, Жэ, Зэ, И...,
И Кэ, и Лэ, и Мэ!..
Но ты
ни Бэ, ни Мэ
Не понимэ...
...Я — мел.
...Я — вне.
...Их либе — навсегда!
Но ты бросаешь мне:
— Бе-
ли-
бер-
да!
... Вот это — да-а!

И. ВЕРШИНИНА

О. КНОРРИНГ

Р. ЛИХАЧ

ВЕСНА, 6.30

Весна перепутала все представления. Уж на что привычное понятие — «Театральный вечер», так нет, внесла и сюда свои изменения. Облила солнцем величественные здания театров, бросила на строгую и торжественную площадь Свердлова, которая раньше так и называлась — Театральной, яркий цветочный ковер, погасила фонари, живописно висящие у театральных подъездов, и принялась пускать светящихся зайчиков на торопливо подъезжающие машины. И такой привычный и каждому дорогой театральный вечер превратился в весенний праздничный театральный день.

Вот об одном таком московском весеннем театральном дне мы и расскажем.

Стрелки часов показывали 6.30 — время, которое отмечает особым ударом каждое актерское сердце. Только в тот день сердца вахтанговцев время это отметили на 12 часов раньше обычного. Ранним апрельским утром самолет уносил их в Париж.

— Не забывайте, не грустите,— говорят Людмила Целиковская и Юрий Любимов.— В мае мы будем дома.

— И у нас теперь есть свой дом, — с гордостью заявляет главный режиссер студии «Современник» Олег Ефремов, с комфортом расположившись в своем новом кабинете.— Завтра как раз у нас новоселье...

В какое утро или вечер вдруг в первый раз подумаешь, что больше не молод? Не приметишь такого часа, не назовешь.

Вот руки, знакомые до каждой морщинки, они, думаешь ты, были, пожалуй, такими же вчера, и год назад, и раньше. Или, может быть, просто забывается, какими они были?

Руки Иоганна Иоганновича и сейчас, наверное, способны поднять хоть бы вон ту древнюю башню, иссеченную временем и косыми дождями. Право, трудно представить, не верится, что есть на свете люди, которые могли бы поспорить в силе с этим гигантом, занимающим своими плечами чуть ли не полкомнаты сразу.

Но Иоганн Иоганнович говорит, что больше на борцовском ковре выступать не станет, нет. И вчера, когда мы долго бродили с ним по уютному лабиринту старых улочек Таллина, я слышал, как прохожие переговаривались, поглядывая снизу вверх на моего огромного спутника: «Замечательный был спортсмен...» И это «был» звучало как воспоминание, пусть о недавнем, но все-таки прошлом.

По утрам Ильзе, перед тем как уйти на работу, убирает квартиру, обметает легкой метелкой из разноцветных перьев кубки и медали мужа. Этих кубков и медалей великое множество в стеклянном шкафу, им тесно, и Ильзе говорит: «Очень хорошо, что их больше не будет. Все равно нет места, ты же сам видишь, Иоганн!»

Может быть, когда Иоганн Иоганнович остается наедине со всем этим звонким и нарядным мирком высших спортивных наград, еще хранящим, кажется, отголоски и отблески шумных залов, ему становится немного грустно. Вероятно, это так. Для каждого человека нелегко расставание с тем, что долгие годы было живой радостью, и, казалось, будет всегда. Трудно, очень трудно. Думается, для того, чтобы навсегда спрятать в ящик шкафа майку с гербом или, скажем, повесить на гвоздик у окна боевые кожаные перчатки, надо не меньше мужества, чем для победы в тяжелом поединке.

Оттого, как мне представляется, и постоит порой несколько молчаливых минут у полочек с призами могучий атлет. Постоит, положит на широкую ладонь блеснувший на солнце кружок медали с чеканными фигурками борцов. И так много вспомнится разного, что если б кто подсмотрел в эти минуты за Иоганном Иоганновичем, удивился бы и ничего не понял: то он посмеивается, то хмурится грозно...

Жизнь борца... Когда она началась? Притулился здесь, на полке, неказистый, старенький приз в грош ценой. Это гость из тех дней, когда голенастый и белобрысый парнишка, не по летам сильный, ходил в одной заплатанной рубахе. Он мог побороть одной правой или левой рукой любого из ребят. Но когда в семье умирает отец, надо как-то кормиться. В двенадцать лет становишься мужчиной, добытчиком, глядя, как мать ходит от хутора к хутору: «Не надо ли пошить? Или вымыть полы, постирать?»

Реденький сосновый лесок, валуны, вросшие в мох до пояса, и эти проклятые телята, которые так и норовят удрать... И одиночество, одиночество целыми днями, размытыми серыми туманами, насквозь продутыми недружелюбными к мальчишке-пастуху ветрами, гонящими оттуда, с моря, низкие и скучные тучи. Кажется, это было детством?.. Ну, не только это. Валуны можно было поднимать, вырывая из гнезд, представляя себя при этом страшным силачом.

Отец был высоким и сильным. Приходил, бывало, весь в снегу, само радушие и довольство. «А ну, все сюда! Посмотрите-ка, что я принес на этот раз... Нет, кто там плакал, что не знает, как жить зиму? Это разве не настоящий кусок масла к хлебу, и есть еще кое-что, если как следует порыться в мешке!..»

По всей округе, наверное, и сейчас прочны на хуторах кряжистые столы и стулья, сработанные руками столяра Коткаса.

Стулья остались в округе. А семье столяра пришлось уйти в город, в Тарту. Матери помогли устроиться дворником, и они вместе, мать и Иоганн, длинный, угловатый подросток, скребли заледеневшие панели, сметали мусор.

Да, место под скупым прибалтийским солнцем давалось нелегко Иоганну. Вы думаете, это просто — делать вид, будто не замечаешь, как ребята целой кавалькадой отправляются на собственных велосипедах в Вильянди и еще куда-нибудь за город?.. Мести улицы и думать, что вряд ли удастся до осени скопить столько, чтобы взять напрокат на воскресенье машину?..

Но вскоре произошли перемены. Черт возьми, небо показалось не таким уж недружелюбным и хмурым! Иоганн устроился пожарным в местной части, потом учеником водопроводчика. Старшие похваливали, подмигивая друг другу:

Задолго до начала...

... Его все нет...

Пришел!!!

— Силен малый, это так... Не знаю, сумеет ли снести вон те трубы все сразу?..

Иоганн нес. Груз придавил бы плечи любого к земле. Вокруг качали головами, разводили руками.

И однажды — о, это был замечательный день! — случилось необычайное.

Этот подвал, в котором все время чуть пахло грибами, как осенью в лесу,— он был первой ареной борца Иоганна Коткаса. Белобрысый, долговязый юноша-водопроводчик с фабрики пришел и встал у стены посмотреть, как на стареньком ковре разучивают суплесы и полусуплесы настоящие борцы.

И месяц спустя... Постойте, нет ли здесь ошибки? Нет, именно через месяц — один только месяц! — борец-тяжеловес Иоганн Коткас из Тарту вышел на борцовский ковер чемпионата Эстонии! И вот опять улыбается Иоганн Иоганнович и покачивает головой: «Эх, молодость, смешная ты, иногда и самонадеянная, надо признать...» Неказистый приз, его ведь тогда за храбрость дали, за отчаянное старание. Больше дать-то было не за что. Отто Виикмэ, Николай Карклин, Кристьян Палусалу — ох, они, наверное, здорово потешались! «Ну и парень! Прет напролом, все норовит обхватить, поднять... Гм, а руки железные, синяки припечатывает...»

Становись на свое место, забавная фигурка, пусть там, в зале, хохотали и свистели, ты заслужила право быть рядом с самыми почетными медалями и лентами. Ты первая!

— Как дела, Иоганн? — спросили ребята на фабрике.

— Боролся...— прихмурил белесые брови водопроводчик.

Он четверть века боролся с тех пор. Если обо всем вспоминать и рассказывать,— хватит на тысячу и одну ночь, а может, быть, и побольше. Сколько было встреч, городов, сколько замечательных, могучих соперников жало вот эту руку перед схваткой и еще крепче — после честной, всегда до предела накаленной борьбы!

— Да, парень, ты похож на борца!..

Это сказал Иван Максимович Поддубный, когда встретил Иоганна Коткаса в Москве. Они тогда стояли рядом, стареющий гигант, человек-легенда, и молодой эстонец, еще плохо знающий русский язык, но хорошо знающий, что отныне и навсегда он среди братьев. Люди окружили их. Иоганну очень хотелось сказать Ивану Максимовичу, что он только может мечтать быть на него похожим, что он будет очень стараться бороться за славу СССР. Но русских слов еще не хватало, и он только кивал головой и улыбался добродушно, и все отлично его понимали: нельзя было не понять...

Да, много в стеклянном шкафчике призов, много. Все дороги спортсмену, но, видимо, некоторые все же дороже. Иоганн Иоганнович выбирает из всех наград медаль 1947 года.

— Европейский чемпионат в Праге...

Все, кто любит спорт, помнят тот год, когда советские спортсмены только начинали выходить на большую международную арену, помнят, каким было радостным известие, что три богатыря наших — русский Николай Белов, грузин Константин Коберидзе и эстонец Иоганн Коткас — принесли победы стране. Но не все знают, что Коткас вернулся домой больным. Дело прошлое, и не к чему этого уж скрывать: борец вышел на ковер с переломом ребра. Не отказываться же от финальной схватки!

— Он у меня добродушный,— уверяет Ильзе. И это обязательно повторяют все, кто знаком с Иоганном Иоганновичем.

А вот посмотреть бы на него, скажем, на том же пражском чемпионате, когда он боролся с прославленным северным гигантом Бертилом Антонссоном. Или на олимпийском ковре в Хельсинки во время напряженнейшей схватки с Иосифом Ружичкой, весящим сто тридцать пять килограммов!..

— Я не люблю, знаете, тех, кто борется, лишь бы не проиграть. Не люблю...— сказал Иоганн Иоганнович. И мне живо представилось, как должны были чувствовать себя те, кому приходилось выдерживать его стремительный и непрерывный натиск, когда один прием сменяется другим и нет пустой секунды, мгновения без борьбы! Представилась та сценка, о которой скупо рассказал борец.

Это было так. Один тяжеловес явно тянул время в схватке с Иоганном Коткасом. Он трусил и, увертливый, все старался улизнуть с ковра. Он боролся нечисто... Ну разве ж это борьба?.. Рассердился Иоганн Коткас, и на это было жутко смотреть со стороны. Он преследовал убегающего по ковру соперника. Но когда удавалось настигнуть, схватиться грудь с грудью, тот опять ускользал за край ковра под оглушительный свист стадиона.

И вдруг, когда время кончилось, судьи объявили труса победителем! Невозможно передать, что творилось на стадионе. Он внезапно запылал. Да, запылал! В темноте позднего вечера зажглись на трибунах сотни, тысячи газет, программок — желтых мятущихся факелов. И топали, свистели, кричали... Все это происходило не в нашей, в чужой стране. Тысячи людей требовали победы Иоганну Коткасу, увидев его на ковре впервые. Громадный, могучий человек стоял, тяжело дыша, в своем углу ковра, и лицо его было каменно-сурово. Рабочими руками, гнувшими, бывало, как прут, толстые железные трубы, он взял победу. Кто же посмеет отнять ее у него?..

Четверть века борьбы, честной, красивой. Семьсот пятьдесят схваток с сильнейшими из сильных, и почти всегда победа.

Что ж, пожалуй, действительно хватит? Уж давно оставил борцовский ковер большой друг—соперник Александр Мазур, колосс среди колоссов. Ушли и другие, с кем приходилось испытывать восхитительные минуты спортивного вдохновения в сотнях поединков,— от Скандинавии до Стамбула.

Я помню одну недавнюю встречу с Иоганном Иоганновичем в Москве. Это было вечером. Как обычно, спокойно, по-вечернему дышала столица, тонко пахло остывающей листвой из сквера на Арбатской площади. И тут я увидел любопытную группу. По улице Калинина к старинному, причудливых форм особняку, где теперь Дом дружбы, шли — все, как один, в светлых плащах — молодые, рослые ребята. Все они были белокуры, все статны. А над ними возвышалась чуть ли не по грудь мощная фигура с

Сегодня у Людмилы Касаткиной премьера. Новая роль. Что скажет о ней зритель?

Третий звонок. Актриса ушла на сцену

И вот спектакль окончен.

«Отдыхать от работы — это значит хоть ненадолго позабыть о ней»,— подумал Олег Попов. И пошел в оперетту на спектакль «Цирк зажигает огни». Зашел и... глазам не поверил!

необъятными плечами. И так было похоже, что вот вывел отец своих молодцев-сыновей людям на поглядение...

Конечно, это был Иоганн Коткас.

— Откуда?

— Проездом мы... Едем, знаете, с чемпионата страны... Домой!

Мне тогда захотелось обязательно побывать у них дома. Приехал в Таллин.

— Я оставил ковер,— сказал Иоганн Иоганнович.— Но дело не в этом... Вы ничего не слышали об Ильмаре? Неужели ничего не слышали о нашем Ильмаре Лаасберге?..

Мы шли по Таллину. И, как я уже говорил, прохожие все время оглядывались на Иоганна Иоганновича и негромко переговаривались: «Вот был спортсмен!..»

Он вел меня по узким улочкам старого Таллина и оживленно рассказывал про Ильмара. Шли мы долго, потому что Ильмар Лаасберг живет на самой окраине, там, где корпуса новых домов города все тесней обступают два или три крестьянских строения, еще оставшихся от бывшей здесь деревни.

— Он из крестьян,— слышу я неторопливый рассказ Иоганна Иоганновича.— Учится в Политехническом институте...

Иоганн Иоганнович говорит, что этот парень себя покажет. Он уже мастер спорта в свои девятнадцать лет.

— Рост — мой. Но, пожалуй, посильнее... Вы помните Августа Энгласа? Полутяжеловеса, чемпиона мира?..

Конечно, помню этого замечательного спортсмена, помню его триумф на мировом чемпионате в Неаполе.

— Ильмар положил Августа. Поднял с партера на воздух — и на лопатки!.. Представляете?..

Иоганн Иоганнович даже остановился, так увлекла его, видимо, живописная картина борьбы.

— Да, он посильнее меня... Рост — мой, руки — мои. Но — сильнее!

Мы не застали Ильмара дома. Никого из Лаасбергов не застали. Соседка сказала, что все разошлись по своим делам. Ильмар, наверное, придет опять поздно. Он сейчас всегда возвращается поздно: зачеты...

— Это ничего,— сказал Иоганн Иоганнович, когда мы пошли обратно.— Приходите сегодня в борцовский зал. Там вы всех их увидите, наших Ильмаров...

Вечером в самом деле было много народу в борцовском зале. Так много, что для всех не хватало ковров, и ребята стояли у стен, нетерпеливо ждали очереди побороться. Иоганн Иоганнович учил молодежь. Он осторожно, чтобы случайно не причинить кому-нибудь боли, показывал приемы и все советовал, подсказывал, поправлял, и, может быть, это странно, но мне пришло в голову, что, наверное, так работает в часы творчества скульптор. Ищет образ, ему представившийся, проведет резцом и отойдет, посмотрит: хорошо ли? И смутно ему бывает и трудно, но знает: добьется своего. Руки мастера все преодолеют. И когда уж тут думать о том, что идет неумолимое время?!

ШУРАВИ-

На строительство дороги Чельдухтар — Герат пришли советские машины.

ТАМАМ

Л. БИРЧАНСКАЯ

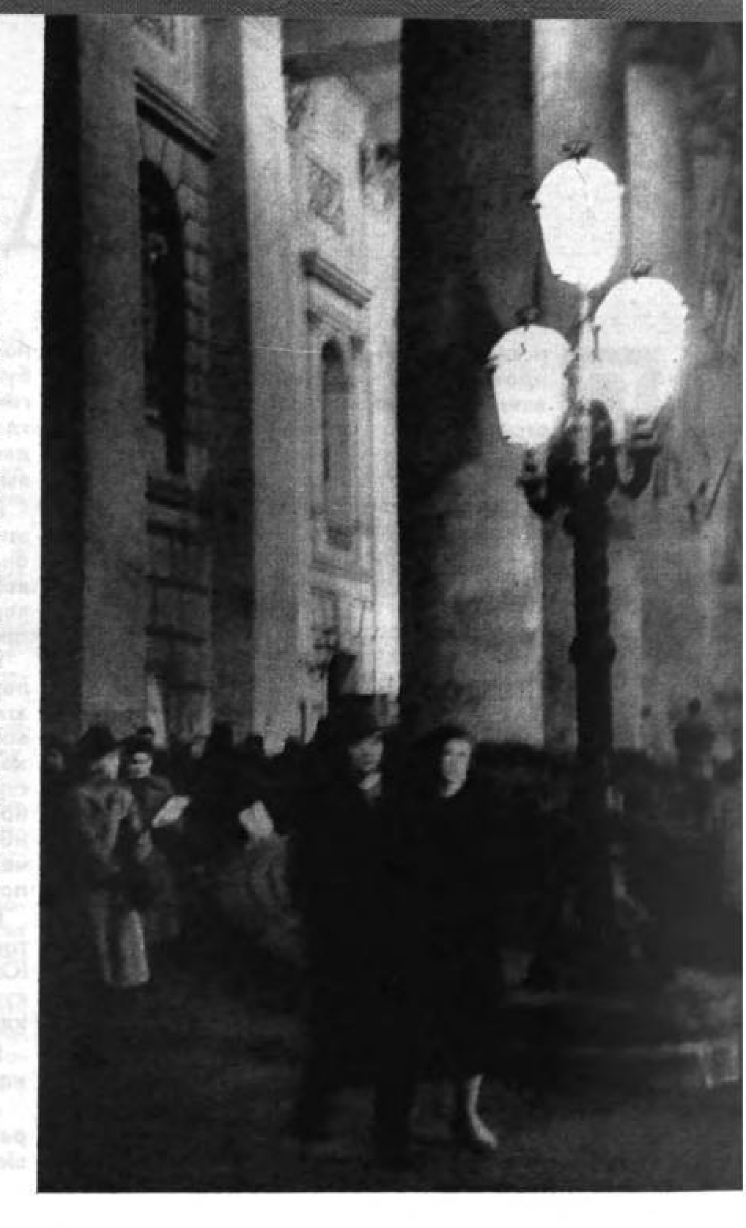

Московский вечер вступает в свои права. У театральных подъездов зажигаются огни. Последние зрители покидают залы...

Но, наверное, еще долго будут бродить по Москве со своими спутниками и та девушка, которую мы видели перед спектаклем, и юноша с букетом... И о чем бы они ни говорили в этот весенний вечер, много раз еще вспомнится им сегодняшний спектакль... Как знать, какую роль еще суждено ему сыграть в их жизни?

Уже рукоплещет Париж вахтанговцам, вновь покоряет мир своим виртуозным искусством Олег Попов...

Но ровно в 6 часов 30 минут сегодня и завтра и летом и зимой откроются двери московских театров. И среди тех, кто радостно устремится туда, наверное, мы увидим и наших знакомых.

ШУРАВИ

Гиндукуш величествен, надменен и взирает на мир с высоты пяти тысяч метров. О его перевалах ползут по стране темные слухи, пугая людей призраками погибших здесь караванов. Недавно в горы двинулась техника. Какое ей дело до небылиц! Она пришла, чтобы сложить здесь иную легенду — протянуть через реки, каменные осыпи, отвесные кручи гладкий и ровный путь. Он вытянется от Кабула до порта Кзыл-Кала на Пяндже, значительно сократив расстояние через Шибарский перевал, и автомобили помчат по нему все, что необходимо местным жителям.

Примерно три года назад на Гиндукуш поднялись люди, а вслед за ними потянулись на горы, посапывая, автокраны, тяжелые тягачи. Это советские специалисты и русские машины пришли, чтобы помочь афганцам на автомобильном тракте. Советские — по-местному «шурави».

Строителям было трудно. Особенно мешали сползающие снежные громады: они угрожали стройке. С ними боролись — их взрывали. Остатки сбрасывали бульдозерами в ущелье. Молодые афганцы собирались вокруг машин и с любопытством разглядывали их. Шурави... Прошло совсем мало времени, а слово получило новый смысл. Оно значило теперь «учитель». Учитель, который терпеливо стал обучать афганцев ремеслу и рассказывать о его тонкостях. Ученики, как известно, быстры на прозвища, и Александра Васильевича Бокарева, доброго, с седой головой человека, в прошлом метростроевца, они окрестили белым Шурави. Вот уж кто совсем позабыл об отдыхе: днем трудился, а после часами толковал с местными рабочими. Сажал их за руль, показывал, учил. Да разве один только Бокарев! Все советские специалисты прошли на Гиндукуше своеобразную педагогическую практику. Они обучили своим профессиям больше трех тысяч афганцев. Сейчас это первые в стране бульдозеристы, экскаваторщики, компрессорщики, проходчики тоннелей. Среди них пятнадцатилетний Мохамед Хасан. У него нет родителей, и он не кончал школы. Его первыми учителями стали русские парни.

Люди работали плечом к плечу и не заметили, когда шурави слилось с понятием друга и брата. Возможно, это произошло в тот день, когда снежная гора засыпала афганца в здании у входа в тоннель. Русские больше суток откапывали товарища — они спасли его. А может быть, доверие пришло вместе с чувством уважения перед бесстрашием и выносливостью советского человека.

Георгий Васильевич Овчаренко не альпинист и не верхолаз. Он инженер. Но понадобилось доставить инструменты с северного портала на южный — для встречной проходки тоннеля, и он возглавил группу специалистов. С рюкзаками за спиной больше суток пробивались они через снежный перевал. Потом Овчаренко вернулся назад за рабочими и показывал дорогу им, первому трактору и первым жилым вагончикам.

Однажды, это было прошлой весной, снежная лавина — в многоэтажный дом — обрушилась на дорогу и преградила рабочим путь. Строительство на время приостановилось. Тогда главный инженер Федор Иосифович Болдышев, чтобы проследить движение лавины и помочь ей быстрее сойти, взобрался на перевал Зимний стан. От яркого солнца у него обгорело лицо. Весь в бинтах, так что виднелись лишь глаза, Болдышев даже на час не оставил работу.

Вот так ото дня ко дню строилась дорога через Гиндукуш, Дорога жизни, как назвали ее афганцы.

Вдоль трассы появились деревья и поселки. Один из них, Хинджан, превратился в настоящий город, с водопроводом, почтовым отделением, гостиницей, рестораном.

Маршрут Кушка — Герат — Кандагар стал для афганцев Дорогой дружбы. Здесь работают русские. Для обслуживания стройки проведена первая в стране железная дорога. При ней открыта школа механизаторов, в которой преподают советские специалисты.

Дорога жизни и Дорога дружбы немыслимы друг без друга. И не сойдутся ли они в торговом порту Кзыл-Кала? Первая очередь его уже построена. Советские инженеры предложили взять весь берег Пянджа в бетон. Теперь это как бы один сплошной причал. Вокруг порта раскинулись белые, как рафинад, постройки, и в них зажглись электрические огни.

ТАМАМ — ХОРОШО!

Огни новостроек Афганистана не видны в Йемене, но арабы знают о них. В Йемене на строительстве порта Ахмеди тоже трудятся русские специалисты. Впрочем, не только русские. Здесь познакомились люди из десятков уголков нашей страны и собрались машины сотен предприятий. Над водами Красного моря повисли ленинградские и воронежские краны, закавказский металл встретился в порту с дизелями Горьковского завода, электроинструментами Латвии, сталью Магнитогорского металлургического комбината, запорожскими трансформаторами. Множество советских предприятий потрудилось для сооружения йеменских морских ворот.

Под желтым кипятком лучей тропического солнца непривычно быстро схватывался бетон. Поэтому работать приходилось даже быстрее, чем у себя на родине...

Анатолий Васильевич Теологов приехал в Йемен прямо с дрейфующей станции «Северного полюса». Он руководил в Йемене группой, которая составляла карту залива Кетиб. Через него намечалось строительство канала. Геологи и геодезисты расположились на пустынном берегу в палаточном городке с лабораторией.

— Мы жили там вчетвером, — рассказывал по возвращении в Москву Теологов.— Исследовали подземные воды и вели топографическую съемку. Задыхались от раскаленного воздуха и слепли от песчаных бурь. Но работа захватывала, и трудностей попросту не замечали.

В бригадах были и арабы и русские. Многие местные жители получали новые, неизвестные им раньше профессии.

Гиндукуш покоряли, взбираясь до неба, к Красному морю искали подступы из глубин. Водолазы Полянов, Захаров, Яковлев уходили в воду. Температура + 35°! Они укладывали под водой трубы для нефтепроводов. Через некоторое время этой работе научились арабы. В Йемене теперь есть водолазы!

У нас в стране принято передавать опыт. И советские люди, приехавшие работать, а не учить, по привычке занимались «подготовкой кадров». У прораба Василия Александровича Чекалова быстро «выросли» в бригадиров Муслях Амри и Мухаммед Ходер. Каждое утро, завидев Чекалова, они спешили навстречу, чтобы пожать ему руку: «Доброе утро, сабах алхыр!» Оно было действительно добрым, когда у причала порта Ахмеди ошвартовалось первое советское судно «Степной». Толпы людей из Ходейды и прилегающих деревень высыпали на берег и бережно повторяли одно и то же слово — «Тамам!» («Хорошо!»). Они произносили его, глядя на новый морской канал: теперь корабли будут разгружать на берегу, а не на рейде, как раньше. Поселок, выросший рядом с портом, водопроводные колонки, тоже поставленные с приездом русских,— тамам! Ведь еще недавно сюда привозили воду на верблюдах и осликах. Груды товаров на пирсах и разноцветные флаги в йеменском порту — тамам!

Слово «хорошо» заслуженно венчает работу наших людей, в каких бы уголках земли они ни побывали.

ОТ СЕРДЦА

Пном-Пень, столица Камбоджи. Разноцветный госпиталь стоит в пойме реки Меконга, на месте бывшего болота. Сейчас там насыпь, и здания как бы привстали над землей. Корпуса, корпуса: главный, туберкулезный, инфекционный, радиологический, даже виварий. В проекте советского Гипроздрава учтено все: тропическая жара, тучи москитов, бурные ливни. Климат подсказал архитекторам внешний вид госпиталя — крытые галереи, козырьки над ними, стены со сквозными арками.

Новый госпиталь с полным оборудованием — дар нашей страны народу и правительству Камбоджи. В нем пятьсот коек — по три в каждой белоснежной палате.

Мих. АЛЕКСЕЕВ

КОГДА ЕМУ БЫЛО Ш

Гигантский воздушный лайнер в сопровождении семи истребителей появляется в подмосковном небе. И с этой минуты тысячи нетерпеливых, широко распахнутых глаз не могут оторваться от него. Сейчас корабль приземлится, подрулит поближе к аэровокзалу, и мы увидим человека, ставшего живой легендой. Каков же он, этот человек? Что отличает его от нас, и отличает ли вообще? Ведь с фотографии на тебя глядит обыкновенный парень в форме военного летчика, точно такой же, каких ты привык видеть и на улицах родного города и во время парадов на Красной площади. И все-таки должно же что-то выделять его среди нас, коль скоро историческая, эпохальная миссия выпала на его долю, коль скоро он стал ее единственным избранником?

Мы говорим о нем: простой, обыкновенный. И в то же время понимаем, что, сколько бы раз мы ни употребляли таких эпитетов, они не в состоянии избавить нас от мысли: «Почему же все-таки он, а не другие?»

...Открывается дверь самолета — и по трапу сходит человек. Он мог бы качнуться от аплодисментов и восторженных приветственных криков многотысячной толпы встречающих, он мог бы задохнуться от прилива чувств, которые, естественно, должны были всколыхнуться в его груди. Но как живое воплощение концентрированной воли, он не высказывает внешне признаков великого душевного волнения, твердой поступью идет к трибуне, поднимается на нее и столь же твердым голосом, без единой запинки, докладывает главе нашего правительства о выполнении задания, какого еще никто на свете до него не выполнял.

Проходят дни. Теперь мы познакомились с этим человеком ближе. Но вопрос — почему он, а не другой? — не снят, мы стараемся ответить на него, хотя разумом и понимаем, что, вероятно, рядом с ним были и другие, и эти другие тоже выполнили бы такое же задание.

Как бы там, однако, ни было, а человек, первым вырвавшийся за пределы земной атмосферы, долго еще будет тревожить наше воображение. Каждая черточка в его внешнем обличье и характере волнует нас, каждая страничка из его пока что еще очень недлинной, коротенькой биографии драгоценна, ибо мы ищем в ней отгадку того, каким был человек на подступах к своему бессмертному подвигу.

Перед нами личное дело учащегося Саратовского индустриального техникума Гагарина Юрия Алексеевича. Давайте раскроем эту тонкую папочку и посмотрим на документы, заключенные в ней.

Вот заявление. Воспроизведем его полностью:

«Прошу Вас зачислить меня учеником вверенного Вам техникума, так как я желаю повышать свои знания в области литейного производства и принести как можно больше пользы своей Родине.

Все требования, предъявленные ко мне, обязуюсь выполнять честно и беспрекословно.

6.VII. 51 Ученик РУ-10 Гагарин».

Заявление.
Прошу Вас зачислить меня учеником вверенного Вам техникума, так как я желаю повышать свои знания в области литейного производства и принести как можно больше пользы своей Родине.
Все требования, предъявленные ко мне, обязуюсь выполнять честно и беспрекословно.
6/VII-51 ученик РУ-10 Гагарин

Цель и задача, поставленные перед собою этим юношей, предельно ясны: **принести как можно больше пользы своей Родине.**

Не это ли в конечном итоге подняло его на великий подвиг?!

Но достижение цели возможно лишь через посредство неутомимого труда, ежедневного, ежечасного, предполагающего внутреннюю

Кругом сад, и каждое деревцо этого сада знакомо советским строителям. Они руководили в Пном-Пене малярными, слесарными, кровельными и другими работами, они и деревья сажали.

Торопился к своему оборудованию электрик Виктор Кукушкин. Поспешно захлопывалась гостиничная дверь за архитектором Александрой Мусориной: как там перекрытия, ведь в них заложили необычную арматуру — бамбук? Часами просиживала в номере «Мондиаль» Мария Тимофеевна Перепелицына: она чертила проект жилого дома на территории госпиталя. Две девочки-камбоджийки, забравшись на пологую крышу, увидели за столом русскую женщину. Она работала. Девочек это поразило: француженки в Пном-Пене развлекались. Осторожно протянули ей сладкую папайю. Мастер из Горького обучал своему делу камбоджийца, русский врач делился знаниями с местным коллегой, со**ветские рабочие собирали деньги рабочему-кхмеру, узнав, что его дом сгорел. В Москву, в медицинский институт, вылетели камбоджийские студенты. В их столицу** на длительную работу поехали наши врачи.

...Инженеры, архитекторы и рабочие отправлялись в Бирму. Впереди было строительство в Рангуне — технологический институт. А недавно из заграничной командировки вернулся главный архитектор, один из авторов проекта учебного заведения, П. П. Кузнецов. Он рассказывает, что нынешним летом в новый институт придут первые студенты. Те, кто поступит на технологический факультет, получат дипломы металлургов, инженеров-химиков, пищевиков, текстильщиков. Механический факультет подготовит специалистов для машиностроительных заводов. Больше тысячи человек сядут за столы в аудиториях.

Студенческий городок — это несколько учебных корпусов. Тут же столовая, поликлиника, общежитие. Невдалеке здание для преподавателей и коттеджи для профессоров.

— Придя на площадку, — продолжает Кузнецов, — строители неожиданно натолкнулись на окопы, блиндажи, полуосыпавшиеся ходы сообщения. Следы боев? Да, и здесь проходил фронт второй мировой войны. У многих из нас проснулись недобрые воспоминания... Но с тем бóльшим удовольствием взялись мы превращать поле войны в строительную площадку.

И вот родилось из белого камня и стекла здание, освеженное зеленью и фонтанами, окруженное мандариновыми деревьями, которые посадили друзья.

Мы рассказали только о некоторых зарубежных новостройках, в которых приняли участие советские люди.

А их много, например, Бхилайский металлургический комбинат, хлебокомбинат и авторемонтный завод в Афганистане, госпиталь и гостиница в Бирме. Это совместный труд и общие помыслы народов.

Первая железная дорога в Афганистане.

МЕЧТЫ МОЕГО ДРУГА СБЫЛИСЬ

Дорогая редакция!

Юрий Алексеевич Гагарин мой хороший товарищ по студенческим годам в Саратовском индустриальном техникуме.

Еще в 1954 году, когда Юрий учился в аэроклубе, он показывал мне свои очень аккуратно написанные конспекты, чертежи, говорил: «Вот смотри, Федор Иванович! Вот это крыло! А это фюзеляж!»

Я его поэтому однажды и сфотографировал у скульптуры летчицы в Липках, в Саратове. Мне тогда очень хотелось, чтобы мечты моего друга сбылись.

С Юрием всегда было интересно поговорить. В его необыкновенно вместительной голове витала масса интересных, оригинальных мыслей. Он очень любил литературу, и Нина Васильевна Рузанова, наш преподаватель, в нем души не чаяла. Юра был на курсе и первым математиком.

По выходным дням, когда мы любили подольше поваляться в постели, Юрий вставал в 5 часов утра, делал физзарядку и быстро убегал на аэродром — «Полетать!» — как он говорил. Это очень простой, искренний, душевный человек.

Разбираем вместе с женой ворох фотографий, находим снимки Юрия Гагарина — и бесконечно счастливы!

Как-то мы с ним записали в свои дневники слова профессора Белова: «Не числом прожитых лет определяется возмужание человека». И не случайно сегодня ожили эти слова в памяти.

Федор ПЕТРУНИН
город Серов,
Свердловская область.

ЕСТНАДЦАТЬ ...

самодисциплину. Этим единственным путем шел Юрий Гагарин. Сам он говорит об этом весьма скупо в своей автобиографии:

«16 декабря 1949 года вступил в комсомол.

Как со стороны комсомольской организации, так и со стороны администрации училища взысканий не имею.

Гагарин».

Это написал он. А вот и характеристика на учащегося Гагарина Юрия Алексеевича. В ней сказано именно то, что и должно было предположить:

«В течение двух лет был отличником учебы, заносился на доску почета училища. Дирекцией училища Гагарину Ю. А. была объявлена два раза благодарность за отличную учебу и за общественную работу. Кроме того, директором завода объявлена благодарность за хорошую работу в цехе.

Учащийся Гагарин был физоргом группы, добросовестно и точно выполнял все поручения комсомольской организации и администрации училища».

А посмотрите на этот листочек. На нем почти нет слов, но зато много цифр и алгебраических знаков. Как же много говорит нам эта бессловесная, молчаливая страничка! Гляньте, с какою тщательностью выведена каждая цифра, каждый знак: перед нами, несомненно, настоящий математик. В правом нижнем углу поставлена пятерка. Так оно и должно было быть — ведь задачу решал будущий первый в мире космонавт.

И еще один документ, выданный Юрию Гагарину при окончании техникума:

«Характеристика на учащегося Саратовского индустриального техникума Гагарина Юрия Алексеевича.

Тов. Гагарин Юрий Алексеевич поступил в индустриальный техникум осенью 1951 г. на литейное отделение.

За все время пребывания в техникуме тов. Гагарин был исключительно дисциплинированным учащимся, успеваемость его отличная.

Хороший физкультурник. Его общественная работа — секретарь ДСО «Трудовые резервы».

Принимал активное участие в общественной жизни техникума и группы. Выступал с докладами на литературных конференциях техникума, являлся активным участником физико-технического кружка.

Все просьбы и поручения дирекции, классного руководителя тов. Гагарин всегда исполнял беспрекословно и относился исключительно добросовестно к порученной работе.

Преддипломную практику проходил в ремесленном училище г. Ленинграда. Характеристика, выданная руководителями практики, говорит о хорошей теор. подготовке тов. Гагарина и о его серьезном отношении к работе.

За отличное поведение и успеваемость в техникуме тов. Гагарин имеет почетную грамо-

$= 7a^2\sqrt[3]{a} - 2a^2\sqrt[3]{a} + 3a^2\sqrt[3]{a} - 4a^2\sqrt[3]{a} =$

$= (7a^2 - 2a^2 + 3a^2 - 4a^2)\sqrt[3]{a} = 4a^2\sqrt[3]{a};$

IV решить ур-ние.

$4 - \frac{x-1}{x+1} = \frac{2(x+3)}{x+1} - \frac{x+11}{x^2-1};$

$4x^2 + 4x - 4x - 4 - x^2 + 2x - 1 = 2x^2 - 2x + 14x - 14 - x - 11.$

$4x^2 - 4 - x^2 + 2x - 1 - 2x^2 + 2x - 14x + 14 + x + 11 = 0$

$x^2 - 9x + 20 = 0$

$x_{1,2} = \frac{9}{2} \pm \sqrt{\frac{81}{4} - 20}$

$x_{1,2} = \frac{9}{2} \pm \sqrt{\frac{81-80}{4}}$

$x_{1,2} = \frac{9}{2} \pm \sqrt{\frac{1}{4}}$

$x_1 = \frac{9}{2} + \frac{1}{2} = \frac{10}{2} = 5$

$x_2 = \frac{9}{2} - \frac{1}{2} = \frac{8}{2} = 4$

$x_1 = 5$

$x_2 = 4$

5

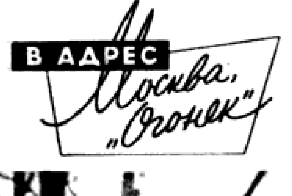
ту и имеет несколько почетных грамот от ДСО «Трудовые резервы».

Директор Саратовского индустриального техникума — С. Родинов

Классный руководитель — З. Акулова».

Так незаметно, по-видимому, очень скромный и, может быть, даже застенчивый, этот хлопчик с редкой целеустремленностью и собранностью шел к высокому своему рубежу.

Не хотелось бы заканчивать эти заметки дидактикой, нравоучениями. Однако трудно удержаться от того, чтобы не посоветовать нашему юношеству хорошенько поразмыслить над биографией Юрия Гагарина. Кроме пользы, ей-же-богу, от этого ничего не будет.

ПОСЛЕ КОСМИЧЕСКОГО РЕЙСА

А. ГОЛИКОВ, И. СМИРНОВ

Над входом в научно-исследовательский институт большой плакат со знакомыми словами привета первому космонавту нашей планеты. Но здесь они имеют особое значение. Ведь много месяцев назад в это здание вместе с другими молодыми людьми, которые хотели стать космонавтами, пришел летчик Юрий Гагарин. Здесь врачи определили его пригодность к предстоящему полету, подготавливали, тренировали...

А когда выполнялся космический рейс, они по биотелеметрическим системам следили за состоянием здоровья космонавта от взлета до возвращения его на Землю. Теперь Юрий Гагарин снова пришел сюда для полного и всестороннего медицинского обследования.

Врач показывает нам кабинеты и лаборатории, самую современную медицинскую регистрирующую аппаратуру, рассказывает о большом вкладе, который внесла советская медицина в овладение космосом. Врачи разрабатывали методы отбора космонавтов, систему тренировки и подготовки их, определяли условия, обеспечивающие жизнь и здоровье человека в кабине космического корабля, принимали участие в его создании, в разработке скафандра, научной медицинской регистрирующей аппаратуры.

Первый экзамен советская космическая медицина выдержала блистательно: Юрий Гагарин возвратился на Землю живым, невредимым, в прекрасном самочувствии.

— Тем не менее,— говорит врач,— мы сегодня не без волнения приступаем к медицинскому обследованию первого космонавта.

Потом врач вспоминает, как впервые увидел Гагарина, как он, предъявив документы, улыбнулся и сказал: «Очень хочу стать космонавтом». И вместе с другими кандидатами попал во власть медиков на длительный срок. Всех окружающих очень подкупал его радушный, открытый характер, бесхитростность, любовь и уважение к людям.

Юрий Гагарин без ограничения допущен врачами к полетам. Но еще предстояли наиболее сложные испытания — на специальных стендах-аппаратах, позволяющих определить устойчивость человека перед воздействием ряда факторов, возникающих при космическом полете.

Юрий Гагарин и эти исследования прошел безукоризненно. Пожалуй, наиболее трудным было испытание на центрифуге. Здесь создавались перегрузки, которым подвергнется космонавт в полете.

Юрий Гагарин обладал высокой устойчивостью под действием перегрузок. Во время одного из обследований и тренировок на центрифуге при действии значительных по величине ускорений Юрий улыбнулся и весело подмигнул в объектив киноаппарата (исследование фотографировалось на пленку). Эта спокойная уверенность в своих силах была присуща ему во всех видах тренировки. Он, как всегда, первым шел на выполнение сложных парашютных прыжков — на землю, на воду, с задержкой в раскрытии парашюта.

Внутренняя собранность и крепкие нервы позволили ему хорошо перенести и другое серьезное испытание. В программу подготовки входило длительное пребывание космонавта в изолированной кабине, где царит полная тишина, отсутствуют какие-либо внешние раздражители.

Но, пожалуй, больше всего поразило и обрадовало нас, врачей, спокойствие Юры перед полетом и поведение его во все время космического рейса. Помню, утром 12 апреля я пришел будить Гагарина. Он спал крепко, безмятежно. Дотронулся до его плеча: «Юра, вставай, пора». Проснулся сразу, улыбнулся. На вопрос:

— Как спал?

— Как учили. Пора лететь? Пожалуйста!

И тут все пошло по строгому расписанию. После завтрака — подготовка к полету. Юра лег на кушетку, а мы удобства ради опустились на колени и стали укреплять на нем датчики различных приборов. Юрий лежал спокойно, его не покидал обычный мягкий, добродушный юмор: «Наконец-то медицина стоит передо мной на коленях».

Спокойствие это было не показное. Когда сообщили, что запускают ракетные двигатели, он сказал: «Ну, поехали!» И разговаривал с нами даже в самые трудные моменты полета. Почти на всем участке взлета ракеты, когда грудь космонавта испытывает значительное давление за счет нарастающей по величине перегрузки и надо обладать большой мускульной силой, чтобы, преодолевая его, дышать, Гагарин сообщал на Землю о самочувствии: «Вибрация нарастает, перегрузки увеличиваются, чувствую себя хорошо». И это он говорил ровно, спокойно.

Врач прощается с нами. В институт приехал Юрий Алексеевич Гагарин. После возвращения на Землю у него было много торжественных встреч, он слышал тысячи приветствий и поздравлений. Но здесь сердечность особенная. Ведь каждый из присутствующих внес свою долю труда в блистательный полет советского космонавта.

И вот после крепких рукопожатий, объятий и поцелуев начинается деловая часть. Стройный, мускулистый, он становится на весы, потом измеряют его рост. «Посмотрим,— шутит врач,— может быть, подрос в космосе».

Гагарин ложится на кушетку, и врач, как и в исторический день 12 апреля, склонившись над ним, укрепляет датчики приборов. Началось всестороннее послеполетное медицинское обследование первого в мире космонавта.

«ЕЖ» И «ЕЖИКИ»

«Еж» — москвич. Ему пять лет. Обитает он в Доме культуры имени Зуева на Лесной улице. Таковы анкетные данные пионерского сатирического театра. А вот и его история. Однажды несколько первоклассников пришли в Дом культуры и попросили принять их «в артисты». Им отказали: не было подходящих ролей. Но, увидев огорченные лица малышей, старшие ребята пообещали что-нибудь для них придумать. Так родился «Еж».

Первый спектакль сразу же поручили готовить самим первоклассникам. Тут же была создана литературная часть — основа сатирического театра. Ребята написали сценарий на конкретные школьные темы, и успех спектакля превзошел все ожидания. С тех пор «Еж» колет смехом лодырей, нерях, озорников. Были случаи, когда актеров даже обещали побить, но «Еж» ведь колючий, и задиры остались ни с чем. Зрители всегда узнают на сцене своих незадачливых одноклассников, весело смеются над ними и уж потом не оставляют их в покое, пока те не исправятся.

У «Ежа» обширная переписка. Со всех концов страны ему пишут ребята, просят помочь советом, поделиться опытом. Во многих школах созданы агитбригады — «Ежики», считающие себя младшими братьями «Ежа». Есть они даже в Болгарии.

Ю. КРИВОНОСОВ

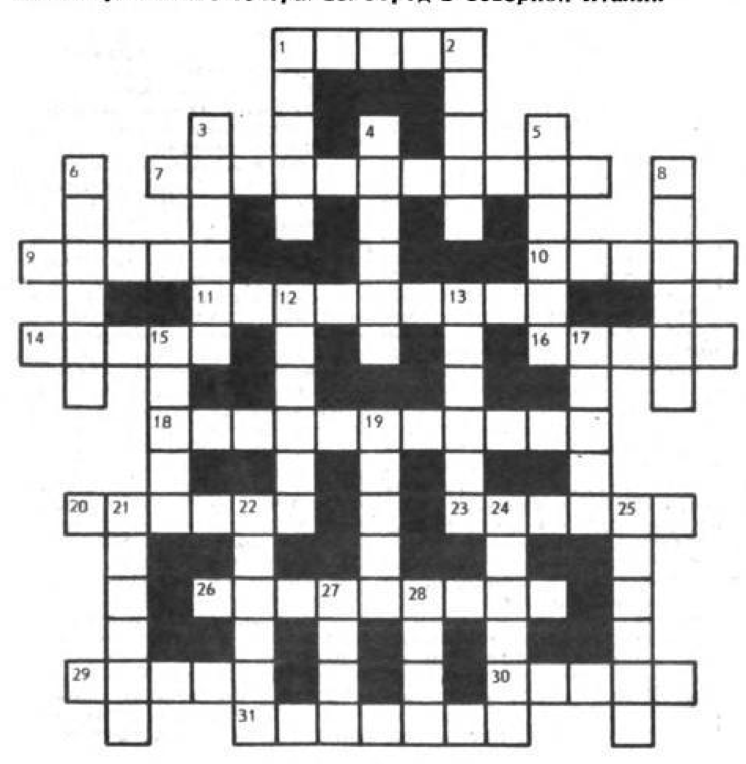
КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Картина Т. Яблонской. 7. Декоративное освещение. 9. Инструмент для изготовления деталей давлением. 10. Герой поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 11. Путешественник в межпланетных пространствах. 14. Зачаток цветка, побега. 16. Приток Ориноко. 18. Танцевальное искусство. 20. Вспомогательный глагол. 23. Областной центр в Киргизии. 26. Гриб. 29. Часть карнавального костюма. 30. Рассказ А. П. Чехова. 31. Советский историк.

По вертикали:

1. Шерстяная ткань. 2. Горная страна в Сибири. 3. Беспалубное судно. 4. Курорт в Крыму. 5. Выдержка из текста. 6. Спортивная игра. 8. Марка телевизора. 12. Остров в Балтийском море. 13. Опера А. Спендиарова. 15. Роман Ю. Тынянова. 17. Русская народная песня. 19. Старинный музыкальный инструмент. 21. Орнамент из цветного стекла. 22. Деталь парового двигателя. 24. Голландский мыслитель XVII века. 25. Кустарник. 27. Комический персонаж английского кукольного театра. 28. Город в Северной Италии

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

3. Ирригация. 5. Физиотерапевт. 7. Пеликан. 8. Горнист. 11. Кюрий. 15. Каникулы. 16. Теннесси. 18. Орша. 19. Валентность. 20. Коза. 23. Авиценна. 24. Метафора. 25. «Льгов». 29. Варенец. 30. Мотылек. 31. Бельведонский. 32. Рецензент.

По вертикали:

1. Эрмитаж. 2. Симплон. 4. Глетчер. 5. Филенка. 6. Таиланд. 7. Прянишников. 9. Толстолобик. 10. Алканна. 12. Юньнань. 13. Иваново. 14. Центнер. 15. Крона. 17. Итака. 21. Ледоруб. 22. Галилей. 26. Гульден. 27. Тельфер. 28. Россини.

На первой и последней страницах обложки фото Дм. Бальтерманца.

Дутыш.

Николаевские.

Почтовые крапчатые — мазуры.

Летите, голуби!

Издавна голубь живет около людей.

Работая с птицами, голубевод изменяет и преобразует их природные инстинкты. Сейчас существует около 150 пород домашних голубей.

Почтовый голубь очень вынослив, превосходно ориентируется в полете. Он всегда точно и быстро находит свою голубятню, как бы далеко его ни увезли. Дальность и продолжительность его полета во многом зависят от тренировки. Были случаи, когда птиц держали в неволе, вдали от родины по нескольку лет, но как только они вырывались на волю, то стремительно летели домой. Так, в гражданскую

Короткие сказки

Ф. КРИВИН

ТРУДНЫЙ ЦЫПЛЕНОК

Не успел Цыпленок вылупиться, как тотчас получил замечание за то, что разбил яйцо. Бог ты мой, откуда у него такие манеры? Очевидно, это что-то наследственное....

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Электрический Утюг просил выключить его из электросети, поскольку он переходит на творческую работу.

КОЛУН

Колун оценивает работу Рубанка.

— Все хорошо,— одобряет он,— остается устранить некоторые шероховатости. Я бы, например, сделал вот что...

Колун берет разгон и привычным взмахом делит полено на две части.

— Вот теперь гораздо лучше,— удовлетворенно замечает он.— Но это еще не все.

Колун работает с увлечением, и вскоре от полена остаются одни щепы.

— Так и продолжайте,— говорит он Рубанку.— Я уверен, что с этим поленом у вас получится.

— С каким поленом? — недоумевает Рубанок.— Ведь от него ничего не осталось!

— Гм... Не осталось? Ну что ж! Тогда возьмите другое полено. Важно, чтобы вы усвоили принцип. А если будут какие-то шероховатости, не стесняйтесь, прямо обращайтесь ко мне. Я помогу. Ну, действуйте!

КЛЯКСА

Среди однообразных букв на листе бумаги одна Клякса умеет сохранить свою индивидуальность. Она никому не подражает, у нее свое лицо, и прочитать ее не так-то просто.

ПОЧТОВЫЕ ЗНАКИ Р. КЕНТА

Американский художник Рокуэлл Кент приобрел в нашей стране много друзей. Со многими завязалась переписка. На свои письма Рокуэлл Кент, кроме марок, обязательно наклеивает свой почтовый знак: летящий голубь с оливковой веткой и надписью: «На земле мир». На конверты, посланные авиапочтой, художник ставит печать, на которой изображен летящий над морем и горами голубь.

В. ЗЕМСКОВ

Наш друг

Филателистическая галерея портретов классиков мировой литературы пополнилась новой маркой, подготовленной Министерством связи СССР к столетию со дня рождения Рабиндраната Тагора.

М. МИЛЬКИН

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05206. Подписано к печати 25/IV 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 792. Заказ 1133.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Високрылые ростовские.

Почтовые сизые — драконы.

Чистые белопоясые.

войну белогвардейцы, отступая из Крыма, захватили с собой всех почтовых птиц голубиной станции Севастополя. Затем эти птицы попали в Германию, а через несколько лет поодиночке вернулись на родину — в Севастополь.

Для голубиной выставки в Москве в ноябре 1926 года были завезены птицы из Одессы. В столице одна голубка улетела. Через два дня Российское общество птицеводства получило телеграмму: «Голубка номер 72 прилетела в Одессу, шлет привет Москве».

Эти способности почтового голубя были известны с древнейших времен. Египтяне, персы, римляне применяли голубей как средство связи в военных и коммерческих целях. А древние греки сообщали голубиной почтой о результатах олимпийских игр.

Голубиная связь широко применялась во франко-прусской войне 1870—1871 годов. При осаде Парижа голуби доставили 150 тысяч официальных и до миллиона частных депеш. Голубиная связь широко использовалась в первую мировую войну, во время гражданской войны и очень мало во второй мировой войне. Развитие радиосвязи почти полностью вытеснило голубиную почту.

Очень много голубей относятся к так называемым декоративным. Голубеводы-селекционеры долгим, кропотливым трудом создавали и выводили породы голубей с необычным оперением, с оригинальным строением тела.

Наши русские голуби — чистые, турманы черно-пегие и красно-пегие, николаевские, выведенные голубеводами Николаева, или бухарские — с давних пор привлекают внимание зарубежных любителей. Эти птицы отличаются своеобразным полетом, цветом оперения и изяществом форм.

И. ЯМОВ

На межпланетный турнир.

Рисунок В. Сигачева.

После космического полета.

— Ну, хватит рассказывать! Садись к столу.

Рисунок Шандора Гэрэ. Венгрия.

— Я тебе покажу, как в космос проситься! Тут есть желающие постарше!

Рисунок Л. Самойлова.

— Он когда-то целый год жил в Гжатске.

Рисунок В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.